И. МАРТИНОВ

ОПАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

РАССКАЗЫ И РОМАН

У мельницы.
За рекой.
Куст шиповника.
До последнего вздоха.
Пленник.
Высота 1041.
Стервятник.
Храбрый мужчина.
Бессмертие человека.
Значок.
Братья.
Боевые товарищи.
•
Драва.

ОПАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ОПАЛЕННАЯ

И. МАРТИНОВ

Иван Мартинов

ПРЕДИ ДА ОБРАСНАТ С ТРЕВА

ИЗБРАНИ ВОЕННИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Държавно военно издателство
София — 1967

ЗЕМЛЯ

РАССКАЗЫ
И
РОМАН

Перевод с болгарского

Л. С. КАГАНОВА, Е. В. РУДАКОВА и И. А. ЧЕРНИГОВЦЕВА

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1977

И(Болг.)
М29

Мартинов И.

М29 Опаленная земля. Рассказы и роман. Перевод с болгарского Л. С. Каганова, Е. В. Рудакова и И. А. Черниговцева. М., Воениздат, 1977.

286 с.

В книгу включены роман «Драва» и военные рассказы, посвященные мужественной борьбе воинов болгарской Народной армии против гитлеровских войск в боях на реке Драва в годы второй мировой войны.

В романе и рассказах автор показывает героизм болгарских воинов и раскрывает величие подвига советских людей, с достоинством выполнивших свой интернациональный долг по оказанию помощи болгарскому народу в освобождении от фашистского ига.

Живой и образный язык, напряженность сюжета произведений И. Мартинова привлекут внимание широкого круга читателей.

М $\frac{70304-165}{068(02)-77}$ 199-77 И (Болг.)

РАССКАЗЫ

У МЕЛЬНИЦЫ

Передача позиций происходила сразу же после Нового года. Полки 1-й болгарской армии пришли на смену советским частям, занимавшим южные участки расположения 3-го Украинского фронта.

Ночь давно уже опустилась, когда рота болгарской армии вошла в село. Солдаты прошли немного. От района сосредоточения болгарской армии до позиций советских частей не было и пятнадцати километров, но солдаты падали от усталости. Наверное, только сейчас спало напряжение прежних тяжелых походов; солдатский шаг сделался тяжелее, медлительнее.

Рота остановилась на небольшой площади посреди села, где с группой солдат ее ожидал советский капитан Игнатов. Взводы разошлись по местам, указанным советскими солдатами.

Третье отделение первого взвода оказалось в узеньком дворике. Солдаты остановились перед каменной лестницей приземистого, но очень широкого дома с деревянной верандой и большими окнами.

Советский солдат, сопровождавший их, протопал своими сапогами по лестнице, открыл дверь и окликнул кого-то. Бодрый голос его резко прозвучал в морозной январской ночи.

Изнутри донеслись голоса, и, прежде чем ребята поняли что-нибудь, на веранду высыпали советские солдаты.

— Давайте, братцы, входите! — пригласил один из них.

Широкая комната, в которую их привели, освещалась закопченным фонарем, подвешенным к потолку. В глубине гудела печка, на ней кипел большой чугунный чайник. Внутри было тепло и уютно, от чайника поднимался пар.

Командир отделения младший сержант Иван Главанаков, деревенский парень, крупный, статный, с большой стриженой головой и покрасневшими на морозе ушами, нерешительно подошел к печке.

— Садись, садись!.. — приветливо сказали ему.

Солдат, который их привел, ногой пододвинул низенькую табуретку.

Советский сержант, маленький, худой, но шустрый парень, повернулся к своему товарищу:

— Петро, налей чаю гостям!

— Сейчас, Василий Сидорович.

Высокий светловолосый Петро подошел к огромному шкафу, в котором была расставлена посуда, налил в кружки горячий, душистый чай, бросил в каждую по куску сахару и раздал пришедшим.

— Пожалуйста, братья болгары, пейте, грейтесь!

Сержант нарезал белого хлеба, и все начали с аппетитом есть. Лица раскраснелись, глаза посветлели, посоловели. Гудела печка, фонарь мигал с потолка, и между болгарскими и советскими солдатами повелась та незабываемая беседа, которая всегда рождает чувство дружбы и близости.

— Хляб харош, харош! — усмехнулся Иван Главанаков и показал на кусок белого хлеба.

— Что? У вас «хляб» говорят?

— Ага, хляб.

— А «враг» как по-болгарски?

— Тоже «враг».

— Смотри-ка ты! Самые важные слова одни и те же! — хлопнул Василий Сидорович себя по колену.

Все довольно засмеялись, и комната наполнилась громким мужским смехом, показывающим, что у солдата, когда он сыт и обогрет, на душе легко и приятно.

На другой день еще до рассвета сержант Василий Сидорович Сергеенко, Иван Главанаков и солдаты третьего отделения ушли на водяную мельницу. Они поднялись по сгнившей деревянной лестнице в маленькую башенку и устроились возле оконца.

Село находилось как раз напротив окна, едва различимое под снежным покровом. Только дымящиеся печи выдавали его. Но это не представляло никакой опасности, поскольку противник располагался далеко от села.

На северо-западе простиралось болото, поросшее редким тростником. Широкий, но мелкий канал впадал в реку, протекавшую между рядами верб и низкого ракитника. Здесь, в устье этого канала, и стояла водяная мельница — двухэтажная, с маленькой башенкой, из окна которой они и смотрели сейчас.

— Вот там, видите, небольшой лесок?— спросил Василий Сидорович. — Там передний край противника. — Он показал рукой. — А правее, видите, столбы? Там проходят их окопы. В домике напротив нас находится его боевое охранение, а вы здесь тоже выдвинуты немного вперед, поэтому будете боевым охранением вашего батальона. Внимательно наблюдайте, следите за противником, особое внимание обратите на болото.

— На болото?

— Да, на болото и на канал с поймой, — подтвердил Сергеенко кивком головы, и легкая улыбка оживила его усталое, худое лицо. Он положил руку на плечо Главанакова:— Ничего, ничего, глазам работа, зато сердцу спокойней...

— А вы куда перебираетесь?

— Куда, не знаю, но мне думается, что соседями будем.

— Соседями?

— Да вроде так. Ну, братцы, пошел я, а вы занимайте позицию! — И Сергеенко ушел со своими солдатами.

Рассвет застал отделение уже на своих позициях.

Через окно в башне просматривалась вся местность. За болотом и поймой темнели низкие кусты ракитника, тонущие в легкой дымке. Никого не было видно, и у них не возникало опасения, что противник может неожиданно и внезапно напасть. Но все шестеро знали, что там, за этими ракитами, проходят окопы гитлеровцев и что оттуда точно так же наблюдают за ними.

Болото замерзло. Тонкий слой снега, а потом и лед закрывали здесь и там развороченную снарядами почву. Почти возле самой каменной ограды мельницы, прямо под окном башни, завяз в канале огромный немецкий танк. Конец ствола его был разорван, как кукурузный стебель, и торчал кверху: следы боя, разыгравшегося здесь до их прихода. Дальше валялись искореженные каски, а в кон-

це, почти у самого берега, лежал труп, засыпанный снегом и обледенелый, в зеленоватой шинели, с пепельно-серым лицом. Еще дальше простиралось поле — ровное и голое, все в сугробах снега, изрытое снарядами и минами. На нем не видно было ничего, кроме нескольких тутовых деревьев да стаи ворон, с карканьем носившихся над ними.

Здесь их части пришлось пробыть до весны, до тех самых пор, когда лед взломался и ушел вниз по реке, а снег исчез, жадно поглощенный землей.

Гитлеровцы атаковали на рассвете.

Еще не занялась заря, когда раздался стрекот пулеметов и автоматов. Ребята, спавшие на соломе завернувшись в шинели, вскочили и схватили оружие. В следующий миг они уже были в глубоком окопе, дугой опоясавшем мельницу с западной стороны.

Небо на востоке медленно светлело. Солнце еще не появилось над горизонтом, но края небольших облаков уже порозовели. За каналом висел неподвижный густой туман, скрывавший окопы противника.

Иван и его товарищи стреляли редко, но уверенно по тем сомнительным зеленеющим пятнам, сливавшимся с ракитами. Все были уверены, что гитлеровцы не решатся пересечь болото, ставшее после таяния снега почти непроходимым.

На участке перед мельницей было спокойно. Но с двух сторон всей позиции оборонявшегося полка и за леском, где были расположены советские части, бой разгорался, и оттаявшая земля дрожала от орудийного грохота. Воздух будто был пронизан звоном разбитого стекла. Солдаты лежали грудью на бруствере окопов, внимательно всматриваясь в оловянную поверхность застойной воды.

Но случилось нечто для них неожиданное, непоправимое. Среди солдат, занимавших позицию правее, натиск противника вызвал замешательство. Иван увидел, как командир первого отделения Милойков, смелый и опытный солдат, перебегал от одного солдата к другому, что-то кричал им, но вдруг упал, сраженный пулей гитлеровцев, которые обошли болото и атаковали полк с фланга. Одновременно с Милойковым упал еще один.

«Что-то нужно сделать сейчас, что-то нужно сде-

лать!» — мгновенно подумал Иван Главанаков и поискал глазами взводного.

— За мной! — крикнул он в следующий миг двум солдатам, находившимся около него, и бросился к тому месту, где упал Милойков.

Четыре гитлеровских автоматчика бежали прямо в его сторону, не замечая оборонявшихся. Младший сержант нажал на спусковой крючок своего автомата, и двое фашистов как-то обмякли и вытянулись на земле.

Но другие все шли, шли...

Сколько времени продолжался бой, Иван не знал, да и не делал никаких усилий, чтобы понять это. Он понимал только одно: нужно стоять насмерть. Командир взвода перебросил сюда все его отделение.

Ближе к вечеру, когда на поле и болото опустились сумерки, бой разгорелся с новой силой, вместо того чтобы утихнуть. Перед тем как совсем стемнело, враг снова бросился в атаку, навалился еще яростнее и ожесточеннее. В темноте светились дула автоматов, мины рвались перед самым бруствером, откуда-то совсем рядом гитлеровский пулемет поливал огнем окопы оборонявшегося отделения Главанакова.

Мелькнула мысль, что это конец. Но в тот же миг позади его окопа послышались шаги, голоса. В окоп спрыгнули советские солдаты. Кто-то на бруствере размахивал гранатой над головой и кричал:

— Огонь!

И словно удвоились силы обороняющихся. В гитлеровцев полетели гранаты, нервно и безостановочно застрочили автоматы, и в конце концов серо-зеленые фигуры не выдержали и поползли обратно. В окопах слышалось громкое «ура», не утихала стрельба.

Враг был отбит.

Когда Иван Главанаков проснулся, то с удивлением обнаружил, что возле него, положив голову ему на плечо, лежит сержант Сергеенко. Младший сержант посмотрел в худое лицо друга, улыбнулся и продолжал так лежать, боясь разбудить его. Рядом, прислонившись к брустверу, стоял Петро, который в первую ночь угощал отделение чаем.

Через некоторое время проснулся и Сергеенко. Он увидел Ивана и совсем не удивился, будто бы все это было вполне естественным.

— Ну что, опять вместе? — спросил он, и теплая улыбка растянула его потрескавшиеся губы.

— Да, но я совсем не ожидал, — обрадованно сказал Иван.— Хорошо, что подоспели, иначе...

— Ну что ты! — укорил его Сергеенко. — Вы здорово дрались! А сейчас давай-ка лучше закурим по одной болгарской сигарете! — весело предложил он Ивану. — Хорош ваш табачок, как и вся ваша страна!

Неподалеку от них дружно хохотали советские и болгарские парни. Один солдат показывал в сторону оттаявшего поля и хватался за живот, задыхаясь от смеха.

В окопах, где несколько часов назад неистовствовал бой, где смерть косила людей, наступило время шуток и солдатских прибауток, без которых нельзя на войне.

ЗА РЕКОЙ

1

Зима была трудная и морозная. Яростные ветра дули с севера. Метель переметала дороги, рвала телефонные провода и заваливала села пухлыми сугробами. Движение тыловых частей было затруднено, почта часто запаздывала, даже связь со штабом армии прерывалась надолго. Сгрудившись возле печек в разрушенных артиллерийским огнем домишках или стоя в окопах на посту, подняв воротники шинелей, замотанные поверх шинелей в шали, солдаты с трепетом ожидали вестей из дому. По полям и нивам с неубранными стеблями кукурузы и подсолнухов тут и там торчали черные скелеты танков и перевернутые вверх колесами грузовики, а в ложбинках, среди притихших березовых рощ, ютились деревеньки, и только синие ленты дыма напоминали, что на этой разодранной снарядами и минами земле есть еще жизнь.

По берегам Дравы намело глубокие сугробы. Ветер проносился над равнивой, поднимая облака снежной пыли. Вот он задрал полы моей шинели и чуть было не повалил меня, но я не покорился ему и удержался на ногах. Метель вновь яростно набросилась, она щипала и

драла когтями мое лицо. Втянув голову в воротник шинели, стиснув винтовку в закоченевших руках, я все же шаг за шагом продвигался вперед. На глазах от ветра выступили слезы. Напрасно отыскивал я хоть какие-либо приметы, по которым можно было определить, куда идти. Взгляд мой терялся в бескрайней снежной пустыне. Только позади меня, по берегу Дравы, вырисовывалась серая лента деревьев, засыпанных снегом, склонивших до земли ветки.

Я остановился, прижал к себе винтовку и спрятался от ветра за кустом. Был уверен, что землянка где-то рядом. Но как найти ее? Метель замела мои следы на дне окопа. Если покричать, услышит ли кто-нибудь? Наша рота занимала один из самых длинных участков по берегу реки, и посты находились на таком расстоянии друг от друга, что требовалось по меньшей мере полчаса на то, чтобы обойти их. Вот я и отправился некоторое время назад, чтобы сделать это, и сейчас, проверив все посты, возвращался в землянку.

Неожиданно недалеко от себя я заметил стелющиеся низко над землей маленькие серые облачка. Ветер разгонял их по кустам. Дым! Вот где землянка! Ноги быстро понесли меня в нужном направлении и протоптали новую тропинку. Но метель, подтолкнув меня, как пушинку, с воем засыпала мои следы.

Перед входом в землянку я остановился, чтобы перевести дух. До меня долетели бодрые голоса и смех, а вместе с ними и запах чего-то жареного. Голод заставил меня поторопиться. Отвернув одеяло, служившее дверью, я вошел.

В землянке собрались все свободные от наряда солдаты. Длинный, с воспаленными от недосыпания глазами Марин Спасов все еще лежал возле стены, увлеченно читая свои книжки. Возле него Андрей Петров, весельчак и балагур, смачно жевал что-то, набив полный рот, и от удовольствия сладко чавкал, задорно поглядывая на своих товарищей. Здесь же сидел и Симеон Василев, или, как его все называли в роте, Монка. У него была крупная круглая голова, большое краснощекое лицо, которое выглядело добродушно, хотя и несколько глуповато. Сидя на корточках возле печки, полный и тяжеловесный Симеон жарил пончики. Он брал кусок теста из большой чашки, ловко растягивал его своими короткими пальца-

ми, бросал в посудину с кипящим маслом и затем так же ловко вытаскивал длинной заостренной палочкой горячие, подрумяненные, с поджаристой корочкой пончики и складывал их на обломок доски. Андрей уже тянул руку к доске и просил:

— Ну еще одну, Монка, а? До чего же хороши пончики!

Симеон отстранился от печки, взял еще один кусок тянущегося теста, с ухмылкой посмотрел на меня и спросил:

— Может, и ты хочешь, господин сержант?

— Что-о-о? — строго сказал я и направился к нарам, стараясь по возможности придать себе более строгий вид.

Симеон вытаращил глаза и замигал смешно, как гусак, который увидел собаку и решил удрать.

— Ха! Да неужто не видишь, товарищ сержант? — поправился он и растопырил руки, как крылья, будто готовясь улететь. — Пон-чи-ки!

Симеон произнес это слово по слогам. Он вообще имел привычку произносить таким манером слова, когда ему предстояло оправдываться или когда нужен был более убедительный ответ.

Масло на огне подгорело, начало чадить, и Симеон поторопился бросить туда заготовленный кусок теста. Слышно было, как он пробормотал: «Черт возьми! Масло подгорит, весь труд пойдет на ветер...» Может быть, он посчитал, что разговор окончен, но я не оставил его в покое:

— Где взял муку?

Он виновато посмотрел на меня.

— В хозроте.

— А бадью?

— Бадью стащил у одного венгра.

Я окинул его строгим взглядом.

— Что значит стащил?

— Ну, так это... — запнулся он, но, встретив поддерживающий взгляд Андрея, который ему подмигивал и делал знак головой, продолжил: — Честно говоря, товарищ сержант, произошло небольшое недоразумение с этим венгром, но все обошлось. Я показал ему две пачки сигарет, так он готов был меня расцеловать. А насчет масла — братушки мне его дали. Позвали и сами мне его дали. Правда, у меня есть там один друг, завскладом как

будто бы... Как его звать? Фу ты, такое трудное имя, вертится на языке. Афанасий, Атанасий, так как-то... Вспомнил! Бондаренко он, Афанасий Иванович, такой добряк, хороший русский... Ну, хочешь один?

Я не ответил и продолжал строго смотреть на него. Он молча жарил и время от времени косил в мою сторону краем глаза. По выражению его лица я понял, что он чувствует себя виноватым, но не знает, как оправдаться. Мне стало неловко, что я отнял у него удовольствие показать себя хорошим хозяином, и, чтобы исправить неприятное впечатление, которое производило мое молчание, сказал равнодушно:

— Хорошо! Смотри, чтобы в другой раз не было этого... С венграми. Есть приказ: «...Каждый, кто будет пойман...» Соображаешь? Нельзя без разрешения. Скажи командиру, а тогда...

Симеон почесал свою большую стриженую голову и скривил в добродушной ухмылке перемазанную физиономию.

— Буду спрашивать, товарищ сержант, обо всем буду спрашивать предварительно. Хочешь попробовать?

Он взял своими короткими толстыми руками доску, с виноватой улыбкой поставил ее передо мной на нары, а сам сел с другой стороны.

— Давайте, товарищи, поедим! — предложил он всем и обернулся к Марину Спасову: — Эй, мудрец, хватит мудрить над книжкой, иди есть, а то, пока мудрые наберутся ума, голодные похватают пончики!

Не дожидаясь повторного приглашения, мы все четверо набросились на еще горячие пончики. Самый большой сластена среди нас, Андрей Петров, уничтожил уже седьмой пончик и готовился протянуть руку за следующим, как вдруг одеяло на дверном проеме поднялось и кто-то без предупреждения влез в землянку. Мы вскочили и вытянулись по стойке «смирно», с набитыми ртами и перемасленными лицами.

У входа стоял командир взвода подпоручик Христов. Он насмешливо оглядел нас всех, и его смуглое, с мелкими чертами лицо просияло от удовольствия.

— Ну как, ребята?

— Хорошо, товарищ подпоручик, — ответил я смущенно. — Только что вернулся с проверки постов. Все на местах и в отличном состоянии.

Он потер ладони рук.

— Так, так... А мороз?

— Да, конечно... холодновато... — пробормотал я себе под нос.

— Вот видишь?— засмеялся он и укоризненно посмотрел на меня. — А ты говоришь, что в отличном состоянии... А это что? Пончики?!

— Пончики, товарищ подпоручик. Разрешите вам предложить...

Я протянул ему доску с горкой пончиков. Он взял один, откусил кусочек, и рот его растянулся от удивления.

— Ого, вот это да! Кто это такой мастер?

Все повернулись к Симеону. Смущенный похвалой, он начал ворошить дрова в печке, а мы уже вчетвером продолжали поглощать вкусные пончики. Вскоре горку уничтожили, а доску поставили в угол землянки, чтобы была под рукой у Симеона в другой раз.

Подпоручик вытащил портсигар, угостил всех сигаретами и сам после вкусной еды с удовольствием закурил. Он жадно затянулся два-три раза, как настоящий курильщик, выпустил через нос густое облачко дыма и, слегка закашлявшись, спросил:

— Письма получаете от своих из дому?

Все молчали. Никто из нас давно уже не получал писем, поэтому мы не хотели о них говорить. Подпоручик понял, что означает наше молчание, затянулся еще раз и бросил недокуренную сигарету.

— Ты, Дипев, — обратился он ко мне,— не получал?

— Нет, не получал. Да и не жду ни от кого.

Светлые глаза подпоручика с удивлением уставились на меня.

— Почему?

— Да некому мне писать.

— Что, у тебя матери, что ли, нет, отца или... какого-нибудь другого близкого человека?

Мне показалось, что голос его стал немного задиристым. Он даже как-то подмигнул особенно. Я понял, что он хотел сказать, и это меня развеселило.

— Такого человека еще не имею. А из родных только мать осталась, но она уже настолько стара, что не может нитку в иголку вдеть, не то что письмо написать...

— А что же ты не оставил матери какую-нибудь девчонку, чтобы ей нитку вдевала?— спросил, усмехаясь, Андрей Петров и хитро посмотрел на меня.

— Не успел. Только собирался найти какую-нибудь, да тут война. Но беру обязательство, как только вернемся... конечно, если только вернемся, непременно найду.

— Если старая тебе уже не подыскала! Вернешься, а она уже в доме!

Я достойно выдержал насмешливый взгляд Андрея и ответил серьезно:

— Опять же только лучше от этого будет, не буду терять времени на поиски.

— Тогда жди от нее письмо!

Едва сдерживаемый смех грохнул как разорвавшаяся граната, и землянка наполнилась шумом и хохотом. Больше всех смеялся подпоручик. Но вдруг сразу посерьезнел и сказал строго:

— Ну хватит, ребята! Шутки в сторону! Я не для этого к вам пришел, а по более важному поводу. — Он оглядел серьезным внимательным взглядом все углы землянки и продолжал спокойным, заботливым тоном: — Вот уже почти три месяца мы стоим на этих позициях и пока ничего не предприняли. Чего ждем? Известное дело — приказа из штаба. Но будет ли этот приказ? Будет. А до тех пор все так же будем стоять и бездействовать?

Одно мгновение он помолчал, затем махнул неопределенно рукой и показал на выход из землянки.

— Верно, сейчас зима, мороз, метель, снег до пояса, но... можем ли мы бездействовать? А? Что скажете?

Никто не знал, что ему ответить. Он опять повторил свой вопрос. Тогда я, еще сам не зная, что отвечу, вытянулся и сказал:

— Нет, товарищ подпоручик.

— Понятно, что нет. Но что нужно делать?

Подпоручик посмотрел на нас и, встретив наши смущенные, ничего не говорящие взгляды, сказал:

— Нужно готовиться. Мы должны быть готовы к решительному бою, который уже не за горами. Вероятно, и противник сейчас готовится.

Мы оживились, потому что поняли, что он хотел нам сказать. Наконец я решился его спросить:

— А что мы должны сделать, товарищ подпоручик?

Он махнул рукой.

— Вот это-то я и пришел обсудить с вами.— Подумав некоторое время, он продолжал: — Нужно возобновить патрульные нападения на ту сторону Дравы. Враг давно уже не дает о себе знать, затаился там и что-то замышляет. Но что именно? Мы должны знать намерения его командования... Пока еще мы не имеем возможности его атаковать, но можем проникнуть в его тылы и собрать нужные сведения. Откладывать это до весны нельзя.

— Значит, нужно перейти реку?

— Нужно, ребята. Нам необходим «язык». Кто-то из вас должен переправиться туда и добыть его. Есть желающие?

Воцарилось продолжительное молчание. Все понимали, что выполнение задания связано с огромным риском. Никто не решался вызваться сам. Глаза подпоручика вопросительно бегали по нашим лицам. Вот они остановились на мне, я вздрогнул и сделал шаг вперед.

— Я, товарищ подпоручик.

На его губах заиграла улыбка.

— Товарищ сержант, подберите сами еще двоих и явитесь вечером за получением приказа! — сказал он, отодвинул занавес и шагнул в темноту.

Я успел заметить, как он втянул голову в воротник шинели и направился к штабу прямо через засыпанный снегом окоп. Метель толкнула его куда-то в сторону от землянки и скрыла во мгле.

2

Молчаливые, мы остались на своих местах. За стеной бушевала буря, в печке потрескивали сухие дрова. Кто-то глухо вздохнул и выругался. Я обернулся. Это Симеон. Он подошел к нарам, лег на спину, положил руки под голову. Ему явно было не по себе, и сейчас он пытался отогнать прочь свои невеселые думы. По морщинам на его широком, плоском лице и по его глазам я понял, что думает он о чем-то очень для него важном. О чем? Может быть, о доме, о жене и двоих детях. Да, совсем нелегко было ему взвалить на себя такую опасную, рискованную задачу, поставленную подпоручиком. Я знал, что это за человек, знал его привязанность к своей семье, земле, к своему хозяйству, ко всей сельской жизни, поэтому совсем не удивлялся охватившему его волнению. Боялся ли он? Нет!

Он был одним из тех, кто нелегко переносит тяготы военных условий, невзгоды и лишения. Мне приходилось замечать и раньше в маленьких глазах его сомнение и колебание. Но всегда в минуту опасности он находил в себе силы и с неожиданной смелостью бросался в бой. Я знал также, что и на этот раз, поговорив мысленно со своими домашними и простившись с женой, Симеон встанет и первым пойдет со мной.

Казалось, те же мысли волновали и двоих других. Марин Спасов лежал на обычном своем месте возле стены. Ясно — сейчас ему совсем не до книжек, он отложил их в сторону. Что волновало его в этот момент? Если бы я мог проникнуть в его душу, не нашел ли бы я там то же, что в своей душе? К черту! Что это я расчувствовался? Не хватало еще, чтобы это заметил Андрей Петров. Этот насмешник и зубоскал вытянул губы трубочкой и иронически следит за каждым нашим движением. Мне думается, что он даже над собой насмехается. Чудной человек! Чтобы не встретиться с его задиристым взглядом, я повернулся к нему спиной и постарался не думать ни о чем другом, кроме предстоящей патрульной вылазки.

Но не смог. Мысли мои, растревоженные воспоминаниями, увели меня далеко, в мой родной дом.

В городке, где я родился, все знали меня как тихого и кроткого, незаметного парня. Каждое утро я шел в суд, садился за письменный стол и добросовестно выполнял свою работу. Ничем другим, что могло бы повредить моему благополучию, не занимался. В политике мало что понимал. Прочел всего две или три книжки, которые знакомый чиновник, член одной из националистических организаций, дал с условием непременно прочитать. Но эти книги только запутали меня. Я был из тех молодых людей, которые любят спорт, игры, танцы, легкую жизнь.

Так в общем спокойно, тихо и гладко текла моя жизнь. Но вдруг все изменилось. Неожиданно вокруг меня все закипело, забурлило, как в котле, в котором завертелись все жители нашего городка. С глаз моих спала пелена, и я понял, в каком мраке жил до сих пор. Конечно, я не сразу изменился, но могу смело сказать, что больше не был тем легкомысленным молодым человеком, который превыше всего на свете ценил собственное спокойствие. Я включился в общественную работу, принимал участие в различных делах и даже решил вступить в организацию

молодежи, но... началась война, и мне не удалось это сделать. А впрочем, много чего я не успел сделать вовремя: не успел влюбиться, хотя не однажды случалось встретить девчонку, которая нравилась мне. Но думаю, что это еще будет в моей жизни! Конечно, очень хорошо иметь дома такого близкого человека, о котором говорил подпоручик. Неожиданно Андрей прервал мои мысли:

— Кого выбрал, товарищ сержант?

Я медлил с ответом. И двое других повернулись ко мне. Встретив озабоченный взгляд Симеона, я сказал:

— Симеон Василев.

— Я, товарищ сержант.

Установилась напряженная тишина, и мой голос прозвучал в ней резко и отчетливо:

— И ты, Андрей!

— Слушаюсь, товарищ сержант.

Снова тишина. Со своего места возле стены поднялся Марин Спасов:

— А я?

По его тону я понял, насколько он огорчен.

— Ты останешься. Нельзя всем четверым. Не слышал разве, что сказал подпоручик: только трое!

— А почему не я, товарищ сержант? Пусть Симеон останется! У него жена, дети...

Симеон вскочил. Никогда я не видел его таким злым. На этот раз даже испугался его взгляда. Он пошел на Марина:

— Ты за себя отвечай, а я сам отвечу, язык на месте... — И, обернувшись ко мне, со злым выражением на обычно добродушном лице твердо сказал: — Я готов, товарищ сержант!

— Симеон пойдет. Ты, Марин, останешься здесь и присмотришь за печкой. А вы, товарищи, подождите немного, я сбегаю к подпоручику за распоряжением.

Натянув шинель, я вылез из землянки. Метель немного приутихла. На равнину опускалась морозная венгерская ночь. Я быстро пошел к командно-наблюдательному пункту роты.

Три дня мы готовились к предстоящей патрульной вылазке. Одетые в белые халаты, мы каждую ночь упражнялись, как будем пересекать реку, а днем, хорошо выспавшись, слушали напутствия подпоручика и изучали по карте наш маршрут.

По норме для такой патрульной вылазки требовалось участие, по крайней мере, семи человек, да и готовиться нужно было почти неделю, но из штаба полка пришел приказ поторопиться, и число разведчиков было уменьшено. Я был немного знаком с военными вопросами еще с сержантской школы и понимал, что это означает.

Когда наступил день вылазки, подпоручик приказал нам приготовиться и ждать последних распоряжений. Мы подготовили автоматы, набили сумки патронными дисками и гранатами, натянули белые накидки и уселись на нарах.

Сидели молча, не глядя друг на друга. Что чувствовали мои товарищи, не знаю, но мое сердце готово было разорваться от волнения. Марин Спасов подбрасывал дрова в печку и, стараясь выглядеть спокойным и веселым, пытался шутить:

— Буду так топить, чтобы, когда вернетесь, не жаловались на меня!..

Но никто ему не ответил. Сейчас совсем не до шуток было, поэтому он, явно смущенный, замолчал и поторопился выйти из землянки.

Вскоре пришел подпоручик. Он еще раз объяснил, в чем заключается наша задача, затем немного помолчал, посмотрел на часы, встал с нар и махнул рукой.

— Пошли, ребята, вылезай наверх!

Один за другим мы вылезли из натопленной землянки и построились в окопе. В белых накидках мы были почти неразличимы на бескрайней снежной белизне.

Ночь стояла необыкновенно светлая и тихая. Мороз сковал землю, снег скрипел под ногами. В пятидесяти шагах от нас внизу темнели низкие деревья и кусты, обозначая берега Дравы, а далеко за ней простиралась потонувшая во мгле братская страна, в которую мы направлялись в тревожном неведении.

— Ребята,— нарушил молчание подпоручик,— так повторяю еще раз: вам предстоит выполнить трудную задачу. Это будет большим испытанием для вас. Но вы не волнуйтесь, постарайтесь сделать именно то, что я вам сказал, и увидите, что все пройдет хорошо. Желаю вам успеха! Дайте я вас обниму.

Прощание было кратким, но сердечным. Сердцем своим я понял, как нас любит подпоручик Христов и какие большие надежды возлагает он на нас. Чтобы не выка-

зать своего волнения, я вытянулся и единым духом выпалил:

— Товарищ подпоручик, приказ ваш будет выполнен! — А потом сделал знак рукой своим товарищам: — Пошли, ребята!

Друг за другом, утопая в сугробах снега, мы начали медленно спускаться к низкому берегу реки, поросшему вербами.

И только спустившись вниз и ступив на лед, полностью осознали, какую трудную задачу нам предстоит выполнить. Река уже замерзла, но никто не был уверен, что лед выдержит нас. Возможно, ближе к середине река не поддалась морозу, и там, стиснутая в ледяных объятиях, течет темная и неспокойная вода. Для большей безопасности Андрей, который шел последним, прихватил доску, чтобы с ее помощью переходить через опасные места.

Стиснув зубы, я полз, не отрывая взгляда от другого берега. Что ждет нас там? Предварительно я определил место, где мы должны вылезти: маленький заснеженный тополь, торчавший над берегом, как воткнутое в землю гусиное перо. Я полз по припорошенному снегом, слегка потрескивавшему льду и не знал, что там с моими товарищами. Ползут ли они за мной? Я не выдержал и, не останавливаясь, спросил:

— Вы здесь?

Ответа не последовало. Я обернулся. В пяти шагах позади меня что-то белое зашевелилось, сдавленный шепот ответил:

— Здесь, товарищ сержант.

По голосу я узнал Симеона.

— А Андрей?

— И я здесь.

— Не отставайте, ребята!

Снова пополз. Полз и чувствовал за собой затрудненное дыхание Симеона. Представил его лицо, широкое и полное, с отвисшими щеками, на которых блестят капли пота. Не жалеет ли, что пошел? Внезапно лед затрещал сильнее, и я бросился назад.

Симеон, поравнявшись со мной, ткнулся головой в мое плечо.

— Что случилось, товарищ сержант?

— Лед... трещит, будто даже провалился.

Бормоча что-то, Симеон отполз на несколько шагов

назад. Слышно было, как он объясняет Андрею, что произошло. Подполз Андрей:

— Дать доску?

— Нет, пока не нужно. Возьмем правее, там лед покрепче. Выдержит.

— Фу! Крепкий, а трещит...

— Пошли, пошли, товарищ сержант, — подтолкнул Симеон,— заметят, тогда... не вернуться нам живыми!

— Подожди немного!

— Чего медлить?

— Сейчас... Ага, вот он!

В кармане шинели я нашел осколок снаряда, который сохранил на память после недавнего артобстрела, когда снаряд разорвался в нескольких шагах от меня, не причинив вреда. Быстро вытащил его и, размахнувшись, бросил вперед. Послышался тупой звук, и осколок покатился по льду. Значит, лед крепкий. Руки и ноги быстро понесли меня вперед. Дополз до осколка, нашел его и вновь бросил вперед. Так, после нескольких бросков, мы достигли середины реки. Оказалось, что и здесь вода замерзла.

Мы продолжали ползти. Ни метель, ни снежные сугробы не в состоянии были помешать моим рукам и ногам работать с удивительной быстротой. Добравшись до берега, я обернулся, чтобы посмотреть, где мои товарищи. Их головы поднялись почти вместе с моей.

— А сейчас, товарищ сержант?

— Тсс... Тихо!

— Кто нас услышит в такой буре?

— Да кто его знает! Лучше помолчим!

Мы притаились, распластавшись по земле. Из указаний, данных мне подпоручиком, и сведений, которые мы собрали, мы знали, что в трехстах метрах от нас должен находиться немецкий пост. До него нужно проползти незамеченными. Как можно сделать это? Перед нами простиралось широкое и ровное поле, ограниченное с одной стороны березовым леском, а с другой — неглубоким сухим оврагом. Если повернем направо, нас могут засечь и открыть пулеметный и минометный огонь. Налево, по поросшему низким кустарником оврагу, тоже невозможно проползти. Там проходят в несколько рядов окопы, в которых не спят часовые. В таком случае остается только лесок. Но и там путь будет труден и неудобен из-за естественных препятствий. Какой маршрут ни выбери,

везде нас подстерегает опасность. Так что же делать? Медлить больше невозможно: в любой момент нас могут заметить. Нужно действовать сейчас же, незамедлительно!

Я дал знак своим товарищам. Прижавшись головами друг к другу, уточнили нашу задачу:

— Пойдем в трех направлениях: влево по оврагу — Андрей, прямо через поле пойду я, а Симеон будет пробираться через лесок.

Подождал, пока они займут исходные позиции, и пополз. Пробираясь вверх по изрытому берегу, в последний раз посмотрел им вслед и с радостью отметил, что их белые спины сливаются со снежным покровом. У меня подкатил комок к горлу, глаза заволокло туманом... В добрый час, дорогие товарищи! Желаю вам успеха, желаю вам вернуться живыми и здоровыми! Протянул руки, ухватился за ветки какого-то куста и вылез на берег.

Метель яростно набросилась на меня. Спрятав лицо в снег, пролежал так несколько секунд, вслушиваясь в вой ветра. Когда же поднял голову, то чуть было не взвыл от обиды и огорчения. Ах, черт побери!.. Это же не метель, а стрельба, значит, обнаружили нас, собаки!

В ста или ста пятидесяти шагах от меня поднимались два ряда берез, а за ними, скрытая в ветвях кустарника, притаилась небольшая деревянная избушка. Из ее окна, как из открытой печи, вылетал огонь. Это в направлении берега стрелял пулемет. Огонь угас, стрельба прекратилась... В тот же момент со стороны оврага послышался треск автомата. Андрей! Пулемет повернулся туда. Значит, обнаружили и его! Андрей, милый Андрей, держись! Пока ты будешь отвлекать внимание, я проскочу... Что там с Симеоном? Хоть бы он успел добраться до избушки... Но вот и из леса донесся треск автомата, пулемет повернулся в том направлении. Засекли и Симеона! Хорошо, пусть стреляют, пусть перепахивают лес и овраг минами и снарядами, мы проберемся и выполним приказ. Я быстро пополз в сторону избушки.

Протягивая руки вперед, цепляясь ими за снег, подтаскивая одну за другой ноги, я напрягался и бросался вперед. Неожиданно метель налетела на меня и засыпала облаком снежной пыли. Зарылся головой в снег. На этот раз я уже знал, что это означает. Черти, больше не обманете меня! Стянул автомат с плеча, прицелился и нажал

на спусковой крючок. Почувствовал, как оружие забилось в моих руках. В ответ из избушки меня осыпал град пуль. Гневом наполнилось мое сердце. Я едва сдержался, чтобы не вскочить и не броситься на врага. Не успел я сменить диск и прицелиться, как сильное пламя осветило избушку и вместе с вихрем до меня докатился гром. Я понял, что случилось: кто-то из товарищей добрался до нее и бросил внутрь гранату. Из избушки выскочили два немецких солдата и бросились к ближайшим кустам. Вслед за ними выскочили еще двое. В этот момент я выстрелил. Последний из гитлеровцев сделал еще два шага, зашатался и растянулся на снегу. Из кустов мне ответили ожесточенной стрельбой. Что-то ударило меня так, что я выпустил автомат из рук. Схватился за плечо и стиснул зубы. Ранен? Попробовал пошевелить рукой, но она не слушалась. Боль была невыносимой. Кровь горячей струйкой потекла под рубашкой, быстро застывая. Что будет со мной? Что с моими товарищами? Кто из них бросил гранату и взорвал вражеский пост? Нет, не выдержу! Мне не остается ничего другого, как вернуться... Взвалив автомат на спину, я пополз обратно. Раньше было трудно ползти под огнем врага, а сейчас это стало почти невозможно, так как силы оставляли меня. Наверное, много крови потерял. Но я подавил охватившее меня отчаяние. Опираясь на здоровую руку, я подтягивал одну ногу, затем другую и, корчась от боли, все полз и полз...

Из последних сил дотащился до того маленького тополя, откуда мы разошлись по сторонам. Протянул руку, чтобы ухватиться за ветку, и тотчас отдернул ее. Поборов страх, пошарил впереди себя и нащупал в снегу чью-то голову.

— Андрей?

Придвинулся ближе и вгляделся.

— Симеон!

Глаза его были закрыты, зубы стиснуты, лицо искажено... Прижал его к себе, почти крича ему в самое ухо:

— Симеон!

Глубокий вздох вырвался из его груди. Он посмотрел на меня рассеянным, блуждающим взглядом.

— Ты ранен?

— Да.

— Куда?

— В грудь, вот здесь... жжет...

Голова его упала на мою руку. Губы слегка зашевелились, но я ясно услышал слова:

— До-та-щил од-но-го... Вон там!

Он взглядом показал налево.

— Немец?

— Да. — И закрыл глаза.

Позади нас затарахтел пулемет. Как горох посыпались пули. Его поддержал автомат. Значит, пришла помощь разбитому немецкому посту? Где же Андрей? Почему медлит? Нет, не могу его ждать! Схватив Симеона за пояс, я потащил его вниз. Вытащив на лед, накрыл накидкой и вернулся наверх. «Язык» лежал в нескольких шагах от тополя, с крепко связанными руками и ногами и с заткнутым ртом. Смотри, как ловко и умело он его связал, этот Симеон, этот чудной и смешной Симеон!

Боль в плече стала невыносимой, но я все же потащил фашиста вниз, волоча за воротник шинели, как грязный, вызывающий омерзение куль, который тащат на свалку. Гитлеровец изумленно смотрел на меня и не предпринимал никаких попыток освободиться или сопротивляться. Жалкий и беспомощный вид его вдохнул в меня надежду и новые силы.

Я сбросил пленного вниз, на реку, дотащил его до Симеона, лег между ними и притаился. Гитлеровцы подошли к берегу и засыпали реку пулями. Наши ответили им. Первым откликнулся ручной пулемет с правого фланга, затем одно из орудий, и в следующий момент все потонуло в грохоте орудийного огня. Берег, на котором находились фашисты, клокотал от разрывов.

Я лежал неподалеку от берега и ждал. Знал, что теперь нельзя торопиться. С подпоручиком мы договорились, что, как только мы спустимся вниз, на лед, наши батареи откроют заградительный огонь и прикроют наше возвращение. В этот момент я хорошо понимал свою задачу: ценою жизни доставить пленного на наш берег! Но что будет с моим раненым товарищем? После минутного колебания я вновь вцепился в пояс Симеона и потащил друга по льду. Ветер дул прямо в лицо, злобно швыряя горсти снега. Орудийный грохот продолжался. Снаряды рвались сзади нас, пули свистели над головой. Но я все продвигался вперед. Полз, полз... и наконец достиг берега. Спрятал Симеона под кустами и лег возле него. Нет,

я обязан выполнить приказ — пленного нужно доставить живым и передать командиру!

Пополз обратно. И опять пришлось преодолеть тысячу препятствий. Гитлеровец лежал все там же, почти обезумевший от страха. Схватил его за воротник и потащил к нашему берегу. Несколько раз останавливался, чтобы перевести дух, а потом, собирая последние силы и превозмогая боль в плече, снова полз... Нет, я не охал, не скрежетал зубами, а радовался и ликовал от нашего успеха. Это была не обычная радость, а какая-то новая, еще неизвестная, сильная и вдохновляющая радость от сознания выполненного долга, задачи, которую командир возложил на меня от имени Родины...

Последнее впечатление было самым сильным. Помню, как я все же добрался до берега. Симеона уже унесли мои товарищи. Они не знали, что произошло со мной, но с риском для жизни ждали моего возвращения. Как во сне, я видел счастливое лицо подпоручика, радостные и возбужденные лица солдат, протянутые дружеские руки. Я напряг мускулы, собрал последние силы, встал и, не выпуская гитлеровца из рук, сделал еще несколько шагов. Затем упал и закрыл глаза...

КУСТ ШИПОВНИКА

Их осталось только трое. Командир отделения и двое других солдат погибли еще ранним утром, после того как противник атаковал их неожиданно со стороны леса.

Все трое были из одного села, но совсем случайно оказались в одном взводе, в одном отделении и даже в этом месте, считавшемся самым надежным в обороне полка. При отходе в сумерках апрельского утра они остановились здесь, быстро окопались, набросали перед окопом веток и залегли один возле другого.

Перед ними простирался луг — голый, серый, с легким наклоном, покрытый едва пробившейся зеленой травкой. И только один-единственный куст шиповника торчал колючими ветками перед их глазами. Но отсюда они могли вести наблюдение и держать под обстрелом все расстилавшееся перед ними пространство, не давая солдатам противника поднять голову. Другие отделения взвода отошли к высоткам перед селом, и только они все еще оста-

вались здесь, клином врезаясь в расположение противника. В этом бою, который был для них одним из самых тяжелых за всю войну, они понимали обреченность своего положения, но решили не отступать и не пропустить противника в глубь обороны.

Самый старший из них, Иван, которого все называли Горуней [1], — плотный, тяжелый и грубоватый, действительно, как неотесанный дуб, но очень добрый парень — пользовался любовью своих товарищей. До войны он работал на горных сыроварнях и от долгого скитания по горам приобрел чутье и способность безошибочно определять время дня, ориентироваться в любой обстановке. Тихий и стеснительный, он не мог командовать другими, но сейчас, ощущая опасность, нависшую над его товарищами, сам занял место их погибшего командира.

Вторым по возрасту был Костадин, маленький и сгорбленный, но шустрый, как ласка, с короткими редкими волосами и живыми хитрыми глазами. Он был женат, имел троих детей, о которых часто вспоминал. Даже тогда, когда спокойно и хладнокровно прицеливался, он на мгновение закрывал глаза, чтобы вновь и вновь мысленно увидеть дорогие лица.

Самый молодой из них, Илия, оставил в селе девушку, на которой хотел жениться. В последних числах августа они вместе ходили к ее отцу, сказали, что любят друг друга. Потом был намечен день сговора, но в сентябре его мобилизовали и отправили на фронт.

Илия был хорошим стрелком и не тратил понапрасну ни одной пули. У него почти не оставалось времени, чтобы вспомнить о своей матери, о Гене, которая с болью и надеждой в сердце ждала, когда он вернется с фронта и они поженятся.

Бой разгорелся с новой силой. Строчили пулеметы, ухали минометы, свистели пули. Земля дрожала от орудийного грохота, и огненные сполохи озаряли утреннее небо. Вокруг них в перепаханном поле рвались снаряды и мины, но они продолжали держать оборону и не думали об отходе.

Наступил день — серый, холодный, влажный. Мало-помалу туман рассеивался, открывая позиции врага. Трое солдат лежали в окопе уставшие и голодные, с исхудав-

---

[1] *Горуня* (*болг.*) — огромный дуб.— *Прим. ред.*

шими и заросшими лицами. Иногда им казалось, что взвод отошел еще дальше, оставив их одних, но пулеметная дробь, доносившаяся с высотки перед селом, говорила о том, что они не одни, что товарищи где-то рядом и не бросят их в тяжелую минуту опасности.

Только к полудню огонь противника понемногу стих. Вскоре к ним пробрался солдат, притащил сумку с провизией и патронами и передал приказ командира взвода удержать позицию любой ценой.

Иван молча выслушал его слова и кивнул:

— Хорошо, мы и сами решили не отступать ни на шаг!

Они проводили солдата, пряча едва заметную тоску во взгляде, и приготовились к длительной и тяжелой обороне.

Следующие дни прошли в непрерывном бою с наседающим противником, но они больше не боялись неизвестности, зная, что их товарищи рядом. Регулярно к ним приползали солдаты, приносили еду, воду, патроны. И хотя никто не объяснял обстановку на других участках обороны, все трое понимали, что на этих позициях враг задержан.

На пятый день установилась какая-то особенно подозрительная тишина. Не слышно было никакой стрельбы.

Утро выдалось ясным и солнечным. Высоко над ними синело небо, по нему плыли кудрявые, легкие, как пух, облака.

Вдруг Костадин, находившийся на посту у пулемета, неожиданно вскрикнул, и, прежде чем он успел что-либо сказать, двое его друзей вскочили и заняли свои места. Оттеснив Костадина своим мощным плечом, Иван взялся за ручки пулемета, готовый в тот же миг стиснуть их и начать смертоносную косьбу.

— Эй, что ты кричишь?— сердито обернулся он к Костадину после того, как внимательным взглядом окинул все поле, простиравшееся перед окопом: голое, ровное и без каких бы то ни было сомнительных точек.

— Смотри, смотри! — указал рукой Костадин. — Шиповник расцвел.

И тут Иван увидел, что куст шиповника, прежде весь голый, теперь покрыт розовыми цветами. Они свыклись

с ним, и до этого куст не производил на них никакого впечатления. Только два дня назад они заметили, что его ветви начали зеленеть от побежавшего под корой сока, а набухшие почки только и ждут дуновения теплого, легкого ветра, чтобы распуститься за одну ночь. И вот теперь вместе с бледно-розовыми цветами, похожими на колокольчики, на его ветвях зеленели маленькие листочки, в глубине которых виднелись светло-зеленые верхушки молодых побегов. Иван еще раз посмотрел на шиповник и почувствовал, как что-то затрепыхалось у него в груди, будто птичка, которая хочет вырваться на свободу и больше не возвращаться сюда, в это небольшое укрытие, которое может стать и могилой для всех троих.

— Что вам сказать? — обернулся Иван к товарищам, и в его взгляде отразилась душа человека, долгое время жившего среди природы.— Хорошо, эх хорошо!.. — И он махнул рукой, как будто приветствовал самого дорогого гостя.

Костадин тоже расчувствовался. Он встал рядом с Иваном, облокотившись о бруствер окопа, впился взглядом в куст шиповника и долго не сводил с него глаз.

— Знаешь, — обратился он к Ивану, чуть дыша от волнения, — у меня на лугу растет точно такой же. Каждый раз, как иду на покос, останавливаюсь возле него и смотрю... Вот как мы сейчас на этот...

— Смотри-ка, и травка повылезла! — кивнул Иван в сторону луга.

Костадин хотел было ему ответить, но только тихо пробормотал что-то и задумался. Он вспоминал, в какое время они косили, и мысленно возвращался назад, почти на тысячу километров южнее, на тот небольшой участок земли на склонах Стара-Планины [1], где был и его луг. А что сейчас делает его жена и дети? Сыты ли? Готовятся ли к сенокосу? А может быть, как раз сейчас смотрят на цветущий куст шиповника? Ох, эта война! Скорей бы она кончалась, уже нет больше сил валяться в сырых окопах! Костадин поглядел на Ивана, сидевшего внизу и сворачивавшего цигарку из куска газеты.

— Как думаешь, Иване, скоро ли конец будет?

— Чему конец? — поднял брови Иван, послюнил бумагу и скрутил толстыми, но ловкими пальцами цигарку.

---

[1] *Стара-Планина* — горы в Болгарии.— *Прим. ред.*

— Да войне! — кивнул Костадин в сторону реки, где находился противник.

Иван пожал плечами, откусил зубами конец самокрутки, сунул ее в рот и начал искать огниво.

— Должна кончиться! — промолвил он и спокойно поглядел вокруг своими умными глазами.

— Однако долго тянется! — покачал головой Костадин, и его маленькое смуглое лицо сморщилось. — Выбьем этих фашистов, потом будет легче...

— Должна кончиться! — подтвердил еще раз Иван, достал огниво из кожаного кисета и легкими взмахами стал высекать огонь.

— Ну а когда, когда, вот что скажи мне! — настаивал Костадин, бросая взгляд на куст шиповника. — Эх, мама моя, до чего же руки зудят по работе, а сейчас как раз такое время... Ух! — И он зло сплюнул.

Илия стоял возле пулемета и не слушал их разговор. Он смотрел перед собой, упиваясь красотой цветов шиповника. Вокруг куста с жужжанием летали пчелы, сверкали на солнце тонкие крылышки бабочек, в траве копошились жучки и муравьи, а высоко в чистом небе летали птицы. Все это напоминало Илии родное село.

Маленький воробышек, серый и растрепанный, с беловатыми пушинками на груди и коричневыми пятнышками вокруг клюва, опустился на траву неподалеку от окопа и запрыгал на своих тоненьких ножках. Он вертел головкой с глазами-бусинками, посматривая, что бы склевать. Илия порылся в кармане шинели, вытащил целую щепотку крошек и бросил ему. Но только воробей собрался клюнуть, как внезапный грохот нарушил покой солнечного апрельского дня. Воробей вспорхнул и улетел куда-то.

Илия вздрогнул. Раздался второй взрыв, третий, и сразу же все вокруг загрохотало от орудийной канонады. Бой начался вновь. Они вскочили, заняли свои места, как бы почувствовав, что это будет последний бой в их жизни.

— Давай, Иване! — крикнул Илия. — Бей их, коси!.. За нас, за всех.

— И за шиповник! — яростно пробормотал Иван, стискивая ручки пулемета, бившиеся в его руках.

— За шиповник... Ура-а-а! — закричал Костадин, видя, как неподалеку от них, в невысоком кустарнике и зеленеющем тростнике на берегу реки, вздымались пулями облачка пыли.

Вдруг пулемет смолк. Илия быстро обернулся. Иван сползал на дно окопа, держась за грудь. Лицо его побелело, на глазах блеснули слезы.

— Иване! — выкрикнул Илия и бросился к другу. — Иване! Что с тобой?

Иван шевельнул рукой, попытался встать, но силы оставили его, и он уронил голову на грудь.

— Пуле... — чуть шевельнулись его губы, и он всей тяжестью тела опустился на руки Илии, но тот понял, что хотел сказать Иван.

Илия опустил его на землю и встал, но, еще не успев обернуться, почувствовал сильный удар в затылок. Перед глазами поплыли огненные круги, затем все потемнело, и он свалился на тело Ивана.

Костадин почувствовал, что и Илия упал, но у него не было времени обернуться. Он продолжал стрелять из пулемета по цепям противника, которые уже в десятый раз поднялись в атаку. Дуло пулемета поворачивалось то влево, то вправо, и Костадин видел, как огненный вихрь уносил прочь возникавшие перед его глазами зеленоватые фигуры.

В один из моментов затишья он бросил взгляд на куст шиповника. Розовые лепестки его осыпались на землю. Костадину стало невыносимо тяжело, и он потянулся к одному цветку, но в этот момент ощутил сильную боль в плече и опустил руку. Его охватила необыкновенная слабость, дыхание стало медленным, сдавленным. Он закрыл глаза. Перед его взглядом, как во сне, мелькнул розовый куст, но уже не тот, росший перед окопом, а другой, который был там, на его лугу... Костадин собрал последние силы, поднял голову и, напрягая мускулы, вновь взялся за ручки пулемета. Сквозь стрекот очереди со стороны высоток до него донеслось «ура-а-а», и, не оборачиваясь, он понял, что полк поднялся в контратаку и что скоро они будут спасены...

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

Орудия ожесточенно стреляли.

С небольшого возвышения посреди поля, где они окопались, артиллеристы видели, как снаряды падают в реку, вздымая огромные столбы воды, переворачивая враже-

ские лодки и плоты. На поверхности некоторое время после взрыва носились обломки досок и бревен, но затем течение уносило их. Чернели торчавшие из воды головы, видны были взмахи рук пытавшихся плыть, но огонь болгарских пулеметов вновь заставлял их уйти под воду.

Силы противника были велики. Все новые лодки и плоты отчаливали от противоположного берега и под градом снарядов, мин и пуль пытались переправиться. Их было много, и солдаты стреляли прямо в середину накатывавшейся человеческой волны.

После каждого выстрела орудие дергалось, снаряд со свистом уносился и вскоре раздавался гром, сотрясавший землю. Из зарядной камеры к ногам со звоном падала стреляная гильза, появлялось синее облачко дыма, всех окутывало запахом пороха. Но ловкие солдатские руки тут же подносили новый снаряд. И в наступившем минутном затишье, пока наводчик не дернул спуск, все с волнением смотрели туда, где в следующий момент начнется неразбериха. Из уцелевших лодок и плотов тонущим протягивали руки, некоторые пытались вновь влезть на плоты, но артиллеристы приветствовали их новым снарядом, и... вновь неразбериха, стоны, стенания, ругань.

Солдаты расчета были довольны. Потерь среди них пока не было, чувствовалась уверенность в себе.

Командир орудия молодой подпоручик Бакырджиев хорошо понимал серьезность положения. Подавая команды и стараясь подавить в себе первые признаки волнения и тревоги, он вслушивался в громыхание двух других орудий батареи, находившихся правее. По их редким, замедленным выстрелам Бакырджиев догадывался, что там что-то случилось: или ребята испугались и не могут совладать с собой, или большинство из орудийного расчета убиты, а оставшиеся не справляются. Отбросив колебания, он связался по телефону с командиром батареи и доложил, что натиск противника очень силен и что есть опасность их окружения. Последовал приказ не оставлять позиции до следующего распоряжения. Командир батареи сообщил ему, что командир второго орудия убит, но расчет держится и не отходит.

Пригнувшись за орудием, высокий и худой, с потемневшим от порохового дыма лицом, подпоручик продолжал подавать быстрые и короткие команды, как будто не было никакой опасности для него и его товарищей. Он

видел многочисленность противника, чувствовал ожесточение, с которым враг атакует, но не терял самообладания и из последних сил старался помочь своей пехоте, отходившей к подступам села. Сколько они смогут продержаться здесь? Нет, такой вопрос нельзя себе задавать! Они не должны отойти ни на шаг, пока... Ясно, что внезапным и сильным ударом противник хочет взломать оборону, ввести в прорыв новые силы, окружить, а затем уничтожить попавшие в кольцо части. Даже простому солдату было понятно, что армии это грозило большими потерями и в конечном итоге разгромом. Но что же делать?

Бакырджиев внимательно следил за цепями противника, пытавшимися преодолеть узкую полоску земли между берегом и полем, где проходили окопы болгарских частей. Подпоручик решил вновь сосредоточить огонь на лодках и плотах, переправлявшихся через Драву. Он приказал расчету взять на прицел участок реки, там, где вражеские авангардные части начали наводить мост, а огонь пулемета перенести на уже переправившиеся силы.

Гитлеровцы, вооруженные автоматами и пулеметами, шаг за шагом продвигались вперед. Их тупое упорство снижало дух солдат, затрудняло оборону. Поле было усеяно трупами. «Черт возьми! — От злости в груди подпоручика клокотало. — Если не выстоим, они прорвут фронт, пройдут в тыл и тогда...»

Бакырджиев вздрогнул и обернулся, почувствовав что-то неладное. Он увидел, как наводчик уронил голову на грудь, как, еще цепляясь за щит орудия, он из последних сил пытался удержаться на своем месте, но не смог и упал на руки своих товарищей.

— Что с ним? — подскочил подпоручик.— Убит или ранен?

Никакого ответа. Руки машинально подносят новый снаряд. Один из орудийного расчета, низкорослый и крепкий парень, известный во всем дивизионе как отчаянный храбрец, наклонился и подхватил убитого под руки. Он оттащил его за ближайший кустарник и бросился к своему месту. Но в тот же миг осколок разорвавшейся неподалеку мины свалил и его на землю.

Не колеблясь, подпоручик бросился к орудию.

— Спокойно, ребята! — крикнул он бодрым голосом, но сам понял, что это ему не удалось: голос дрогнул.

И все же его вмешательство вселило в солдат некоторую уверенность. Примолкшие и слегка побледневшие, они переглянулись.

Их осталось всего лишь трое, с подпоручиком — четверо. Немного, но достаточно, чтобы обслуживать орудие и стрелять, пока есть снаряды. Да, они должны продержаться до приказа!

В короткую паузу, пока вылетала гильза и в орудие вкладывался новый снаряд, подпоручик окинул взглядом своих товарищей.

Это были три героя, три молодых болгарина, которые решили умереть, но честно выполнить возложенную на них задачу. Волнение стиснуло его горло, в глазах появился влажный блеск, но Бакырджиев подавил волнение и не поддался минутной слабости...

Позднее, когда огонь автоматчиков противника немного стих, в коротком затишье они оглядели друг друга и почувствовали себя такими близкими, как будто всю жизнь прожили вместе. Указывая, куда направить огонь пулемета, Бакырджиев старался подыскать особые слова, чтобы ими выразить теплоту своего отношения к ним. В эту тяжелую минуту он приобрел особую остроту видеть вещи в их истинном свете, приобрел способность проникать в душу человека.

Возле него лежал Станой Динев, наводчик.

На небольшом расстоянии от них расположились Иван и Илия — оба из одного села и, если им верить, даже родственники. Они всегда настаивали определить их вместе, как будто тем самым могли избежать несчастья.

Теперь они сновали возле орудия, подносили снаряды.

Взрывной волной разорвавшегося неподалеку снаряда их бросило на землю. Превозмогая охватившую дрожь, подпоручик приподнял голову, стряхнул с себя комья земли и осмотрелся. По застывшим позам Ивана и Илии он понял, что с ними что-то случилось. Бакырджиев подполз к ним, тронул одного, другого и, увидев, что они больше не встанут, вернулся к наводчику. Да, теперь они остались вдвоем!

Что делать? Он понял, что если думал когда-либо в жизни, даже когда партизанил в горах, о себе как о человеке, который должен в критический момент совершить великое дело, то сейчас этот миг настал... И, приподнявшись на локтях, молодой подпоручик крепко стиснул ру-

коятки пулемета, но тут же охнул и выпустил их из рук. От плеча все тело пронизала острая, раздирающая боль. Она отняла все силы, парализовала волю. Он опустился на землю, перевел дух и вновь попытался взяться за ручки. Но напрасно! Силы покидали его вместе с кровью, хлеставшей под рукавом гимнастерки.

Бакырджиев стиснул зубы. Дыхание его замедлялось, становилось все более затрудненным. Что делать? Мгновенно обожгла мысль, что враг скоро будет здесь, увидит, что орудие цело и нетронуто, и повернет его против отступающих товарищей. Нет, этого не будет! Он должен им помешать... Но как? Как привести орудие в негодность? Нужно снять с него затвор. Он потрогал здоровой рукой раненое плечо. Нужно действовать, пока силы окончательно не оставили его. Нельзя терять ни одной минуты.

Опираясь на локоть здоровой руки, Бакырджиев медленно пополз к орудию.

Наконец он добрался до него! Быстро, как только мог, собрав последние силы, он бросился к затвору, какое-то мгновение мучился, снимая его, и наконец снял. Но силы оставили его, и он упал, навалившись на драгоценный затвор всем своим телом.

Очнувшись, подпоручик испытал такую радость, какую не испытывал никогда в жизни. Радость не от того, что вновь почувствовал себя живым, а от ощущения стискиваемого в здоровой руке затвора.

До его слуха донеслись голоса, вражеские команды.

В отчаянии Бакырджиев вдруг вспомнил, что в ста шагах позади него, за оврагом, есть болото, глубокое, непроходимое болото, поросшее редким камышом. Там он сможет...

Из груди его вырвался крик, радостный и ликующий. Отталкиваясь здоровой рукой, он пополз в сторону болота. Под прикрытием стоявшего немного левее их позиции пулемета он полз вперед и, чем больше приближался к болоту, тем сильнее чувствовал, как ему становится легче, как его охватывает несказанная радость.

Сердце его билось бешено, беспорядочно. Хотя путь был труден и проходил через межи и отвалы вывороченной снарядами земли, он как будто не чувствовал усталости. Все полз и полз, выбирая более ровные участки, огибая ямы и небольшие окопы.

После долгих и мучительных усилий он добрался до болота, и радость озарила его лицо — бледное, почерневшее, с запекшейся на губах кровью. Зубы были отчаянно стиснуты, словно задерживая последний вздох, готовый вырваться из груди, последнюю искру жизни. Раздвинув головой редкий камыш, подпоручик прополз еще два шага и протянул вперед руку, сжимавшую затвор. Послышалось глухое, сдавленное бульканье, и он почувствовал, как руке стало легче, будто что-то тяжелое оторвалось от нее... Сил его хватило только до этого момента. Бакырджиев опустил голову и так и остался лежать, вытянув вперед руку, опущенную в холодную воду. Улыбка осветила его мертвенно-бледное лицо, улыбка, которая означала многое. Голова ткнулась в землю, глаза закрылись...

Несколько часов спустя, когда пехота, усиленная советскими частями, контратаковала противника и вернула оставленные позиции, его нашли возле болота еще живым. По вытянутой вперед руке с растопыренными в воде пальцами солдаты поняли, какое редкое геройство проявил этот молодой подпоручик.

Затвор вытащили из воды, почистили и вновь поставили на место. Орудие, которое противник так и не смог использовать, вновь было повернуто в сторону реки и в течение всего времени памятных боев на Драве посылало снаряд за снарядом по врагу.

ПЛЕННИК

Гитлеровцы начали атаку на заре. Ночью они заняли более половины леса, и мы удерживали только узкую полоску по краю поля. Пехотинцы в зеленоватой форме мелькали за коричневыми стволами деревьев. Они пытались добраться до маленького серого домика лесника, который болгарские солдаты превратили в крепость.

Взвод подпоручика Карадимова, пытаясь отбить атаки на левом фланге полка, отошел в открытое поле. Командир полка приказал подпоручику во что бы то ни стало задержать противника на этой позиции, пока из леса не будет выведено последнее подразделение полка. Молодой командир взвода очень хорошо понимал обстановку и

всеми силами старался выполнить поставленную задачу, что было совсем нелегко. Чтобы взвод не был окружен, он оставил одно отделение с ручным пулеметом в маленьком лесном домике, а с остальными солдатами залег в кювете вдоль шоссе. Сможет ли он задержать противника? Что станет с оставленным отделением? Карадимов ясно понимал, что горстка храбрецов, добровольно вызвавшихся остаться там, будет отдана в жертву во имя спасения полка. Да, другого выхода пока нет!

А в это время из домика лесника пулемет продолжал поливать огнем цепи противника, не позволяя им приблизиться ближе чем на пятьдесят метров. Милые, храбрые ребята! Они знали, что не смогут вырваться живыми из кольца, но продолжали сопротивляться. Подпоручик вспомнил, с каким хладнокровием Васко Данкин, этот чудесный парень, которому было поручено командовать оставленным отделением, сказал: «Положись на меня, товарищ подпоручик, я им такую кашу заварю, что не сразу расхлебают!» Молодой подпоручик взял бинокль и посмотрел в сторону домика. Инстинктивно его рука сжала рукоятку револьвера, и он вскрикнул так громко, что лежавший в нескольких шагах от него сержант испуганно вскочил:

— Вас ранило?

— Нет, но... вон, смотри! — И он сунул бинокль в руки сержанту.

Немецкие солдаты упорно приближались к домику. Они подползли так близко, что можно было различить их негромкие команды. Двое из них уже проникли в сад, двое других готовились перелезть через разрушенную артиллерией ограду. Остальные так сильно поливали огнем из автоматов, что нельзя было приподнять голову. Тщетно Васко Данкин пытался остановить врага очередями из пулемета. Гитлеровцы уже окружили домик. Вокруг Васко на исковерканном полу лежали его погибшие товарищи. Он остался совершенно один с ручным пулеметом в руках и твердым решением биться до последнего патрона...

Вдруг дверь сзади него затрещала. Данкин бросил пулемет и схватил валявшийся на полу автомат. Наступил решающий момент. Куда теперь? Взгляд Данкина оста-

новился на окне, но выпрыгнуть он не успел. В проеме разбитого окна возникло широкое вспотевшее лицо гитлеровца, прямо на Васко глянуло дуло автомата. Взгляды их встретились. По холодным глазам фашиста Данкин понял, что враг сейчас выстрелит. «Нет, не сдамся!» — моментально пронеслось в мозгу, и Данкин одним прыжком бросился к фашисту. Он успел оттолкнуть в сторону дуло автомата, обдавшего его лицо огнем длинной очереди. От неожиданности фашист растерялся и попытался спрыгнуть вниз, но крепкие руки болгарина сильно стиснули ему горло, и, выкатив глаза, гитлеровец комом свалился в кусты под стеной дома. Данкин втиснул свое крупное тело в окно и только согнулся, чтобы выпрыгнуть в сад, как что-то тяжелое ударило его по голове.

Очнувшись, Данкин увидел потные, красные лица с любопытством разглядывавших его гитлеровцев. С трудом он приподнялся и сел. Фашисты направили на него автоматы. Но у него не было сил сопротивляться. Почувствовав сильную боль в голове, он тронул ее рукой и вскрикнул. Ранен. Пальцы склеивались от густой, спекшейся крови. Он отвернулся к стене и затих.

Немецкий унтер-офицер, вошедший через выломанную дверь, остался доволен. Этот крупный, широкоплечий болгарин, причинивший им столько хлопот, сейчас выглядит так беспомощно. На остром, сорочьем лице унтер-офицера появилось любопытство, смешанное с сомнением и страхом, но автоматы, направленные на пленного, окончательно успокоили его. Гитлеровец приблизился к Васко, и бледная улыбка растянула его бескровные губы. «Ой, ой, булгар, капут!» — произнес он. Затем Данкина тщательно обыскали и отправили в тыл.

К Васко приставили толстого гитлеровца, который лениво повел его через густой, влажный лес. Далеко позади остался шум продолжавшегося боя.

Данкин шел по узкой лесной тропинке не оборачиваясь, чувствуя немца за своей спиной. Он не испытывал страха. Его беспокоила только легкая боль в голове да мучила злость. Мало он сопротивлялся! Еще бы совсем немного, какие-нибудь две-три минуты, и он успел бы выскочить из окна и смог бы продолжать борьбу. Васко приостановился и обернулся. Немец пробормотал что-то, вероятно приказание идти вперед. И оба вновь потащились по песчаной лесной тропинке.

Осторожно, чтобы не заметил конвойный, Данкин осматривался. Вокруг никого не было, можно было попытаться навсегда избавиться от неизвестности и позора плена. Да, он был ловким, несмотря на полноту. Правда, голова гудела как колокол, но нужно всего только мгновение, чтобы изловчиться и одним ударом свалить это грязное животное, которое лениво тащится за ним с небрежно болтающимся на плече карабином.

Мысль о спасении ободрила Васко, придала ему смелости. Нет сомнения, он ускользнет из рук этого шваба.

Неожиданно лес кончился. Перед ними открылась одна из картин, которую часто можно было видеть на этой войне. Они вышли на широкую и пыльную дорогу, наполненную шумом, запруженную солдатами, повозками, лошадьми, орудиями. Этот бесконечный поток тек по тесной дороге и разливался по всем тропинкам старого притихшего леса. Вероятно, это было подкрепление из новых, свежих частей, только что переправленных через реку.

Оказавшись в этом шумном потоке, гитлеровец сразу же стал строже. Он подталкивал Васко и за все время пути к Драве ни разу не позволил ему остановиться.

Следующим этапом их пути была переправа через реку на большом пароме. Они были не одни. На паром взошли несколько раненых немецких солдат в сопровождении двух санитаров.

Когда паром значительно удалился от берега, Данкин понял, что переправа далеко не безопасна. С обеих сторон падали снаряды. Вздымавшаяся фонтанами вода угрожала затопить паром. И хотя эти частые взрывы совсем не доставляли Васко удовольствия, он все же наслаждался беспокойством, с которым фашисты встречали каждый вздымавшийся возле них смерч кипящей воды. «Славные ребята наши артиллеристы! — подумал Васко и посмотрел на восток. Оттуда из-за леса громыхнула артиллерия. — Стреляйте, милые! Стреляйте, пусть даже снаряд попадет в паром, только стреляйте!»

Один из раненых немцев повернул к Васко обмотанную окровавленными бинтами голову. В сухих глазах его горела ненависть. Фашист пробормотал какую-то фразу и сердито махнул рукой в сторону берега. Сопровождавший санитар начал успокаивать раненого, но тот продолжал смотреть на Васко вытаращенными, налитыми злобой глазами.

В широкой, мрачной комнате, куда его привел конвоир, Данкина охватило смешанное чувство сомнения и неуверенности, которое он испытывал всегда, когда ждал чего-то плохого. Он озирался по сторонам, но ничего особенного не обнаруживал. До его слуха долетел легкий шум, заставивший его обернуться.

Через щели в опущенных на окнах шторах проникали яркие солнечные лучи, разливаясь по разостланному на полу ковру. Васко вдруг стало жаль, что на улице сияет ослепительное солнце, на которое он раньше не обращал никакого внимания. Глаза постепенно начали различать предметы, стоящие в комнате, но у него не было времени всматриваться. Почувствовав устремленный на него из глубины комнаты чей-то взгляд, он сделал еще два шага вперед и остановился. Высокий, стройный лейтенант, видимо адъютант, щелкнул каблуками щегольских сапог и сердито пробормотал что-то, указывая на Данкина пальцем.

— Подойди ближе! — донесся до него чей-то низкий брюзжащий голос, в котором чувствовались усталость и раздражение.— Ты кто?

Данкин вздрогнул. Его совсем не удивило, что тот, к кому его привели, так хорошо говорит по-русски. Он знал, что немецкие офицеры еще до войны учили русский язык, готовясь завоевать мир походом на Восток. Ему стало тяжело и обидно, что этот проклятый немец говорит с ним так высокомерно и зло.

И он решил не отвечать.

Он смотрел перед собой тупо и безразлично. Взгляд его бессознательно скользнул по элегантной форме немца и задержался на маленьких красивых погонах с блестящими, как язычки пламени, звездочками. Что-то долго сдерживаемое внутри него дрогнуло и выдало волнение. Капитан! «Смотри-ка, к каким важным птицам меня водят на допрос... За кого же они меня принимают? Неужели... Нет, не могут они не знать, что я простой солдат! Они наверняка видели болгарских солдат и не могут ошибиться. Тогда на кой черт я им понадобился?» Но эти мысли только усилили его волнение. Не показывая его, он продолжал молчать, спокойно глядя на врага.

Различая за письменным столом худое, почти тощее лицо капитана, на котором выделялись глубоко посаженные глаза и белеющий шрам от сабельного удара, опоя-

сывающий левую щеку, Данкин мучился от того, что не может сделать еще несколько шагов вперед, чтобы сдавить в руках эту тонкую шею, стиснутую высоким, жестким воротником. Но, кажется, молчание затянулось, и это упорство пленного не понравилось гитлеровцам. Словно разгадав намерение этого дикого, своенравного болгарина, капитан неспокойно повернулся в кресле и резким движением взял своими белыми, холеными руками лежащий перед ним металлический нож для разрезания книг.

— Ну что? Скажешь, кто ты?

Данкин колебался одно мгновение. Не успев ответить, он ощутил острую резкую боль под ребрами, причиненную едва уловимым движением лейтенанта. Данкин обернулся. Лейтенант сделал ему знак рукой и попытался на ломаном русском языке объяснить, что от него хочет капитан:

— Имя!.. Имя!.. Как тебья зват?

— Меня?— ткнул в себя пальцем Васко и удивленно поднял брови. — Васко Данкин!

— Данкин? — повторил капитан, как будто придавал большое значение этому имени. — Данкин?

Пленный утвердительно кивнул головой.

— Так. Хорошо!.. А из какой полк?

Так вот чего хотят гитлеровцы! «Уж не думает ли фриц, что я настолько глуп, чтобы выдать это! Неужели я не знаю, что означает сообщение противнику расположения своей части?!»

Данкин не отрываясь смотрел на длинные, изящные пальцы капитана, нетерпеливо игравшие с ножом, и молчал. Гитлеровец перехватил его любопытный, почти осязаемый взгляд и убрал со стола руки. В этом невольном движении было некоторое беспокойство, и это не прошло незамеченным для Данкина. Терпение капитана явно было на исходе. И Данкин решил притвориться, что ничего не понял. Чего от него хотят? Ему не остается ничего другого, как строить из себя простачка, пока не кончится этот допрос. Гитлеровец привстал в кресле и вперил в него взгляд.

— Ну, из какой полк?

— Я не из какого полка, я нестроевой...

— Что?

— Из никакого полка, нестроевой я...

— Нестроевой?

Капитан обратил удивленный взгляд на лейтенанта и сердито спросил его о чем-то. Молодой лейтенант покраснел от едва сдерживаемой злобы и попытался оправдаться. Он говорил долго, постоянно щелкая при этом каблуками. Но ответ, видимо, совсем не удовлетворил начальника. После некоторого молчания, которое Данкин истолковал как угрозу, капитан продолжал допрос.

— Твоя должность в армии? — спросил он уже значительно спокойнее, восприняв поведение пленного как готовность отвечать на все вопросы.— Почему ты был на огневой линии и участвовал в бою?

Он буравил Данкина взглядом маленьких блестящих глаз, но тот выдержал его без смущения.

— Я... я совсем не участвовал в бою... Я был там случайно, когда ваши схватили меня... Я повар... — И, продолжая играть роль ничего не понимающего глупца, он постарался придать себе благонравный вид, выражающий готовность поклясться в истинности своих слов. — Да, я там случайно оказался... А ваши сразу: «Стой, булгар, сдавайся!..» А я ничего, даже не сопротивлялся... Да, я нестроевой... Я повар, повар... Кашевар! — добавил он простодушно и движением руки попытался объяснить, в чем состоит его работа.— Суп, суп варю ребятам... И все!..

Немецкий капитан не смог сдержать улыбку, хотя и попытался прикрыть рот ладонью. Он встал, его повеселевшее лицо приняло удивленное выражение, как будто он понял наконец, что хотел ему сказать этот толстый молодой человек, у которого вроде бы в голове не все в порядке, но который все же сумел объяснить то, что от него требовалось.

— Кухар? — спросил он, как бы желая убедиться, что правильно понял пленного.

— Кухар... кухар...

Одно мгновение капитан сосредоточенно думал о чем-то, затем устало опустился в глубокое кресло и небрежно махнул лейтенанту рукой, что, вероятно, означало: «Убери, черт возьми, этого болвана отсюда и не отвлекай меня больше!»

Тотчас же лейтенант вывел Васко из комнаты и передал фельдфебелю, который запер его в подвале.

«Значит, оставили меня в покое!» — решил Данкин, успокоившись и вытянувшись на грязном полу маленько-

го помещения, в котором его закрыли. Рана на голове подсохла, и он уже не чувствовал боли.

Лежа на полу, Васко вслушивался в далекую глухую канонаду, от которой стекла в окнах слегка звенели. Отступили ли его товарищи или еще бьются где-то недалеко от берега?

Неожиданно дверь открылась. На пороге появился, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, немецкий офицер. Данкин приподнялся на локтях и замер в ожидании. В глазах его промелькнула тревога. Чего теперь им надо от него? Неужели капитан разозлился и приказал его расстрелять? Но тревога сменилась любопытством. Нет, никаких плохих намерений не может быть у этого толстого обер-лейтенанта с веселыми живыми глазами, который как-то особенно насмешливо смотрит на него из-под широкого козырька совсем новой зеленоватой фуражки, небрежно надетой на большую голову. Напротив, судя по его дружелюбному взгляду, от него можно ждать что-нибудь даже приятное. С крошечной, совсем крошечной надеждой в глубине души Данкин сел на пол, прислонившись к стене. За спиной обер-лейтенанта он увидел стоящих в коридоре фельдфебеля и нескольких солдат. Двух-трех мгновений для него было достаточно, чтобы понять, что этот приход носит совсем не миролюбивый характер и не сулит ему ничего хорошего.

Обер-лейтенант сделал несколько шагов к нему и остановился, заложив руки за спину.

— Встать! — рявкнул он. — Встать!

И, прежде чем Данкин понял, чего от него хотят, обер-лейтенант схватил его за плечи и с помощью одного из солдат быстро поставил на ноги. Инстинктивно, ожидая удара, Данкин пригнулся. Но удара не последовало. В течение нескольких мгновений обер-лейтенант крепко держал его за плечи и, тряся как грушу, говорил что-то приглушенным голосом. Данкин ничего не понял, но догадался, что это была ругань и угрозы.

В конце концов гитлеровец устал и отошел в сторону. Он внимательно вглядывался в побагровевшее лицо пленника. Данкин знал, о чем его будут спрашивать, и поэтому, не дожидаясь вопроса, заговорил первым:

— Я не из полка, я нестроевой...

— Что?

— Нестроевой, нестроевой...

— Нестроевой!.. Ай-ай!..

Обер-лейтенант залился смехом. Он даже согнулся и схватился за живот. Смеялись и остальные. То, что этот глупец им все же сказал что-то, очень их рассмешило. Они вертелись на месте и, встречаясь взглядами друг с другом, вновь принимались хохотать, как будто это доставляло им большое удовольствие.

— Хорошо, хорошо! — сказал наконец обер-лейтенант, вытащил из кармана куртки истрепанную боевую карту, развернул ее и сделал ему знак подойти.

Данкин склонился над картой. Но что мог он понять в этих бесконечных красных и черных стрелах на зеленых расчерченных квадратах, по которым елозил толстый волосатый палец гитлеровца? Он беспомощно пожал плечами и удивленно посмотрел на допрашивающих.

— Что? — спросил обер-лейтенант и указал на черный крест на карте. — Полк! Полк!

— Да я не из полка!

— Нет? — Глаза фашиста злобно заблестели. — Нет?

Он подскочил, как резиновый мячик, и нанес такой удар Данкину в лицо, что Васко не удержался на ногах и отлетел к двери. Из носа потекла кровь. Он попытался встать, но второй удар опять свалил его. Наклонившись, немец замахнулся и в третий раз, но Данкин отвернул голову, и кулак гитлеровца врезался в дверную раму. Фашист взревел от боли и замотал рукой.

После взрыва ярости, вместо того чтобы прикончить его, как того ожидал Данкин, обер-лейтенант вышел, оставив Васко лежать на полу в ожидании следующих, полных неизвестности минут.

Еще в тот же день его перевели в другое место. Прежде это просторное темное помещение, вероятно, служило хлевом. Через маленькое оконце едва проникал свет. Темнота позволяла Данкину долго стоять в неподвижности и задумчивости, не попадаясь на глаза часовому, который расхаживал за дверью и часто останавливался посмотреть, что делает пленный. Данкин не смог определить, где находится этот дом, однако у него сложилось впечатление, что сопровождавший его фельдфебель, выйдя из штаба, направился в западном, а затем в северо-западном направлении.

Он вспомнил, что, когда они проходили через небольшую площадь посреди села, его поразило необычайное оживление войсковых частей: пехоты, артиллерии, танков. Все они быстро продвигались на северо-запад, к берегу Дравы, где, вероятно, немецкие передовые части успели навести мост.

Фельдфебель вел его боковыми улочками, на которых было так же оживленно. И здесь — повозки, кони, орудия... Шумный поток тек буйно и неудержимо, разливаясь во все стороны, приостанавливаясь на перекрестках перед регулировщиком. По тротуару протискивалась колонна пехотинцев с пыльными и потными лицами, в раскаленных от солнца касках. Затем с грохотом и скрежетом пошли ряды танков, нарушив порядки пехотинцев. Из открытых башенных люков с тупым безразличием на него смотрели танкисты, и только какой-то весельчак злорадно крикнул: «Ну что, булгар, капут?» Данкин так устал, что ему все было безразлично. Это были враги, которых он смертельно ненавидел, но которых вынужден был сейчас терпеть.

Данкин вспоминал, как гитлеровцы атаковали их в лесу, в котором он попал в плен. Мысль о плене ужаснула его, он задрожал от горя и муки, но вскоре смирился и продолжал смотреть на верхушки тополей, очертания которых медленно пропадали на темнеющем фоне неба.

Со стороны Дравы донесся орудийный грохот, и это наполнило его самыми неопределенными чувствами. Значит, там, за рекой, бой продолжается с неослабевающей силой. Он вздохнул. Для него война была уже кончена, но его товарищи поливают сейчас своей кровью каждую пядь земли... Что же будет с ним в этой незнакомой стране?

Почувствовав сильную усталость после всех переживаний дня, Данкин опустился на пол, нащупал клок соломы и лег на спину. Сон не приходил. В голове был хаос. Он попытался уловить какую-нибудь определенную мысль, которая могла бы привести его к желанному покою.

Напрасно! Положение, в которое он попал, казалось ему все более и более тревожным. Удержат ли его друзья до ночи занимаемые позиции, как приказал командир полка? Что произойдет с ними потом? Скоро ли придет на помощь Советская Армия? Он не мог ясно представить себе исход этой битвы. Но тревожившие его вопросы

подействовали на воспаленное воображение как освежающий ветер. Мысли начали приходить все более ясные и смелые. Пленный? Нет, не может быть большего позора для него! Если он смирится и останется в их руках, то они отправят его в глубь страны, он будет тащиться от села к селу, от города к городу, его будут пытать и в конце концов постараются избавиться от него... Нет, этого он не допустит! При первой же возможности нужно бежать. Как? Прямо через луг, через зеленеющее напротив поле можно быстро добраться до Дравы, размышлял Данкин, прислонившись к карнизу окна. Открытым ртом он жадно ловил свежий мартовский воздух, доносивший вместе с глухой канонадой запах ранней весны. «Если будет возможность, убегу к партизанам! — решил он, и душа его наполнилась надеждой. — У них пробуду до конца войны, а после войны вернусь в родное село...»

Вспомнив о доме, он вздрогнул. Чем сейчас занимаются мать с отцом? Отец, наверное, загоняет волов в сарай и, как обычно, заботливо смотрит, не забыли ли им бросить соломы. Мать и на сей раз стоит перед керосиновой лампой и, щуря глаза, пытается вдеть нитку в иголку. Она спешит дошить ему рубаху, которую обещала выслать в посылке. Сестра и маленький брат... Ну, а те что? Наверное, помогают старшим и думают о нем... А друзья? Интересно, закончили ли строить клуб? Выполнили ли поставки по распоряжению правительства?

Данкин задумался.

Давно, еще до победы революции Девятого сентября, молодежь села образовала кооператив. Хотя власти часто им мешали, члены кооператива делали то, что делали многие кооперативы в то время: просвещали молодежь, тайно агитировали против власти, передавали новости об успехах Советской Армии, поддерживали связь с партизанами, оказывали помощь Отечественному фронту и Коммунистической партии. Васко был единственным парнем в селе с образованием. Он закончил шесть классов, поэтому его избрали секретарем и казначеем кооператива. После увольнения учителя Стойкова, который был основателем и председателем кооператива, Данкин взвалил на свои плечи всю тяжесть работы и ответственности перед властями. Сколько раз его вызывали к старосте и угрожали арестом, но он твердо и непоколебимо оставался на своем посту. После Девятого сентября Данкин первым

в селе добровольно записался в армию и ушел на фронт. Везде он был в первых рядах. Товарищи знали его как смельчака и героя. И на сей раз, когда подпоручик Карадимов спросил, кто хочет остаться в избушке лесника, Данкин первым вышел вперед. Правда, они не смогли задержать проклятых гадов, но разве он и его товарищи не бились до конца?! Он один остался жив! А теперь этот проклятый плен! Действительно, нет ничего более унизительного и позорного, чем плен! Теперь он должен сидеть здесь, в этой мрачной дыре, устремив помутненный взгляд в неизвестность... Что делают его товарищи в селе? Помнят ли о нем? Да, сейчас март, начало весны. Природа пробуждается к новой жизни, земля набухла и ждет натруженных рук крестьянина. А он... Он сидит здесь под замком и мучается... Как весело, как радостно быть сейчас там, на его маленькой далекой родине, которую он оставил полгода назад! Он очень любит свою родную землю, и ему хотелось бы узнать о ней что-либо. Но другие воспоминания, еще более свежие и яркие, неудержимо нахлынули на него, вытеснув мысли о доме, семье, родине...

Знал ли добрый и честный подпоручик Карадимов, куда он ведет свой взвод? Да, многое зависит от личного примера командира! А подпоручик Карадимов из тех офицеров, о которых нельзя сказать ничего плохого. Однажды утром, когда они находились в резерве в Шиклоше, на политзанятия к ним неожиданно пришел заместитель командира полка, чтобы проверить, чем занимаются солдаты в свободное время. Он остался очень доволен службой молодого командира взвода. Солдаты внимательно слушали заместителя командира полка и испытывали то приятное чувство, когда слышишь доброе слово о самом близком человеке. Позднее, выстроившись вдоль шоссе, они долго кричали «ура» вслед отъехавшей машине, поднявшей облачко пыли, затем качали на руках взволнованного подпоручика, кричали, пели, плясали... Потом наступила памятная ночь... В ушах его до сих пор звучит команда: «Подъем! В ружье!»

Они толпились в тесном окопе, не зная, что делать дальше, дрожа от холода и волнения. Потом были приказы подпоручика: «Занять свои места! Приготовиться! Огонь!..» А в это время орудийный грохот раздирал мрак ночи и сливался с воем мин, свистом пуль, воплями ра-

неных. Затем небольшой домик лесника, отчаянные атаки врага, погибшие товарищи... Попытка сопротивления в одиночку, ранение... Нить мыслей оборвалась. Данкин почувствовал, что кто-то как будто положил руку ему на глаза и говорит, склонившись над ним, нежно, ласково: «Спи, сынок! Поздно уже, а утром нужно вывозить навоз в поле!» В полудреме Васко усмехнулся, повернулся несколько раз на сухой, шуршащей соломе, и губы его едва уловимо прошептали: «Мать! Спокойной ночи, мамо!»

Разбудил его звон стекла. Он поднял голову и сразу вспомнил: «Бой продолжается! Но почему канонада слышна так отчетливо? Неужели наши прорвали фронт и вышли к берегу Дравы?» Сердце неспокойно забилось. Данкин встал и подошел к окну, пылающему от утренней зари.

Снаружи доносился сильный шум. За дверью несколько человек громко и нетерпеливо говорили. В этом многоголосом гомоне резко выделялся чей-то писклявый голос.

Проскрежетал замок, и в раскрытую дверь влетел небольшой седой человек с редкой взлохмаченной бородкой и короткими, но странно подвижными ногами. Вслед за ним вошли обер-лейтенант и несколько солдат.

«Кончено! — мелькнуло в голове Данкина. — Сейчас вывернут руки и забросят меня, как хлам, в какую-нибудь яму!»

Он выпрямился перед ними, готовый вынести любые испытания.

Седой человечек подошел и дружелюбно усмехнулся:

— Доброе утро, друже. Как спалось?

Они встретились взглядами, и в ясных, как небо, глазах человечка Данкин не увидел ничего, кроме желания уверить его в добрых намерениях.

Человечек нисколько не смутился от молчания пленного, напротив, стал еще любезнее:

— Слушай, друже, я пришел тебя допросить. Отвечай на все вопросы да не бойся...

«Смотри-ка, хитрец, кротким ягненком прикидывается, а сам волк!» — подумал Данкин и спросил:

— Какие вопросы? Я уже все сказал...

— Что?— обратился обер-лейтенант к переводчику.

Человечек просиял от удовольствия и готовности служить господину обер-лейтенанту. Он долго пищал на высоких нотах, объясняя, что сказал пленный. Видимо, немец остался доволен. Он кивал головой и повторял: «Гут! Гут!»

«Словенец его вроде как за нос водит, да как ловко врет, черт»,— подумал Данкин. Ему стало даже приятно, что именно этот смешной словенец пришел его допросить. Следующим вопросом словенец уже завоевал доверие Васко.

Обер-лейтенант задал еще несколько вопросов. По одобрительным кивкам и жестам окружающих Данкин понял, что вопросы были очень важные. Он решил продолжать прикидываться дурачком, отвечать ясно и недвусмысленно, в надежде убедить гитлеровца и прекратить раз и навсегда эти проклятые допросы. Глаза его вновь встретились с глазами словенца, в которых он заметил едва уловимую хитринку.

— А скажи мне, парень, как тебя звать?

— Васко Данкин.

Словенец сообщил имя обер-лейтенанту, но тот состроил недовольную гримасу.

— Он сказал, что знает твое имя. Знает также, что ты повар. Но ни он, ни другие не верят этому... Действительно ли ты повар?

— Да, повар.

— Хорошо. Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— Молодой, а выглядишь старше... — Словенец задумался и, рассеянно глядя перед собой, произнес тихо: — И у меня такой же сын. Убежал в горы. Больше двух лет уже не видел его, а так волнуюсь за него. Когда уже наши придут?

— Не знаю. А ты почему здесь, с этими?

— С немцами? Да, каждый честный человек может задать мне этот вопрос. И не случайно все мои сограждане сторонятся и презирают меня. А все же я пока никому ничего плохого не сделал. Наоборот, стольких спас от расстрела!

— Так почему не убежишь?

— Куда убежать?

— К сыну... В горы!

— Ах, оставь ты это! Куда я могу уйти? Не видишь разве, что я стар и немощен, да и семья... Две дочери.

— А как попал к ним?

— Как? Да и сам не знаю. Случайно попал. Я учитель, знаю немного немецкий, и... схватили меня! — добавил он плаксивым голосом и закрыл лицо руками. — Тысячу раз проклинаю день, когда я родился!.. Как жаль, что не убежал в горы вместе с сыном!

— И сейчас не поздно убежать...

— Поздно уже, паренек, поздно. За каждым моим шагом следят. А из этого кольца и птица не вырвется.

— Плохи твои дела, брат! Со мной-то что сделают?

— Слышал, что отправят тебя в Германию, поэтому и торопятся допросить.

— Есть ли здесь еще пленные?

— Есть несколько человек. Вместе будете отправлены... Ну а вы почему отступили?

— Эти черти атаковали большими силами. Много их здесь, как ты думаешь?

— Ох, боже ты мой, как не много — семь дивизий!.. Во, смотри, как выпучили глаза, услышали слово «дивизия». Но я их сейчас одурачу...

Словенец принял покорный вид и начал передавать гитлеровцу разговор с пленным. Данкин следил за ними и по меняющемуся выражению лиц фашистов видел, что хитрый словенец ловко водит их за нос. Обер-лейтенант старательно записывал что-то в записную книжку и время от времени возражал, после чего словенец пространно и долго опять что-то объяснял. Наконец перевод закончился, и словенец вновь повернулся к Васко:

— Ха, попался на удочку, дурак! Но скажи мне, братко, перейдут наши реку?

— Нечего и спрашивать. Верь в это! Ты не смотри, что мы отступили. Никак нельзя было... Но братушки... Ты подожди, сам еще убедишься в этом. Они не оставят нас в беде, скоро придут на помощь, и тогда... Ты их еще не видел?

— Ох нет, братко, еще нет. Никто их здесь не видел! Все сердце изболелось... Ждем, ждем их, ох как ждем!.. К Дунаю, говорят, подошли, в Венгрии наступают, здесь, на Драве, появились... Но ни я, ни другой кто их еще не видел!

— Скоро увидите!

— Дай боже!

— Это такая сила, что ничто не может устоять против нее.

— Знаю, знаю. Все помним Сталинград!

Услышав слово «Сталинград», обер-лейтенант перестал писать и поднял глаза на словенца.

— Что? Сталинград?

Он опять задал кучу вопросов, на которые хитрый человечек ответил спокойно и непринужденно.

— Спрашивает, сколько дивизий в вашей армии и идут ли новые подкрепления. Ты мне говори что-нибудь, а я ему уж переведу. Не бойся, знаю как!

— Да, кажется, три дивизии.

— Только три?

— Так говорили. А может, и больше...

— Хорошо. Это не так важно... Давай покажи на карте! — сказал он, когда фашист нетерпеливо вмешался в разговор и поднес все ту же истрепанную карту, знакомую Данкину еще по вчерашнему дню. — Не бойся! Покажи, и на этом конец.

— Что показать?

— Да что хочешь. Его интересует расположение вашей части. Покажи ему что-нибудь.

Фашист сунул карту под нос Данкину.

Долго не мешкая, Данкин указал пальцем на большое почкообразное красное пятнышко посреди карты и сказал уверенно:

— Вот здесь!

— Гут, гут! — сказал немец, аккуратно положил карту в карман куртки, благосклонно потрепал Васко по плечу и дал знак остальным следовать за ним.

Последним вышел словенец. В дверях он немного задержался и приветливо улыбнулся Данкину:

— В добрый час, парень! Тебя сегодня отправят. Запомни мой совет: будь внимателен и не доверяй никому, всякие попадаются!

Данкин больше не видел словенца, но хорошо запомнил слова, сказанные им при прощании. Каждое слово их разговора было проглочено им с той ненасытностью, с какой голодный ест поднесенную ему пищу. Подробный анализ всех, даже самых незначительных подробно-

стей разговора давал возможность понять все случившееся более отчетливо.

Слова маленького человечка сбылись: до обеда к нему в сарай привели еще нескольких пленных. Это были совсем молодые ребята, выглядевшие такими испуганными, что просто жаль было на них смотреть. К нему они отнеслись с опаской, как к чужому. Данкин сразу понял, в чем дело. Они были захвачены в плен и приведены сюда вместе. Для них он был чужой, хотя и разделивший их судьбу. На него они смотрели с тем недоверием, с каким человек, случайно попавший в незнакомый дом, смотрит на хозяина. Это огорчило Данкина, но он старался не показать своей обиды.

К счастью, среди пленных оказался один парень из его полка. Раньше они были всего лишь случайными знакомыми, едва ли перебросились двумя-тремя словами. Но сейчас, встретившись, они так обрадовались, как будто были друзьями детства. Эта неожиданная встреча помогла сломать лед взаимного недоверия и установить возможную только между пленными близость. Страх понемногу улегся, и по какому-то взаимному согласию, как будто договорившись заранее, они признали в этом крупном светловолосом парне гостеприимного хозяина, принявшего их в свой дом. Потихоньку все разместились по углам сарая, каждый устроил для себя свое собственное местечко, где можно было вытянуться и лежать, не беспокоя других.

Только Данкин расхаживал взад и вперед, заботливо следя, всем ли хватило места, достаточно ли соломы и не нуждается ли кто-либо в его помощи. Убедившись, что в расположении его маленького гарнизона все в порядке, он сел возле своего знакомого. Присмотревшись, он обнаружил, что лежащий посреди сарая маленький и худой солдат ранен в руку. Данкин тут же выругал солдат за то, что до сих пор не сказали ему об этом, и склонился над раненым.

Сухие, потрескавшиеся и обветренные губы солдата слегка растянулись в дрожащей улыбке.

— Чувствую, что рана горит, как будто рука отрезана вот до сих пор! — Он показал здоровой рукой на локоть раненой и закрыл глаза.

— Болит?

— Не очень, но... говорю же — горит!

— Дай я посмотрю.

— Нет, нет... Ой, больно!

— Кто тебя перевязывал?

— Санитар в немецком лазарете... Ой, не трогай!

Данкин осмотрел перевязку и недовольно покачал головой.

— Плохо тебя, брат, перевязали. Смотри, и бинт размотался. Так, говоришь, горит?

— Да, будто в огонь ее сунули...

— Наверное, воспаление! Перед отправкой я тебе ее получше перевяжу...

— Откуда знаешь, что будут отправлять?

— Знаю. Уже сегодня уйдем отсюда.

— А куда повезут?

— Вот этого не знаю. Но ты не бойся. В море топить не будут!

— Да кто его знает!

Они понизили голоса и перешли на шепот. Их товарищи, лежащие рядом, утомленные боем, уже дремали или делали вид, что дремлют. Данкин знал: после такого сильного напряжения, перенесенного в бою, им необходим покой и отдых. Он сам испытал то же самое. В такой момент каждый стремится к уединению, чтобы, закрыв глаза, вспомнить все пережитое, продумать, что предстоит делать дальше. Подложив руки под голову, он смотрел в потолок и старался прогнать все посторонние мысли, думая лишь о том, как сохранить спокойствие этих молодых, неопытных солдат, нуждавшихся в его поддержке. Он раньше других попал в плен и, можно сказать, приобрел кое-какой опыт. Неожиданно Данкин вспомнил об обер-лейтенанте, избившем его. А разве не может фашист сделать то же самое и с другими? Нет, пусть с ним делают что хотят, но только чтобы не трогали этого слабого юношу!

Данкин неожиданно открыл в себе какие-то новые, особенные чувства к этому пареньку. Он не мог определить точно, что это было, но смутно ощущал, что расположен к нему как к родному брату. В действительности, казалось, не было ничего общего, что связывало бы крепкого крестьянина с этим слабым городским пареньком. Но Данкин испытывал какую-то потребность в близком человеке, о котором мог бы заботиться. Казалось, что и молодой солдат чувствовал нечто подобное, и даже, мо-

жет быть, большее, так как сейчас особенно нуждался в посторонней помощи.

— Положись на меня, — тихо сказал ему Данкин, озираясь, как бы его не услышали другие.

— Спасибо, — слабым голосом ответил раненый.

— Не беспокойся... Со мной ничего не станет, а ты... видишь вот... ранен...

— Ой как пить хочется! Со вчерашнего дня капли во рту не было... Горло пересохло...

— И я не пил уже два дня. А есть... Прошлую ночь нашел корку хлеба в кармане — и больше ни крошки... Подожди, покричу, может, кто и подойдет!

Данкин подошел к окну и начал стучать по стеклу.

— Камарад... камарад...

В окошке показалось удивленное лицо часового. Он с любопытством разглядывал лежащих на полу пленных.

— Вода? — спросил он невозмутимо и залопотал что-то на своем языке.

— Вода, вода! Воды дай. Пить хочется... Неужели трудно дать воды? Мы хотим воды и хлеба!

Часовой захихикал, как ребенок, которому показали что-то смешное, пожал плечами и опять медленно начал расхаживать перед окном. Данкин позвал его еще несколько раз, постучал по стеклу и понял, что от него ничего не добьешься. Часовой делал вид, что не слышит, давая тем самым понять, что его незачем тревожить. Данкин разозлился: «Идиот!» — и отошел к двери. Постучать, чтобы позвали словенца? Но как им объяснить, что ему нужен переводчик? Несколько секунд он простоял в раздумье, не зная, что предпринять.

В это время его товарищи зашевелились. Некоторые поднялись и бесцельно расхаживали по сараю. Они не привыкли стоять на одном месте. Данкин встретил любопытный взгляд лежащего возле двери пленного и поторопился объяснить:

— Если их не потревожишь, о нас и не подумают. Есть хочешь?

— Еще бы, все жрать хотим, но кто тебе даст?

— Нужно требовать, должны дать. С голоду, что ли, подыхать?!

— Ха, требовать! Наши вон как кормят их пленных. И воду, и хлеб, и сигареты — все им дают.

Данкин забарабанил в дверь.

— Камарад... камарад...

После нескольких ударов дверь распахнулась. Уже знакомый ему фельдфебель вошел в сопровождении двух солдат с карабинами.

Данкин попытался объяснить, что им нужны вода и хлеб, но гитлеровец нетерпеливо отстранил его рукой. Он пересчитал пленных и дал им знак встать. Услышав слово «ауф», Данкин быстро подошел к лежащему товарищу и помог ему встать.

— «Ауф» — значит вскакивай,— прошептал он ему.— Пошли, обопрись на мое плечо, и пошли. Я тебя поведу...

Они вышли на улицу, где их ждал конвой. Данкин еще раз попытался объяснить, что раненый чувствует себя плохо и ему нужна вода, но ему не позволили даже говорить, пригрозив, что разделят их и заставят раненого идти самого.

Вместо ожидаемых воды и хлеба их повели через зазеленевшие поля в неизвестном направлении.

Далекая глухая орудийная канонада настигала их. Они шли медленно, едва переставляя усталые ноги. Конвойные не позволяли им останавливаться и покрикивали на отстающих.

Из села вышли еще до обеда и ни разу не отдыхали. Усталость быстро пожирала их силы, и неизвестно было, выдержат ли они до конца перехода. Далеко ли то село или город, куда их ведут? И почему их так торопят? Кажется, фрицы одурели!

Данкин поддерживал товарищей, как мог, и старался, чтобы они не отставали. Он слышал, что фашисты расстреливают пленных, которые отстают от колонны. И совсем не известно, что на уме у этого толстого, обливающегося по́том гитлеровца, который, часто утирая свое крупное лицо носовым платком, покачивается за ними, как большая гусыня. А может, он ищет удобный момент, чтобы прочистить ствол своего запыленного карабина, болтающегося за спиной?

Рука друга Васко воспалилась, и боли сделались невыносимыми. Но раненый, стискивая зубы, не проронил ни звука. Только по глазам его да покрытому крупными каплями пота лбу было видно, как он страдает. Небо над

ними зарозовело. Дорога проходила по краю голого ровного поля; не было видно ни кустика, по которому угадывался бы хоть маленький ручеек. Синие очертания гор остались уже далеко позади. Там же остались и надежды на спасение. Сколько все это может продолжаться? Нет, они не выдержат без воды! Похоже, что их конец будет печальным и бесславным. Данкин завидовал товарищам, погибшим в бою.

Они все шли, шли и шли... И когда уже почти не оставалось сил бороться со своей злой судьбой, на горизонте неожиданно появились очертания леса. Невольно все заторопились.

В небольшой роще стройных белых берез они пошли еще быстрее. Широкая поляна, раскрывшаяся перед ними, показалась им наградой за перенесенные испытания. Но эта поляна, обещавшая отдых и утоление жажды, совсем не тронула начальника конвоя. Он подождал, пока группа пройдет мимо него, и, пристроившись сзади, так зло разорался на них, что испугал даже своих товарищей.

— Не могу больше,— простонал раненый. — Нет, не могу. Лягу, и пусть делают что хотят.

Он попытался отстать, но Данкин еще сильнее прижал его к себе.

— Давай, давай! Каждый шаг назад может оказаться последним... Соберись с силами, братко! Давай, пошли!

— Но я... умираю! — простонал раненый. — Оставь меня здесь, а сам иди... Слышишь, не могу больше!

— Тс-с-с-с, тихо, услышат нас, собаки, и тогда...

— Пусть слышат... пусть расстреливают... Ох, мама! Умру без воды... Ой, рука горит!..

Он начал отчаянно вырываться, и это не осталось незамеченным для тощего унтер-офицера, который возвышался над всеми и хищно осматривал все вокруг. Фашист отделился от группы и остановился на краю дороги, сердитый и нахмуренный, сняв карабин с плеча, готовый хоть сию минуту выпустить обойму в пленных.

Вдруг на них повеяло прохладой, и они услышали шум журчащего ручейка. Инстинктивно все остановились, а потом, как стадо молодых коней, приведенных на водопой, раздувая ноздри, бросились на знакомый шум, но резкий, требовательный окрик остановил их всего в двух шагах от ручейка. Нет, это был не крик человека, а рев

какого-то дикого животного. Как по сигналу начали орать и другие гитлеровцы. Притихшая роща наполнилась визгом и воем, как будто выла стая волков. Подгоняя прикладами, немцы провели пленных по маленькому деревянному мостку над пенистым ручейком, заманчиво шумевшим под ногами.

Вода! Вода! Она была так близко! Нужно только наклониться и зачерпнуть пригоршню, но они не могли сделать этого. Данкин почувствовал, как плечо раненого сползает по его груди и сам он валится на землю.

Они остановились. Жирный гитлеровец, который шел рядом с ними и платком вытирал раскисшее лицо, попытался их подогнать, но, поняв, что это невозможно, тоже остановился. И пока Данкин и двое других пленных пытались взять на руки своего товарища, ястребом подлетел унтер-офицер.

Однако после короткого объяснения с подчиненными начальник конвоя разрешил принести раненому воды и напиться всем. Им разрешили также сесть отдохнуть. Этого пленные никак не ожидали, и Данкин не сразу понял, было ли это великодушие или просто гитлеровцы сами устали и захотели отдохнуть. Вскоре фашисты отошли в сторону и расположились в тени деревьев. Двое остались их охранять.

Прохлада и вода постепенно возвращали им силы. Раненый открыл глаза, и какое-то подобие улыбки появилось на его бескровных, искусанных губах. Как приятно лежать на спине на влажной земле и смотреть в далекое синее небо, бездонное и пленительное, каким оно бывает над Словенией! Рядом журчит ручеек, из глубины леса дует свежий ветер, несущий прохладу, а голые ветки берез шумят, шумят... Данкин смотрел на высохшее, изможденное, с потрескавшейся кожей лицо своего друга, видел, как вздрагивают его едва прикрытые веки, и чувствовал необходимость как-то поддержать его. Он погладил его по черным, влажным от пота волосам, нависшим над глазами.

— Лучше тебе, Кольо?

Тот открыл глаза и усмехнулся:

— Сейчас уже смогу сам идти, не буду причинять тебе хлопот.

— Хлопот? Ерунда! Я не о том... Спрашиваю, выдержишь ли до конца?

— Далеко еще?

— Черт его знает! Кто может сказать?.. Болит рука?

— Боль утихла. Но когда пойдем, не знаю, может, опять...

— Не бойся, пройдет, — ласково успокоил его Данкин. — Потерпи еще немного, а как придем...

— Так они не будут больше останавливаться! — прошептал Кольо и указал на сидевшего в придорожном кювете часового, разложившего перед собой вещмешок.

— Где-нибудь да остановимся, не будем же мы целую неделю идти!

— Не знаю... Есть хочется! — Юноша оперся на локоть здоровой руки.

Данкин проследил за его взглядом и увидел, что в нескольких шагах от них, на краю кювета, опустив ноги вниз, сидит толстый фашист и ест. Толстяк вытащил из сумки платок, разложил его на коленях и с удовольствием поглощал нарезанные большими кусками хлеб и колбасу. Данкин видел, как его толстые и неуклюжие пальцы разминают кусочки мягкого хлеба, прежде чем отправить их в рот. Немец медленно, но настойчиво уничтожал разложенную на платке еду. Он собрал даже крошки, скатал их в шарик и ловко бросил в открытый рот. В его руках остался большой кусок колбасы и почти половина булки, на которые он взирал с сожалением, чувствуя, что не может проглотить и это. Глаза его случайно встретились с устремленными на него глазами раненого, который лежал на краю дороги и следил за ним.

— А, камарад! — воскликнул гитлеровец патетическим тоном, как будто только сейчас обнаружил, что он не один.— Битте, камарад!

Он с такой изумительной щедростью протянул им колбасу и хлеб, что Данкин не выдержал и закрыл от волнения глаза. Вот сейчас... В то мгновение, когда его друг протянет дрожащую руку, чтобы взять хлеб, гитлеровец рассмеется ему в лицо и ударит ногой в живот. Данкин открыл глаза и чуть не вскрикнул от неожиданности.

Кольо разломил здоровой рукой хлеб и запихнул кусок себе в рот.

— На, возьми! А колбасу сам разломи, не могу я одной рукой...

Колбаса и хлеб были разделены на мелкие кусочки. Данкин роздал их всем, и пленные, не жуя, проглотили

еду, как будто боялись, что подбежит унтер-офицер и вырвет все из рук. Фашист, стоя в стороне и уперев руки в бока, с улыбкой на толстом лице смотрел, с какой жадностью пленные глотают пищу. Он дождался, пока были проглочены последние крохи, а затем поторопился разбудить своих друзей.

Солнце опустилось низко над лесом, сделалось прохладнее. С востока медленно наплывал тихий весенний вечер.

Данкин понял, что сейчас они тронутся в путь, и велел ребятам приготовиться. Но все были утомлены. Они с трудом заматывали портянки, натягивали сапоги. Еще до того, как они подготовились, подлетел унтер-офицер и замахал над ними руками, как ястреб крыльями.

— Ауф! — заорал он.

Все поднялись и пошли по пыльной дороге, окруженные немецкими солдатами, отдохнувшими и выспавшимися.

Вечером пришли в какой-то словенский городок. Состояние раненого ухудшилось, и конвоиры согласились оставить его в лазарете местного гарнизона.

Здесь также было заметно оживленное передвижение войск, слышалось громыхание оружия, раздавались резкие команды. Вместо ушедшей два часа назад моторизованной колонны, которую они встретили на закате солнца возле городка, пришла другая часть, на этот раз пехотная.

Мрак, шум, крики... Из-за угрозы воздушного нападения комендант города приказал соблюдать полное затемнение. Ни в одном окне не светился огонь. Они шли по темным, покрытым острыми камнями улицам, пробирались между колоннами пехоты и наконец добрались до комендатуры.

Но здесь для них не нашлось места. Нахмуренный, сердитый обер-лейтенант, плохо говоривший по-русски, хотел их допросить, но, видя, что они ничего не понимают, послал их к черту и приказал отвести в соседнее село. Они опять потащились и еще два часа шли по разбитой машинами и танками дороге.

В село пришли к полуночи. Наверное, коменданта села предупредили по телефону, потому что перед комен-

датурой стоял сонный, ворчливый гитлеровец, который отпустил конвой, а их втолкнул в какую-то избу.

Утром их привели на небольшую площадь, разделили на группы и развели в разные стороны. Данкина и еще одного парня впихнули в пустой, уже тарахтящий грузовик, который тотчас же тронулся с места.

Куда их везут? Что будет с оставшимся в лазарете товарищем? Свернувшись на брезенте возле кабины шофера, Данкин с волнением осматривал местность. Типичный словенский пейзаж в долине Дравы. До самого горизонта простирается широкая, необъятная равнина, над которой в сторону возвышавшихся на западе гор плывут легкие облака.

Словения! Он узнавал ее по всему: и по высоким тополям вдоль дороги, и по кустам шиповника, росшим вдоль каменной ограды сельского домика, мимо которого они проскочили. Она угадывалась и в глазах тонкой девочки в пестрой одежде, стоявшей на цыпочках около маленького кокетливого домика и вглядывавшейся в них, когда они проезжали мимо.

Оба пленника лежали в трясущемся грузовике и не знали, куда их везут.

Вот машина миновала большой железный мост над рекой и вновь спустилась с сумасшедшей скоростью на пыльное шоссе. Какая это река? Может быть, Драва? А может, другая? Но почему их везут на север?

Вновь потянулся все тот же пейзаж, который теперь казался им печальным и негостеприимным. И вновь эти маленькие села с однообразными, скучными домиками, стоявшими, как белые коробочки, вдоль дороги. И в каждом — одинаковая церковь посреди площади, гордо и самонадеянно воткнувшая в синее безоблачное небо свой островерхий, высокий купол. Ни за что на свете он не согласился бы жить здесь... Воспоминания о родине, лежащей так далеко отсюда, неудержимо хлынули в его душу. Данкин вытянулся на разостланном брезенте... Он лежал и смотрел вверх. Небо здесь такое же, как дома. Такие же маленькие, белые, похожие на разбросанные клочья пены облака, которые ветер гонит в вышине.

Его товарищ заснул, и у Васко появились новые заботы. Какое все-таки существо человек! Может быть, этот парень жил в хорошем доме, спал в чистой белой постели,

о нем беспокоилась заботливая мать, а сейчас... Сейчас этот трясущийся грузовик ему кажется люлькой!

Неожиданно машина остановилась, и Данкин как куль полетел в конец кузова. Его товарищ проснулся и испуганно озирался по сторонам.

Они остановились в каком-то селе. Село или маленький городишко? Все равно, не имеет значения, где влачить жалкое существование пленника.

Им приказали слезть. Его товарища куда-то отвели, а Данкина приставили к повару расквартированной здесь части, который заставил его помогать варить суп и картошку с бараниной. Васко понял: гитлеровцы отправляют на фронт всех способных воевать, а на их места ставят пленных. Сердце его наполнилось радостью, в душе вспыхнула надежда... Значит, дела фашистов плохи, если собирают последние резервы! И он приступил к исполнению обязанностей помощника повара. В первый же день повар, увидев Данкина слонявшимся бесцельно по двору после окончания работы, сунул ему в руки топор и заставил рубить дрова для печей.

До позднего вечера Данкин орудовал топором под наблюдением высокого, крупного гитлеровца, сидевшего на пне перед кухней и самодовольно попыхивавшего трубкой. Почувствовав, что силы его оставляют и он почти падает от усталости, Васко бросил топор и оперся дрожащими руками об ограду.

Расчувствовавшийся гитлеровец встал и потрепал его по плечу.

— О, булгар, гут, гут!

Он дал Данкину поесть и разрешил лечь спать. Но прежде чем запереть его в деревянном сарае, повар жестами объяснил, что утром Данкин должен встать рано и растопить печь.

Данкин взглянул на повара с нескрываемой враждебностью, но тут же почувствовал, что пока нужно продолжать прикидываться ничего не понимающим глупцом, которому нужно только отсидеться здесь, пока не кончится война.

— Гут, гут, — произнес он эти первые запомнившиеся немецкие слова и кивнул, как бы подтверждая, что он все хорошо понял. В сарае он улегся на нарах на кучу сена. Снаружи часовой закрыл на засов двери и начал расхаживать по двору вдоль длинной постройки, которая слу-

жила прежнему хозяину амбаром и в которой немцы расположили кухню, разместили солдат хозяйственной части и пленных. Еще днем, перетаскивая дрова, Данкин заметил, что рядом с небольшой загородкой из жердей и досок, похожей на клетку, куда его закрыли, находится еще несколько других таких же помещений, занятых поваром, хозяйственником и связными из штаба. И сейчас, когда все утихло, он отчетливо слышал все ночные шумы, даже храп людей, спящих в самых отдаленных каморках. Возле него, где-то у самых ног, бегали мыши, а какой-то жук упорно точил жердь над самой его головой.

Данкин смертельно устал, но заснуть не мог. Он лежал вытянувшись на сене в этой странной тюрьме. Что стоит ему быстро раздвинуть жерди потолка и черепицу крыши? А там легко можно перескочить в соседний сад и... Куда бежать? Конечно, прежде всего на соседнюю улицу, а потом... Нет, при первых же его шагах часовой, стоящий возле двери штаба, застрелит его как собаку! Так куда же направиться? По какой дороге можно легче всего добраться до Дравы? Грузовик прошел десятки километров, и Данкин не знал, где сейчас находится. Да, бежать пока не удастся. Монотонные шаги снаружи утихомирили разбушевавшиеся в голове мысли, и он остался лежать неподвижно, измученный, почти упавший духом.

Мысль о раненом товарище, оставленном в лазарете маленького словенского городка, прорезала его сознание. Что сейчас с ним? Увидятся ли они когда-нибудь? Васко почувствовал такую муку в сердце, какую редко испытывал по отношению к другому человеку. Нет, он должен узнать о нем что-нибудь! Прямо с утра, как встанет, он займется этим.

Рано утром его разбудили. Как и приказывал повар, Васко сразу же занялся печью.

После завтрака потекла обычная жизнь пленного. Несколько раз он ходил с большими ведрами к колодцу, перетащил нарубленные дрова, почистил печь, два раза ее растапливал, чистил сапоги повара и еще какого-то начальника и до вечера ни разу не присел отдохнуть. Только после полуночи он освободился и заснул, запертый в своей клетушке.

Потекла тяжелая, исполненная страданий жизнь. Он был вынослив, но уже на третью неделю усталость сломила его. Остатки сил ушли на тяжелую повседневную работу, и однажды утром он не смог подняться со своих нар.

Уже третий день солнце сильно припекало, а он не мог вылезти из этой душной дыры. Ему казалось, что мир — это огромная печь, в которой ему суждено сгореть живьем. Он метался на соломе, бредил и звал на помощь своих близких, имена которых произносил шепотом. Никто не шел к нему, и он продолжал гореть в этой огромной печи, обливаясь потом и вскрикивая.

На четвертый день он проснулся от кошмарного сна, и первое, что заметил, было склонившееся над ним толстое, с отвислыми щеками лицо повара. Заметив, что больной открыл глаза, немец вытащил из кармана трубку и набил ее табаком. Закурив, он сказал весело:

— А, булгар!

Губы Данкина приоткрылись.

— Гут, гут?

— Да, да... я уже гут...

Немец ушел и вскоре вернулся с кружкой молока. Он постоял немного с трубкой в зубах, пока Данкин глотал молоко, а потом вышел, качая головой и бормоча что-то.

Вечером и на следующий день повар несколько раз заходил к нему и каждый раз приносил что-нибудь поесть. За два дня Васко почти поправился, силы вернулись к нему, и он мог уже вставать. Данкин хорошо понимал, что повар заботится о нем и торопится поставить его на ноги потому, что ему нужен работник. Мысль, что через несколько дней вновь начнется тяжелый труд, повергла его в ужас, и он твердо решил начать подготовку к побегу.

Семь дней его никто не тревожил, а на восьмой дверь распахнулась и ему разрешили походить по двору. Работать он еще не мог, и поэтому никто его не трогал. Солдаты привыкли к его присутствию, никто даже не пытался подшучивать над ним.

Васко теперь едва можно было узнать — кожа да кости. С трудом дотащившись до кучи дров, сваленных в глубине двора, Васко сел и провел так почти весь день, в полудреме, греясь на солнце. Медленно, но упорно организм справлялся с болезнью. Кровь все быстрее текла по

жилам, мускулы наливались свежей силой, кожа на лице растянулась и порозовела, взгляд стал более внимательно отмечать происходящее вокруг.

Так сидел он однажды на дровах и спокойно разглядывал широкий пустой двор, упиваясь ароматом цветущих абрикосов и слив, глубоко вдыхая свежий воздух и размышляя о доме, о товарищах, о предстоящем побеге. Вдруг он встрепенулся и приподнялся на локтях. В окне расположенного напротив маленького дома мелькнула русая голова девушки, которая выглянула и тут же скрылась за спущенной занавеской. Затаив дыхание, Васко замер. Две-три минуты спустя занавеска приподнялась и в окне опять появилась все та же голова. Сердце Данкина неспокойно забилось. Мелькнув еще раз за окном, девушка скрылась и больше не появлялась. Он долго ждал, но, так и не дождавшись, ушел в свою каморку, взволнованный и смущенный красивым видением, которое ему казалось сном.

На следующий день в то же самое время Васко уже был на дровах. Не прошло и пяти минут, как в глубине двора появилась высокая, стройная девушка, с бледным, но необыкновенно красивым лицом. Она миновала растущие возле дома деревья, боязливо оглянулась и бросила на него робкий, сострадательный взгляд. Затем быстро ушла, оставив его в смятении и с неотступным желанием ждать ее нового появления. Но в этот день она так больше и не появилась.

Несколько дней спустя девушка пришла опять. Издали заметив его на прежнем месте, она приостановилась в приятном изумлении и одарила его нежной, бесконечно милой улыбкой, наполнившей душу Данкина надеждой и добрым предчувствием. С тех пор она несколько раз в день проходила мимо него, награждая горячим взглядом и улыбкой.

Что говорили ему эти светлые, живые глаза? Неужели она думает помочь ему? Нет, она явно хочет ему что-то сказать, но не осмеливается. А у него не хватало смелости остановить ее и заговорить. Кроме того, он боялся, что его заметит повар или солдаты. Это могло бы повредить им обоим.

С каждым днем он чувствовал, как силы возвращаются. Появилось желание двигаться, даже работать. Но все

равно он был еще слаб, и поэтому Карл пока не заставлял его помогать на кухне.

Первую большую прогулку Данкин совершил до соседнего сада. Там, сидя на траве в тени и прохладе цветущих вишен и магнолий, он засмотрелся на белые цветы, радуясь как ребенок, который впервые открыл, что миг прекрасен и в нем стоит жить...

Наступила весна, чудная и неповторимая весна Словении!

Гудели пчелы, в воздухе разливался густой и сладкий аромат цветущих плодовых деревьев. Данкин вдыхал свежий воздух ранней словенской весны, упиваясь мыслью, что он жив и здоров. Когда-нибудь да кончится все же война, и он будет свободен. Он вернется на родину, а там... Нет, нельзя сложа руки ждать конца войны. После выздоровления он поищет кого-нибудь, кто помог бы ему бежать. Вот, например, эта девушка! Сможет ли она помочь?

Выходя из сада, Данкин неожиданно встретил ее возле разрушенных деревянных ворот. От неожиданности он отскочил назад и освободил ей дорогу, но она остановилась перед ним, глядя светлыми улыбающимися глазами.

— Здравствуйте, друже! — сказала она. — Вы были больны?

— Да, болел немного...

Он смутился и попытался спрятать от нее свои желтые высохшие руки, но она заметила это невольное движение.

— А сейчас как?

— Сейчас хорошо, — ответил он и огляделся по сторонам. — А вы куда направились?

— К вам.

— Ко мне? Зачем?

— Увидела, что вы пошли сюда, и решила поговорить с вами. Мне очень жаль вас! Вы такой худой. Я, знаете ли, наблюдала за вами в окно, когда вы помогали на кухне Карлу. Но несколько дней назад вы вдруг пропали куда-то, и я подумала, что вас отправили в Германию. И так мне обидно стало, что не смогла помочь вам.

— Мне помочь? Вы хотите мне помочь?

Большие глаза девушки засветились.

— Да! — Несколько мгновений она смотрела на него

не отрываясь, затем добавила: — Я хочу вам помочь, только не знаю как. Вы хотите бежать?

— Хочу! — выдохнул он и наклонился к ней. — Но ведь это связано с большим риском для вас.

— Я думала об этом. Конечно, страшно. Но я готова на все!

— Хорошо, — кивнул он и коснулся маргариток, которые она держала в руках. — Тогда слушайте. Вопрос очень серьезный, нужно хорошо подготовиться. Прежде всего постарайтесь узнать, где сейчас проходит линия фронта! Потом нужно будет сходить в Ормож и найти раненого болгарского солдата по имени Николай.

Девушка задумалась.

— Трудно, но я попытаюсь... Вы подождите до воскресенья, я узнаю, вот увидите!

— Спасибо,— стиснул он ее руку.— Но об этом никому ни слова!

— Ой, ну что вы говорите! Думаете, я не умею хранить тайну?

— Я верю вам. Но дело это опасное, будьте осторожны!.. Что слышно в селе?

— Татко говорит, что наши отступили за Драву. Верно ли это?

— Может быть, и верно. У немцев здесь большие силы.

— Может, мне рассказать о вас отцу? Он тоже может помочь.

— Нет, ничего ему не говорите.

— Почему? От татко я ничего не скрываю. Наоборот, он очень обрадуется, когда я ему скажу, что вы... — И она придвинулась к нему близко-близко. — Татко поддерживает связь с партизанами.

— С партизанами?

— Да.

— Разве в окрестностях есть партизаны?

— Да, и много!

— Хорошо. Можно будет уйти к ним. Но это немного позже. Сейчас важно выздороветь и набраться сил. Когда почувствую себя лучше, я сам вас найду. Как вас зовут?

— Горица.

— Красивое имя!

Он заметил, что лицо ее вспыхнуло и покрылось румянцем.

— Слушай, Горица! — сказал он с замиранием сердца, как будто предчувствуя, что с ним должно что-то случиться. — Не говори ничего отцу. Скажешь, когда придет время. Он мне тогда понадобится. А сейчас поторопись, пока нас не заметили. Кажется, Карл меня зовет!

Горица заторопилась к маленькому домику, где жила с отцом, а Данкин пошел вдоль ограды к кухне, откуда доносился голос повара. Больше недели прошло с тех пор, как пленный заболел. Теперь уже можно считать его здоровым и вновь заставлять работать.

Данкин издали увидел, как Карл размахивает большим кухонным ножом, ругаясь с интендантом. По нескольким знакомым словам Васко понял, что спор у них идет из-за мяса, долго пролежавшего на складе и уже припахивающего.

«Злой сейчас, — подумал Васко, — как бы на мне свою злость не сорвал». И Васко быстрым шагом направился прямо к Карлу, стараясь придать себе бодрый вид.

Снова потекли тяжелые дни работы на кухне.

Как и прежде, Карл относился к нему сносно, считая, что так будет лучше для дела. На кухне всегда находилась работа, пленный допоздна крутился вокруг печи и котлов. А когда в темноте добирался до своей клетушки, ноги его дрожали и подкашивались от усталости, он шатался, но, стиснув зубы, боролся со слабостью. «Это от болезни», — думал он и, обессиленный, падал на свою жесткую постель.

Все чаще вспоминал он о раненом товарище. И все глубже в душу проникало беспокойство. Что с ним? Жив ли?

После той встречи с Горицей Данкину ни разу не удалось увидеть девушку. Вероятно, она опасалась часовых и особенно Карла, который становился все более подозрительным и вроде бы даже стал следить за Васко. Еще несколько дней прошло в муках ожидания и сомнениях. Может, она уехала? А может, рассказала о разговоре с ним своему отцу и тот запретил ей встречаться? Нет, этого не может быть! Старый и умудренный опытом словенец умел находить возможность незаметно делать свое дело. Почти каждый день Данкин видел его снующим по двору, возле штаба, где, оказывая немцам различные мел-

кие услуги, он регулярно собирал сведения для партизан. Не может он, патриот и борец, помешать дочери оказать помощь пленному. Но где же все-таки Горица? Если ушла в Ормож разузнать о Николае, то почему ее так долго нет? От этой мысли Данкину стало не по себе, и он долго не мог найти места от страха, что с девушкой что-то случилось.

Однажды вечером, когда он был уже в своей каморке, дверь распахнулась. Данкин вскочил. В полутьме он различил знакомую фигуру и остолбенел.

— Горица, ты?

— Я, Васко.

Он не мог больше вымолвить ни слова. Стоял и смотрел на нее, не веря самому себе.

Горица подошла и взяла его за руки.

— Не бойся, никто меня не видел, прошмыгнула мимо часового.

— Но если тебя поймают здесь? Я боюсь...

— Боишься, — усмехнулась она. — В таком случае я могу уйти.

В ее голосе прозвучало разочарование. Он заметил это и поспешил объяснить:

— Нет, я не за себя. Я... я за тебя боюсь!

— Но никто не узнает, Васко!

Он сделал ей знак рукой.

— Говори тише, нас могут услышать...

— Никто нас не услышит. Карл ушел в село, остальные напились и храпят так, что их пушкой не разбудишь. Слушай, Васко! — Она приблизилась к нему и зашептала еще тише: — Я была в Орможе.

— Горица, ты узнала что-либо о нем?!

— Да, я была там и искала его. Как его звать?

— Кольо, Николай.

— Да, Николай, Кольо. Сказали, что он был там, но его увезли.

— Куда?

— Не знаю. Никто не мог мне ничего больше сказать. Спрашивала и санитарок, наших, словенок, и соседей — хорошие люди, но все пожимают плечами. Говорят, что он вроде бы выздоровел.

— Этого уже достаточно! Главное, что он жив, остальное не так важно. А ты когда вернулась?

— Сегодня после обеда. Знаешь, Васко, я сказала татко о наше разговоре. Он согласен.

— С чем, Горица?

— С тем, что тебе нужно уходить к партизанам.

Данкин оживился.

— Горица! Милая моя! — Он порывистым движением прижал ее к себе. — Спасибо тебе!

Она тоже прижалась к нему.

— О, ты еще увидишь, на что я способна!

— Я верю тебе, ты все можешь, но побереги себя, милая!

— Не бойся, все будет хорошо!

— А теперь тебе пора. Не стоит зря рисковать. До свидания, Горица!

Он почувствовал, как она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в небритую щеку. От этого поцелуя место, которого коснулись ее губы, вспыхнуло, как будто пламя лизнуло кожу лица. И прежде чем он понял, что произошло, стройная и ловкая, она выскользнула из его рук. Он услышал, как тихо скрипнула дверь, затем звякнул засов, и вновь наступила знакомая тишина, заполнившая каморку, двор, село.

Данкин постоял несколько секунд, опустив руки и запрокинув голову, затем вытянулся на сухой, шуршащей соломе и затих.

По всему было видно, что гитлеровцы отступают. Карл стал раздражителен и орал на него за самые незначительные промахи. Злыми стали и другие солдаты. Интендант перестал давать ему сушеные сливы, как это было во время болезни, а один из штабных связных что было силы пнул его и пообещал расправиться с ним за то, что постиранные рубахи плохо высохли. День был пасмурный, развешенное белье не сохло, и это разозлило маленького, но желавшего хоть кем-нибудь командовать ефрейтора.

С Горицей он не виделся несколько дней. Она опять куда-то исчезла, но это его совсем не тревожило. Он знал, что она где-то недалеко, следит за ним, готовит его побег...

Внимание его было поглощено другими, более важными делами.

Через село начали проходить отступающие немецкие части. Они шли теперь не на восток, а на северо-запад. Да, не было никакого сомнения, фашисты отступали. Сумасшедшая радость охватила его, и он, как ни старался, не мог скрыть веселого выражения на лице. Но ни Карл, ни другие не замечали этого, потому что были очень заняты и потеряли способность наблюдать.

День и ночь шли немецкие войска: пехота, артиллерия, танки, моторизованные части. Они двигались по тесным дорогам Словении, направляясь к Германии. Но почему не слышно шума боев? Неужели линия фронта все еще так далеко, что даже артиллерийская канонада не доносится сюда?

Проходя с ведрами возле маленькой белой хатки в глубине двора, Данкин увидел в окне русую головку Горицы. Девушка стояла, глядя в окно и делая ему знак задержаться. Он поставил ведра на землю, взялся за оторванную подметку своего сапога. Озираясь по сторонам и следя, как бы его не заметил часовой, Данкин спросил:

— Почему не выходишь?

— Татко мне запретил. Говорит, что сейчас лучше не попадаться им на глаза.

— Правильно, не выходи из дому!

— Татко сказал, что немцы разбиты. Ваши наступают, они уже недалеко.

— Наконец-то! — обрадовался Васко и внимательно осмотрелся по сторонам. — А еще что он сказал?

— Что не сегодня-завтра и эта часть уйдет.

— Куда?

— Откуда я знаю? — пожала она плечами, и Васко почувствовал, что голос ее дрогнул. — Будут отступать...

— Значит, и я с ними?

Она закрыла лицо руками, и плечи ее затряслись. Данкин молча продолжал поправлять сапоги. Что он мог сказать ей в утешение? Да, ясно теперь: нужно бежать. Но, прежде чем он высказал ей свое решение, она поторопилась его опередить:

— Вчера партизаны напали на колонну...

— Значит, начали!

— Да, начали. Татко так сказал. — Она огляделась и продолжала шепотом: — Если ты хочешь...

— Да, скажи отцу, пусть он сегодня ночью меня уведет к партизанам. Теперь пора...

— Хорошо, Васко, сегодня скажу ему и приду тебе сообщить.

— Нет, ты не приходи, я сам тебя найду... Еще вот раздобыть бы оружие!

— Что тебе нужно?

— Пистолет и, если можно, гранаты.

— Сегодня они у тебя будут! Я уже достала... Уходи, Карл нас заметил. Идет сюда! — Она опустила занавеску и отошла от окна.

Данкин взял ведра и направился к кухне, но было уже поздно. Карл вышел из склада, где он что-то искал, и начал звать его. По свирепому виду повара можно было понять, что у него случилась какая-то неприятность.

По отдельным словам Данкин понял, что у повара исчез пистолет. Карл напрасно обыскал все углы кухни, перевернул вверх дном все в жилых помещениях, обыскал каморку пленного. Пистолета нигде не было. Увидев помощника, он вытащил трубку изо рта и бросился к нему с криком, привлекшим всеобщее внимание, заставившим любопытных обернуться и ждать, что произойдет дальше.

— Где? — ревел здоровый и толстый повар, угрожающе размахивая руками. — Где мой пистолет, собака вонючая? Говори, болгарская свинья, или сейчас я убью тебя...

Данкин поставил ведра и стал оправдываться:

— Герр Карл, я... нихт пистолетен... Да, да... я ходил за водой. — И он указал на колодец.

Но немец не принимал никаких объяснений. Он схватил Данкина за воротник и стал бить его по голове, по плечам, по спине. Вначале Данкин не сопротивлялся, но когда удары стали частыми, он понял, что это может плохо кончиться, и начал защищаться.

— А-а! — взревел немец, удивившийся его смелости.

Еще двое фашистов бросились на помощь Карлу. Втроем они окружили Данкина, но он ловко проскочил между ними и побежал. Не успел он сделать и двух шагов, как почувствовал тупой удар по голове, как будто на него обрушился потолок. Огненные круги заплясали перед глазами и ослепили его, но он напряг все силы и удержался на ногах. Обернувшись, он в тот же миг увидел через заволокшую глаза пелену искаженное от ярости лицо гитлеровца, увидел, как тот взмахнул руками. Но в тот момент, когда Карл готов был вторично опустить

тяжелую палку на его голову, Данкин услышал душераздирающий крик, крик бежавшей к ним Горицы. Этот крик, высокий и пронзительный, полный ужаса и трогательной нежности, на мгновение смутил фашистов. Осмелев, почувствовав прилив сил, Данкин с молниеносной быстротой вырвал палку из рук Карла и со всей силой опустил ее на голову ошеломленного повара. Затем перемахнул через невысокую ограду, обогнул сарай и бросился в близлежащий лес. Несколько пистолетных выстрелов раздались ему вслед, но он продолжал бежать в глубь леса. По лицу его текла кровь. Рана на голове тупо ныла. Голоса преследовавших его гитлеровцев становились все более далекими и неясными, пока наконец не стихли. Теряя последние силы, Данкин остановился, едва удержавшись, чтобы не упасть. Он забрался в высокие густые заросли кустарника и спрятался там.

Очнулся Васко от раскатов грома. Он открыл один глаз, попытался открыть и другой, но не смог — глаз затек.

Напрягая последние силы, Данкин с трудом повернулся и оперся на руки. Через просвет в ветвях он увидел яркую синеву неба. До него донеслась далекая орудийная канонада. «Значит, наши близко!» — мелькнула мысль. Он попытался встать, но острая боль в голове опять свалила его на землю. Устремив взгляд вверх, он пытался вспомнить все подробности происшедшего.

Будут ли гитлеровцы его искать? А может, о нем забыли? И тут он понял, что в суматохе отступления им просто не до него. Если до вечера его не обнаружат, наши, вероятно, завладеют селом и он будет спасен. Эта мысль обрадовала его. Скорей бы они пришли! А тогда... «Тогда, Карл, держись! Где бы ты ни был, я найду тебя и расплачусь за твою жестокость!.. А что случилось с Горицей? Неужели она убита?» Слезы подступили к горлу, он пытался отогнать эти тяжелые мысли, но не смог. Ему стало так тяжело, что он не выдержал и пополз к краю леса.

Через некоторое время в просветах между деревьями вдали показались фигурки людей, донесся грохот взрывов, треск автоматов, крики.

Данкин уполз обратно в заросли и стал ждать. Медленно текли минуты. Ему казалось, что прошло уже не-

сколько дней с тех пор, как его избили немцы. Он все лежал, не отрывая взгляда от края поля. Он видел, как недалеко от него небольшими группами пробежали солдаты. По форме он узнал немцев. Затем пробежало еще несколько человек. После минутного затишья со всех сторон снова показались вражеские солдаты. Многие из них падали, подкошенные огнем невидимых автоматов.

Сквозь дым и грохот взрывов Данкин видел, как вихрь приближающегося боя уничтожает перед собой все живое. Ему стало радостно, несказанно радостно и весело. Он даже забыл о боли в голове.

Наконец-то придет конец его плену!

Стискивая руками пылающую от боли голову, Данкин вдруг выпрямился. Он вспомнил разговор с Горицей. Так вот что было причиной гнева Карла, избившего его как собаку. Значит, это она выкрала пистолет у фашиста! Вот о каком пистолете она говорила, когда обещала снабдить его оружием.

Орудия стреляли все ожесточеннее. Пусть стреляют, пусть бьют, пусть уничтожают! Это наша артиллерия... Как точно бьют ребята!

Свобода! Свобода! Как дорого это короткое слово его сердцу!

Грудь распирало от радости скорого освобождения.

— Ура! — вырвалось из его груди.— Ура-а-а-а!..

В тот же момент он различил на поляне в клубящихся синих облаках дыма несколько фигур в коричневой одежде. Что-то знакомое было в их криках. Этот крик подхватила вся бегущая цепь, выгнувшаяся в дугу и затем разбившаяся на множество отдельных фигур. Да, это были его товарищи! Это были болгарские солдаты, гнавшие врага и несшие освобождение своему пленному товарищу...

Взвод подпоручика Карадимова расположился в освобожденном селе на отдых. Солдаты сидели вокруг костров и тихо переговаривались. Все смертельно устали, но, хотя не было во взводе человека, который бы не скорбел о погибшем товарище или друге, никто не думал уединяться и предаваться скорби. Все хотели быть вместе. Освобождение села было их немалым успехом. Эта радость усиливалась радостью освобождения из плена их товарища.

А он, Васко Данкин, сидел среди них с перевязанной головой, на том же самом пне, на котором рубил дрова, разглядывал при свете костра лица друзей и рассказывал им о пережитом с того самого момента, как попал в плен в маленьком домике лесника. Ребята задумчиво слушали. Потрескивали дрова, длинные языки пламени играли на их лицах яркими бликами, придавая солдатам суровый вид. Сидевший возле него знакомый солдат подбросил в огонь полено и перебил Данкина.

— Подожди! О Кольо нам все понятно, поищем его в Орможе. Ну, а о какой девушке ты рассказывал? — спросил он и пошуровал палкой в костре. — О той, которая здесь?

— О ней.

— Ишь ты, черт побери!

— А я что? — смутился Васко. — Я ничего... Вы не думайте, что я... Она мне только помогала!

Данкин попытался скрыть свои чувства к Горице, но еще больше запутался и, чтобы друзья не заметили охватившего его смущения, отодвинулся подальше от огня. Но они не оставляли его:

— Э, нет! Знаем мы тебя!

— Да что вы, она же еще подросток!

— Подросток! — вмешался другой.— Рассказывай, мы ее сегодня видели. Совсем не подросток, наоборот!

— Смотри, черт, как скрывает!

Раздался взрыв смеха.

— Да что ты, она хорошая девушка...

— Так я же не возражаю!

Все разом заговорили, заспорили. И снова возле огня громыхнул шутливо-безобидный солдатский смех. Он нарушил тишину ночи и разбудил уже задремавших солдат. Со всех сторон двора к костру подходили новые любопытные, образуя вокруг огня все растущее, двигающееся, оживленное звуками смеха и задорными шутками кольцо. Неожиданно кто-то из подошедших не выдержал и подбросил:

— А твой Карл хорошо тебя отделал!

— Эх, чтоб ему околеть, собаке!

— Да ты подожди, он от нас не уйдет! — сказал тот же солдат. Он подбросил несколько палок в костер, поворошил его и добавил: — Подождите, друзья! Завтра снова их погоним и тогда... тогда держись, Карл!

ВЫСОТА 1041

Машина неторопливо ползла по изрытой снарядами дороге, объезжая глубокие воронки, и несколько ускоряла ход, вырвавшись на ровное место. Нас окружал суровый, мрачный пейзаж.

Зима давно прошла, но в оврагах и впадинах все еще лежал снег, медленно таявший под лучами солнца. В лесу по обе стороны дороги было темно и влажно. Дул ветер. Ветви деревьев, искромсанные минами и снарядами, качались, и время от времени до нас доносился их жалобный скрип, похожий на стон, как будто тяжелораненый просил о помощи.

Во многих местах у берегов рек и речушек дорога неожиданно обрывалась, и перед колесами машины возникали пропасти, готовые поглотить нас. Машина останавливалась, и мы долго искали брод. Железные конструкции разрушенных мостов отвесно спускались в тихую воду. По берегам темнели перевернутые вверх колесами черные остовы грузовиков и массивные тела танков, беспомощно свисали дула орудий, совсем недавно извергавшие огонь и раздиравшие грохотом синее небо.

Война вступила в решающую фазу. Наши солдаты дрались с исключительным героизмом и шаг за шагом гнали врага. За каждый холмик и село приходилось вести жестокий бой. Позиции менялись так быстро и так неожиданно, что мы не знали, где теперь находится штаб полка, хотя на имевшейся у нас карте он был отмечен красным кружком и стрелкой. Нам нужно было вовремя добраться до него и до конца дня передать по телефону наши корреспонденции в редакцию фронтовой газеты. Мы оба отлично понимали стоявшую перед нами задачу, но... Ох, эти дороги, эти проклятые дороги!

Шофер, рядовой запаса, сильными руками уверенно держал баранку и осторожно лавировал между валявшимися машинами и орудиями. За все это время он ни разу не обратился к нам с вопросом, как будто мы для него не существовали. Шофера мы знали еще с начала войны, когда он был направлен на службу в нашу редакцию. Это был тихий и молчаливый человек, немного мрачный и на вид сердитый, но, несмотря на это, он заслужил славу хорошего шофера, выносливого и опытного, преданного

своей службе. Зная это, мы не сердились на него и прощали ему его суровость.

У края небольшой березовой рощи наша машина развернулась, слегка наклонилась в сторону и остановилась перед канавой. Шофер нажал на педали, попытался дать газ, но мотор заглох. Он повернул к нам расстроенное лицо, взглянул на нас покрасневшими от бессонницы глазами, и... красноречивые ругательства его дали нам понять, что поломка была далеко не незначительной.

— Что случилось, Васил?

Он даже не оглянулся. Ему было не до разговоров. Быстро открыв дверь и сильно хлопнув ею, он подошел к мотору, что-то бормоча себе под нос. Мы с другом обменялись улыбками.

— Он быстро все исправит, — сказал я и указал на шофера, который поднял капот и внимательно осматривал мотор.

Затем Васил стал что-то откручивать, продолжая бормотать. Лицо его, испачканное маслом и пылью, сделалось непроницаемым и злым. Он не спал двое суток, а я хорошо знал: когда он сердится, лучше ни о чем не спрашивать его.

Мы слезли с машины и решили поразмяться немного, пока он устраняет поломку.

Впереди виднелось село, вытянувшееся вдоль дороги, с несколькими десятками домов, больших и просторных, одинаковых по внешнему виду, с узкими окнами и зелеными ставнями, с высокими красными крышами и низкими дымовыми трубами.

Через полчаса мы вернулись к машине. Васил молча ждал нас за рулем. Мотор заурчал, и машина вновь затряслась по неровной дороге. Мы миновали село и устремились по дороге на запад. Было видно, что всего лишь несколько часов назад здесь прошла наша армия.

Одно за другим оставались позади села. От некоторых из них уцелела лишь жалкая кучка домов. Все чаще теперь нам попадались солдаты, грузовики, обозные повозки, санитарные линейки, походные кухни. Повсюду виднелись натянутые брезентовые палатки, возле которых суетились люди.

Перед небольшим, не отмеченным на карте селом мы остановились. В пятистах метрах впереди проходила передовая линия. Позиции просматривались и без бинокля.

Ясно различались наши и вражеские солдаты. Здесь, кажется, не было артиллерии, но вполне достаточно пулеметной стрельбы и минометного огня. Воздух был наполнен трескотней, воем и непрерывным свистом. Где же расположился штаб полка? Не колеблясь, мы двинулись вперед.

В село вошли с восточной стороны. Западная часть его все еще находилась в руках немцев. Вокруг нас с тупым грохотом рвались мины, тоненько и противно свистели пули. Но, охваченные сильным желанием добраться как можно быстрее туда, где шел бой, мы старались не обращать на это внимания.

Где-то ближе к центру села навстречу нам выскочил сержант с сумкой через плечо и красным крестом на рукаве. Он замахал длинными руками и сердито закричал:

— Стой! Куда лезете?

Шофер нажал на тормоза, и машина замерла на месте.

— В чем дело?

Сержант подошел.

— Вы что, не видите, что немцы стреляют?

— Стреляют? А мы думали, что они в нас орехами бросают!

Наш шофер подался вперед к стеклу, огляделся по сторонам, как будто раньше ничего особенного не замечал, и остановил вопрошающий взгляд на нас.

В этот момент далекий, но знакомый солдатскому уху вой приблизился к нам, и мы поняли, что медлить нельзя.

— Ложись! — закричал сержант, отбежал на несколько шагов в сторону от дороги, прыгнул в кювет и залег.

Земля задрожала. Сильный грохот оглушил меня, в рот набилась земля, все заволокло пылью. Горячая волна с чудовищной силой подняла меня, и тут же я очутился в конце кузова на чем-то живом и мягком. Это оказался мой товарищ. В следующий момент я открыл глаза и увидел через поднимавшееся облако дыма и пыли, как наш шофер отряхивает со штанов пыль. Лицо его было серым, как земля.

Из кювета поднял голову сержант и махнул нам:

— Чего вы там стоите! Идите сюда!

Васил выскочил из машины и побежал к нему. Мы последовали за ним. Только улегшись возле сержанта и

почувствовав, как колотится мое сердце, я понял, какой большой опасности мы подвергались. Почему немцы так упорно стреляли по нас? Вероятно, они приняли нас за важных командиров, объезжающих на машине передовую.

Вскоре огонь перенесся на другой край села. Не могу описать чувство, охватившее меня, когда я оправился от этого потрясения, но хорошо помню, что перед моими глазами возникло что-то светлое, мне стало радостно, просто несказанно радостно и весело! Я даже попытался пошутить с Василом, но он продолжал лежать в канаве, спрятав голову за только что вывороченную снарядом кучу земли. Я посмотрел на сержанта и не устоял от искушения спросить его:

— Где передовая?

— Вон там, у той высотки! — привстал он и указал рукой.

— Да, вижу, — кивнул я и развернул карту. — Высота тысяча сорок один... Так отмечено здесь. В чьих она руках?

— Сейчас в наших. Полчаса назад была у немцев, но ребята пообещали ее взять, и вот сейчас они там.

Бросив взгляд на высоту, я заметил мелькавшие у ее подножия серые фигурки наших солдат, а выше по склону — отделение пулеметчиков, пытавшееся затащить наверх станковый пулемет. По всему было видно, что командование решило любой ценой удержать высоту, имевшую важное значение как для оборонявшихся, так и для наступавших.

Через некоторое время со стороны высоты затрещали пулеметы. Не заставили себя ждать и минометы. Бой за высоту снова разгорелся с тем упорством коротких боев, в которые яростно вступают обе стороны, неся большие потери.

С высоты доносились злобные взрывы мин, резкая трескотня пулеметов и свист пуль. Залегшие в окопах у села пехотинцы ждали сигнала к атаке.

Вокруг нас царило оживление. Неожиданно из соседних домов выскочили солдаты и перебежками через огороды и дворы направились к высоте. Это были резервные части, сохраняемые нашим командованием до решающего момента. Со стороны леса, левее села, поднялись первые ряды пехоты и с криком «ура» понеслись через поле.

Мы вылезли из кювета и пошли по направлению к высоте. Там, в конце села, шел тяжелый, кровопролитный бой. Вдруг откуда-то появился все тот же сержант. Как и тогда, лицо его было бледным, перекошенным от усталости и напряжения. Глаза горели каким-то особым блеском, выдававшим большую тревогу.

— Куда идете? — сердито закричал он.

Это мне показалось обидным, но я все же ему ответил:

— На передовую! — И указал рукой на край села, куда только что направились резервные части.

— Там сейчас немцы! — сказал он и насмешливо посмотрел на нас. — Куда это вы хотели пойти? К врагу?

— А высота?

— Немцы взяли ее опять.

Сержант посчитал эти объяснения достаточными и оставил нас в растерянности. Группа раненых собралась возле него, и он поторопился приступить к перевязкам.

Какой-то худощавый солдат в каске, раненный в плечо, прислонившись к ограде, зажимал рукой рану. Сквозь пальцы сочилась кровь. Лица солдата не было видно под каской. Сержант подошел прежде всего к нему.

— Санитары! — крикнул он. — Носилки!

Санитары положили раненого на носилки и понесли к перевязочному пункту. Продолжая зажимать рану рукой, солдат стонал и просил санитаров идти медленнее.

Сержант делал легкие перевязки и отправлял некоторых раненых самостоятельно добираться до села. У ограды остались только тяжелораненые, которых нужно было уносить на носилках.

Противник захватил вершину высоты и оттуда огнем поливал наши позиции. Возле нас все чаще свистели пули, ударяясь о каменную ограду и о мостовую, поднимая облачка пыли. Было опасно оставлять раненых на этом открытом месте. Напрасно сержант пытался им помочь, прежде чем их унесут. Мы предложили свои услуги, но он только махнул рукой и сказал сердито: «Не ваше дело!»

Мы оставили его с ранеными и втроем направились к лесу, где в уцелевшей избе размещался штаб полка. Нам предстояло еще выполнить поставленную задачу: написать статьи об одном из самых тяжелых боев, прошедших за последние несколько дней. Но вначале нужно было получить некоторые сведения от командира полка.

Когда мы миновали еще одну улицу, с восточной части села донесся глухой топот и какой-то тяжелый гул. Мы остановились. Что это? Мимо нас пронеслась советская конная артиллерия. Гремели колеса тяжелых орудий, копыта лошадей высекали искры из булыжников, звякали железные части лафетов. Высокий и стройный старший лейтенант летел сбоку на коне, отдавая короткие команды.

Батарея остановилась в конце села и заняли позицию по краю леса, перед высотой. Орудия были отцеплены, дула направлены в сторону противника, быстрые руки заряжающих поднесли снаряды. Командиры орудий, доложив о готовности, приковали свои взгляды к старшему лейтенанту, высоко поднявшему руку.

— К бою готовы, товарищ старший лейтенант, — доносились приглушенные голоса.

Последовала команда:

— Огонь! — Рука старшего лейтенанта резко опустилась вниз.

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь!..

Громыхнули орудия, задрожали длинные стальные стволы. Вздыбилась земля на высоте... Все вокруг слилось в сплошной грохот, наполнивший сердца солдат радостью и восхищением. Громкое «ура» понеслось к вершине высоты.

Неподалеку от нас я вновь увидел того же сержанта, но теперь на лице его не было прежней бледности и выражения усталости. Сейчас его небольшие глаза блестели чистым светом. Я подошел к нему и обрадованно сказал:

— Вовремя пришли, а?

— Да, они всегда вовремя приходят, — ответил он тоном хорошо знающего человека.

— Как только узнали, что у нас дела плохи?

Сержант недоуменно посмотрел на меня:

— Как «как»? Так они же наши соседи — И, указав на три орудия, продолжавшие посылать снаряд за снарядом по противнику, он пояснил: — Они из пятьдесят четвертого полка, справа от нас. Их командир — полковник Артюшенко... — И, не закончив, показал рукой. Этот жест, дополнивший незавершенную мысль сержанта, был в этот момент яснее всяких слов.

К нам медленно направлялся раненый советский артиллерист, крепкий, широкоскулый, с синими глазами.

смотревшими на нас скорее снисходительно, чем с болью и злостью. Он обеими руками держался за разодранный осколком мины подбородок.

— Эй, санитар, давай сюда! — позвал он и остановился.

Сержант подбежал к нему, схватил под руки и хотел было вести к перевязочному пункту, но советский солдат высвободился.

— Не надо! Я сам дойду. Дай мне ваты и беги помогать другим! — указал он рукой на одно из орудий.

Сержант дал ему бинт, марлю и вату и бросился туда, где действительно нуждались в его помощи тяжело раненные артиллеристы. Советский солдат зажал марлей и ватой челюсть и, громко ругаясь, медленно направился к селу. Сделав три шага, он остановился и крикнул вдогонку сержанту:

— Не обижайся, брат. Тебя ждут, а я могу и сам... У меня еще ничего... — И махнул рукой, как будто с ним действительно ничего не случилось.

Я долго смотрел ему вслед, удивленный и пораженный его твердостью.

Вскоре его крепкая фигура скрылась из глаз, но в душе своей я сохранил светлое воспоминание о событиях у высоты 1041, когда советские артиллеристы оказали неоценимую помощь нашим солдатам в один из самых трудных моментов боя.

СТЕРВЯТНИК

Каждый день в одно и то же время над позициями кружил небольшой разведывательный самолет «шторх». Жужжа, как рассерженная оса, он делал два-три круга над окопами и, скользнув на одно крыло, снижался почти до самой земли, строча из пулемета по неосторожно вышедшему из укрытия солдату, затем быстро улетал на запад.

Мы привыкли к этому, и частые посещения самолета не производили на нас никакого впечатления. Но однажды случилось так, что трое наших солдат вылезли из землянки как раз в тот момент, когда он пролетал над нами, и все трое упали, сраженные его пулями. Целый день до позднего вечера это событие служило предметом оживленных разговоров в ротах. Оно заставило нас задуматься,

Командир роты издал строгий приказ: никому не выходить из укрытий при появлении «шторха» и прекратить всякое движение в районе расположения части.

С этого дня, услышав приближающийся рокот мотора, мы укрывались там, где заставала нас опасность. Одни прыгали в неглубокий окоп и замирали, другие распластывались на влажной земле, а находившиеся в землянке оставались там.

Разведчик продолжал регулярно навещать нас. Это нервировало солдат, и они даже злились на командира за то, что он не предпринимает никаких мер. Все знали, что этот небольшой, с блестящими крыльями самолет, так свободно и беспрепятственно круживший над нами, производит разведку. Но что мы могли сделать? Был приказ без разрешения командира не стрелять, чтобы не обнаружить наших огневых точек.

Около полудня, услышав знакомое жужжание, мы с ребятами из моего отделения, если не были на посту или в другом каком наряде, заползали в землянку. Со всех сторон доносились крики:

— Стервятник! Стервятник!

И в то же мгновение все вокруг замирало.

Сидя на покрытой плащ-палаткой соломе, мы молча слушали рокот мотора и частые пулеметные очереди, ждали и спрашивали себя, до каких пор, в конце концов, это будет продолжаться. Нет, никто больше не хотел терпеть! Я видел по лицам моих товарищей, что каждый из них горит желанием покончить с этой постыдной игрой в прятки и вылезти наружу.

Вачо Дачев, один из наиболее пожилых солдат в отделении, худой и жилистый, с морщинистой кожей на лице и тонкой, обросшей густыми космами шеей, обыкновенно сидел у входа в землянку и от злости пощипывал конец своего длинного рыжего уса. Вачо был спокойным, рассудительным человеком, но и он не мог больше сдерживаться и часто вслух высказывал свое недовольство. А однажды даже попросил у командира разрешения обстрелять самолет из пулемета. Хотя Вачо и был очень хорошим стрелком, командир не согласился. С тех пор Вачо постоянно мучился мыслью, что этот нахальный «посетитель» долго еще будет нас беспокоить.

— Ах, разбойник! — процедил он сквозь зубы и раздавил жука, ползавшего у него по воротнику.— Ты

мне за это дорого заплатишь, подождите, вы еще увидите!..

— Кто? — удивленно повернулся я к нему, не поняв, о ком шла речь: о командире, о жуке или еще о ком-нибудь.

— Кто? — прищурил глаза Вачо. — Да он... стервятник!

Не вымолвив больше ни слова, он свернулся калачиком, затаил дыхание и стал вслушиваться в монотонное жужжание мотора и резкий стрекот пулемета.

Спустя несколько дней разведчик захватил нас врасплох. Он пронесся над двумя санитарами, несшими носилки с раненым, убил одного из них и ранил другого. Тогда командир рассвирепел и отменил свое распоряжение. Он вызвал меня и приказал занять отделением позицию и обстрелять разведчика из пулемета. В нашей части не было зенитных орудий, а все попытки сбить его из стрелкового оружия оказались напрасными. Это огорчило солдат отделения, но больше всех мучился Вачо Дачев, которого не раз в прошлом хвалили за меткую стрельбу. Выпустив безуспешно весь диск, он плевался и, не говоря ни слова, торопился уйти с глаз долой. Мы с ненавистью смотрели вслед удалявшемуся разведчику и, понурив голову, один за другим возвращались в землянку.

Однажды вечером мы лежали на соломе и под мигающий свет фонаря вели беседу о том, кто чем будет заниматься дома после окончания войны. Оживленные воспоминаниями, мы наперебой делились своими мыслями и чувствами, которые на протяжении стольких месяцев держали в душе, тая друг от друга. Все приняли участие во внезапно вспыхнувшем споре о том, когда кончится война. Только Вачо молча лежал на своем месте у входа, где обычно предпочитал устраиваться. Вдруг он пошевелился и, повернув голову ко мне, сказал:

— А все же я его свалю, разбойника!

Мы поняли, что эта мысль не оставляла его все это время.

Вачо оживился. Он сел, скрестив под собой ноги, и по его взгляду можно было понять, что этого обычно мрачного, молчаливого человека посетило вдохновение. Я с удивлением и восхищением увидел, как глаза его заблестели, как будто пламя фонаря вливало в них свет догорающего фитиля.

— Как же ты его собьешь? — спросил Манол, самый молодой солдат, лежавший в дальнем углу землянки.

— Как? — Небритые щеки Вачо растянула широкая, добродушная улыбка, открывшая мелкие, уже потерявшие блеск, но крепкие зубы. — А вот как!.. Вчера я ходил в село и заглянул в школу, навестил Рангела, моего земляка, которого стервятник ранил в руку.

— Санитара?

— Ну да, его! — кивнул головой Вачо и на мгновение замолк, так как мой вопрос прервал ход его мыслей.

— Ну и что? Рассказывай дальше!

Вачо нахмурился, посмотрел в темноту непроглядной мартовской ночи, опустившейся за землянкой, и продолжил уже совсем уверенно:

— Заглянул, говорю, в школу к Рангелу, а тот: «Ты, Вачо, хвастался, что собьешь самолет. Так как, сбил его или нет?» Так он сказал, а мне просто стыдно стало, и от стыда не знаю куда деваться. «Нет, — говорю, — еще не сбил, но скоро собью!» Рангел лежит и молчит. Молчу и я. Сижу, задумался, и вот, как сейчас, когда лежал и слушал вас, пришла в голову одна мысль. Хотел было ее вам сказать...

— Скажи, Вачо, скажи!

Солдаты вскочили и окружили его. А Вачо, гордый, что наконец придумал, как уничтожить проклятый «шторх», подкручивая усы и поглядывая на нас свысока, с едва скрываемой улыбкой пояснил:

— Да думаю свалить его... бумажным змеем...

— Как это змеем?

— А так, змеем! — И он опять усмехнулся, но на этот раз как-то смущенно и робко. — Есть там, в школе, большой бумажный змей, видел его в одной комнате. Спросил у Рангела, моего земляка, он поученей меня, для чего нужен этот змей, а он отвечает, что с помощью этого змея ребята изучали движение воздуха.

— Как это змеем можно изучать движение воздуха?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Вачо. — Значит, можно, раз учат. Я спросил Рангела, можно ли взять этого змея, он ответил, что можно.

— Так как же ты все устроишь? — вмешался Station, невысокий плотный парень, очень ловкий и шустрый. — Где это видано, чтобы бумажным змеем самолет сбивали?

Вачо ухмыльнулся:

— Молчи, раз не знаешь... Кто тебе сказал, что сбивать будем змеем?

— А чем же?

Вачо почесал затылок, помедлил и ответил:

— Пулеметом. А змея пустим как приманку. Фашист, конечно, не дурак, знает все эти хитрости, но стоит ему увидеть красного бумажного змея, он так разозлится, что пойдет прямо на него. А как подойдет поближе, мы его...

— А-а-а! — Все раскрыли рты от удивления, и Вачо увидел, как глаза у многих загорелись от нетерпения и любопытства.

— А попадешь в него? — спросил Станой, которому в этот момент уже хотелось быть на месте Вачо.

— Почему не попасть! — уверенным тоном ответил Вачо. — Установим пулемет, прицелимся...

— Ну разве что так! — кивнул головой Станой и похлопал его по плечу своей тяжелой рукой. — Умница ты, Вачо, большая умница!

Нам стало весело и радостно. Опять завязался разговор о возвращении после войны в села. Все так увлеклись, что вскоре забыли о воздушном змее, о Вачо, о «шторхе». Постепенно голоса затихали, и мы не заметили, как уснули.

Когда проснулись, Вачо в землянке не было. Все утро он где-то пропадал и вернулся только к обеду. Дежурные как раз разносили бачки с горячим супом. Мы позвали Вачо есть, но он отказался и занялся пулеметом. Вскоре мы увидели, как красный бумажный змей, привязанный ниткой к вбитому в землю колышку, начал быстро взмывать в чистое синее небо. Все понемногу потянулись к пулеметному гнезду, где Вачо, выпрямившись во весь рост, счастливо улыбаясь, смотрел на змея, поднимавшегося все выше и выше и уже едва различимого в вышине.

— Ого, высоко-то как! — удивился Манол. — Смотрите, и еще поднимается!..

— Сто метров, — важно сказал Вачо и отпустил сразу же натянувшуюся нитку. — Теперь установлю пулемет и... пожалуйте в гости!

Он задрал на треноге дуло пулемета почти вертикально, установил прицел, согнулся и лег. Было самое время появиться стервятнику. Мы тоже заняли свои места.

Не прошло и десяти минут, как со стороны леса, откуда начинались окопы нашей роты, донеслось знакомое тарахтенье. Взгляды наши впились в верхушки высоких тополей, торчащие в небесной синеве, как лезвия штыков.

Вдруг что-то блеснуло на солнце и на миг ослепило нас. Затем, посмотрев в ту сторону, мы увидели, что на нас, как большой стервятник, летел «шторх». Мерно гудел его мотор, блестело на солнце его стальное тело. Он приближался к нам, становился все больше и больше.

— Вот он, идет! — сказал с усмешкой Вачо и, затаив дух, стал следить за нахальным гостем.

— Внимание! — крикнул я. — Будешь стрелять, только когда он приблизится...

— Сам знаю, — ответил Вачо, не поворачивая головы. — Смотри, как сейчас прошью эту жестянку!

Все задрали голову, когда над нами пролетел и ушел в сторону «шторх». Но никто не ушел со своего места, потому что знали, что самолет скоро вернется. И действительно, примерно через две минуты «шторх» вновь направился к нашим позициям. Он лег на крыло, снизился и пролетел низко над окопами, прямо к похожему на красную точку змею. Предположение Вачо, что змей привлечет внимание пилота, оправдалось. «Шторх» направился к приманке и дал по ней очередь. Вачо поймал самолет в прицел и, когда «шторх» находился метрах в десяти от змея, нажал на спусковой крючок. Мы едва услышали заглушаемое шумом мотора «та-та-та-та», но в следующий миг увидели, как в передней части блестевшей на солнце стальной птицы вспыхнуло пламя, а затем появился дым. «Шторх», как бы замерев на мгновение-другое в воздухе, полетел вниз, к лесу. Длинный шлейф дыма тянулся за ним на фоне светлого неба, и по нему мы следили, куда устремился самолет. В следующий момент за лесом взвилось ярко-красное, как из вулкана, облако огня, донесся грохот сильного взрыва и над верхушками деревьев появилась туча густого черно-синего дыма, долго стоявшая там и развеявшаяся лишь к вечеру, когда с поля подул легкий ветерок.

ХРАБРЫЙ МУЖЧИНА

Собравшись за бокалом вина в одном из шумных столичных ресторанов, несколько старых фронтовых това-

рищей делились воспоминаниями о войне. Только самый старший из них, седой полковник запаса, молчал, облокотившись о стол и слушая с закрытыми глазами непрестанное жужжание голосов. Когда рассказы закончились, он неожиданно поднял голову и тихим, немного усталым голосом сказал:

— Слушаю ваши рассказы о сражениях и опасностях во время войны. Да, это было частым явлением, и не один наш товарищ нашел смерть от вражеской пули. Но война имеет и другую сторону, о которой до сих пор никто тут не говорил. Как всякое необычное событие в жизни человека, она скрывает тысячи неожиданностей. Хотите, я расскажу вам об одном случае?

Все обернулись к нему. На мгновение наступила тишина. Полковник был уважаемым человеком, и каждый решил, что то, о чем он расскажет, будет действительно очень интересным.

— Да, да... Расскажи! — отозвались с разных сторон. Не ожидая вторичного приглашения, старый фронтовой товарищ откашлялся, уселся поудобнее в кресле и оживленно начал:

— Вы знаете, что я был командиром специальной части. Нас мобилизовали немного позже других. В Софии задержались довольно долго, пока комплектовалась наша часть. Затем, в конце декабря, под самый Новый год, наша мотоколонна двинулась на фронт.

Через три дня одним зимним вечером мы остановились в венгерском городе Печ. Война здесь только что отшумела, и фронт отодвинулся далеко на запад, но в воздухе как будто носилось эхо орудийного грохота и чувствовался запах пороха. Атмосфера, как говорится, полностью соответствовала времени.

А что из себя представлял город Печ? Прошло всего несколько дней, как он едва очнулся от тяжелого сна. Жалкая картина! Человеку было тяжело смотреть на пустые улицы, занесенные снегом, разрушенные дома, груды кирпича, ямы, развороченные тротуары... Город был немноголюден, кое-где спешили наши солдаты или запоздавшие прохожие. Было холодно и страшно. Город замерзал в этот морозный вечер, голодал и дрожал от страха, ожидая конца своих мучений.

От длительного и тяжелого пути я устал, но нужно было прежде всего разместить людей. Кое-как я разме-

стил всех, и ни один солдат не остался без крова. Знаете, венгры оказались добрыми, гостеприимными людьми, и мы недолго плутали по улицам. Наконец, оставшись только вдвоем с шофером, который вместе со мной бегал от дома к дому, мы с удивлением поняли, что одни оказались без крова.

Что делать? Как избавиться от этой беды? Залезли в машину в надежде укрыться от мороза. Но ветер был таким сильным, что проникал внутрь машины.

— Эх, чайку бы горячего! — со вздохом сказал шофер, кутаясь в свою шубу.

— Давай в офицерскую столовую! Там найдем не только чай, но и местечко... Поехали! — предложил я.

После долгого блуждания по темным улицам мы остановились перед каким-то мрачным зданием. Быстро поднялись по лестнице и вошли в большой зал, освещенный одной лампой и заставленный столами. В зале были повар, два его помощника, наши ребята и одна официантка-австрийка.

Встретили нас не очень любезно.

— Квартиру? Хм, сложное дело! — пожал плечами повар. — Может, госпожа что-нибудь имеет в виду?..

С помощью нескольких немецких слов, которые знал еще со школы, мы с официанткой кое-как поняли друг друга. Она долгое время была в плену у гитлеровцев и поэтому со страхом встречала каждого незнакомого человека. Осмотрев меня как-то особенно пристально, словно оценивая, что за человек перед ней, она немного смягчилась, и разговор закончился совсем благополучно.

— Идемте, — пригласила она меня любезно, — у меня всего одна комната, но достаточно большая, надеюсь, поместимся втроем..

Я поблагодарил ее за гостеприимство. Мы вышли из столовой и в темноте отправились на ее квартиру. По пути обменялись еще несколькими словами, и я узнал все, что мне было нужно.

Ее звали Ирен, прежде она работала учительницей немецкого языка в одной венгерской школе. Благодаря прогрессивным взглядам ее приняли на работу в офицерскую столовую. Еще там я успел рассмотреть ее и увидел, что она хорошенькая, хотя и не совсем молодая. Ей было за тридцать, но выглядела она значительно моложе.

В том, что она действительно хорошенькая, я убедился вторично, когда мы оказались в ее большой и светлой комнате, хорошо убранной и чистой.

Высокая, стройная, с тяжелой копной каштановых волос, обрамлявших худое, немного подурневшее, но все еще привлекательное лицо, Ирен произвела на нас обоих большое впечатление. Илия, шофер, задержал на ней взгляд несколько дольше, чем следовало.

Она затопила печку, и комната быстро нагрелась. Стало жарко, и мы сняли не только шинели, но и куртки. Оставшись в рубашках, мы расположились на кушетке так свободно, будто были у себя дома.

Ирен собрала поесть. Достала из шкафчика все, что имела: кусочек ветчины, брынзу, баночку сардин, немного хлеба. Все это она получила от заведующего за свою работу. Паек, который она получала по карточкам, был совсем маленьким. А этого вполне хватало. Мы прибавили и свои продукты, которые имелись в наших вещмешках.

После ужина напились чаю, поболтали о том о сем, а когда пришло время ложиться спать, шофер сказал мне:

— Вы спите здесь, — он показал на кушетку в углу, — а я пойду в коридор, там я тоже видел кровать. Костюм на мне кожаный, так что меня не продует, не замерзну. Понимаете, как-то неудобно втроем в одной комнате...

— Хорошо, — кивнул я в знак согласия, — в конце концов мне все равно!

Илия вышел и больше не вернулся.

Мы остались с Ирен одни. Женщина ничем не выдавала своего волнения по поводу того, что ей придется ночевать в одной комнате с незнакомым мужчиной.

Не волновался и я. Я сильно устал и хотел спать. Действительно, не все ли равно? Что может случиться за ночь? Сегодня я здесь, а завтра кто знает где буду...

От усталости слипались глаза, но я, чтобы не казаться неучтивым, поддерживал разговор, кратко отвечал на ее вопросы. Она интересовалась всем: и нашей маленькой Болгарией, и боями нашей армии, и мной. Я рассказал ей все, что мог. Она слушала меня очень внимательно...

— И вы тоже участвовали в боях? — спросила она после того, как я ей рассказал об одном тяжелом сражении в Югославии.

— Участвовал, — ответил я скромно.

— О, вы храбрый мужчина! — удивленно воскликнула она, и это доставило мне большое удовольствие.

Ирена смотрела на меня своими темными глазами с восхищением и как-то особенно преданно. Я почувствовал, что она пытается взглядом проникнуть в мою душу и понять, какие чувства наполняют меня.

Я был грязен: два дня не мылся. Лицо обросло густой щетиной и выглядело, конечно, ужасно. Был я молодым и, как говорится, в расцвете сил, но вид у меня тогда был далеко не привлекательный, а Ирен смотрела на меня так, как будто я для нее был самым желанным мужчиной на свете. Это смущало меня, и я чувствовал себя неловко. Какие неожиданности готовит человеку судьба! Я был совсем чужим этой женщине: только что познакомились — и вот сейчас предстоит провести ночь с ней в одной комнате. «Будь что будет», — подумал я и собрался ложиться спать.

Она мне подала воды умыться. Я увидел, как выражение ее лица изменилось, когда я смыл грязь с лица и причесался. Воспользовавшись тем, что Ирен вышла на минуту, я юркнул в постель.

Она скоро вернулась. Я прикинулся спящим. Не гася лампу, Ирен быстро разделась и направилась в угол, где была ее постель. Надела розовую ночную рубашку, посмотрела в мою сторону и со вздохом легла. Мне не хотелось, чтобы она поняла, что я не сплю и наблюдаю за ней.

Несколько минут прошли в молчании. Поняв, что я не сплю, Ирен спросила:

— Не спите?

— Не сплю.

И мы снова завели разговор. Она из одного конца комнаты, я — из другого.

Есть над чем посмеяться! Представьте себе — лежим оба в теплой комнате, потонувшей во мраке, который время от времени нарушается вспышками пламени в топящейся печке, и разговариваем.

Незаметно я уснул. Может, это показалось ей неучтивым, но, как я уже говорил, я так хотел спать, что до сих пор удивляюсь, как не заснул раньше. Что она делала и как себя вела, не знаю и не могу сказать. Но в какой-то момент я почувствовал, что на мне поправляют одеяло. Очевидно, во сне я раскрылся и, наверное, замерз. От-

крыв глаза, я увидел склонившуюся надо мной Ирен и понял, что это она меня укрывала. Какая трогательная забота! В следующий момент я повернулся к ней спиной, закрыл глаза и, засыпая, едва слышно прошептал:

— Данке шен!

Больше ничего не помню.

Утром проснулся поздно. Ирен в комнате не было. Печка была натоплена, завтрак приготовлен, стол накрыт. На столе я нашел записку. Прочитал и сделал так, как она просила: оставил ключ в условленном месте. Затем пошел туда, где стояли наши машины и где меня ждали товарищи. Собрал всех, отдал последние распоряжения, мы сели по машинам и поехали дальше.

С Ирен я встретился еще раз, но теперь я уже не был для нее тем храбрым мужчиной, за которого она меня приняла. Мы обменялись несколькими любезностями, и она ушла. Позже я узнал, что она подружилась с моим шофером. Он был здоровяком и, наверное, оказался для нее истинно храбрым мужчиной. Помню, что, возвращаясь после войны, мы проходили через город Печ. Ирен нашла нас, вручила шоферу подарок, а мне кивнула головой, слегка улыбнувшись.

Вот и все, о чем я хотел вам рассказать.

БЕССМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Солдат лежал на мягкой траве, чуть повернувшись на бок и еще стискивая винтовку в правой руке. Казалось, он заснул или только слегка задремал, как дремлют солдаты на привале во время похода. Но он не спал и не дремал, он умирал. Солдат истекал кровью, и тело его постепенно остывало. Его сознание или, точнее, какой-то участок в глубине сознания продолжал бодрствовать и сохранял способность мыслить и рассуждать. Боли он не чувствовал, но тяжелая мука, что-то вроде раскаяния и жалости к себе, стискивала грудь и сдавливала горло. Он понимал, что умирает, и это еще больше усиливало его мучения. В помутившемся сознании одна за другой возникали тревожные мысли. Он прожил двадцать четыре года, но был ли доволен своей жизнью? Что он сделал, чтобы понять смысл своего существования? Не напрасно ли прошли прожитые им годы? И что он дал людям? Эти

вопросы мучили его и не давали покоя, заставляли страдать больше, чем может страдать тяжело раненный в грудь человек, оставшийся на поле боя без помощи, наедине с собой, окруженный молчанием, тишиной и мертвящей неподвижностью. Он лежал, обратив взгляд к ясному светло-голубому небу, пронизанному солнечным светом, и ни от кого ничего не ожидал. Внезапно, в силу каких-то неведомых причин бытия, его сознание прояснилось, и в памяти начали быстро возникать различные картины прошлого. В этот миг ему показалось, что все это не сон и не галлюцинации, а явь.

Он вспомнил раннее детство и увидел маленькую комнату, загроможденную старой, облезлой мебелью. Шкаф с посудой, стоящую в углу печь, стол с двумя грязными тарелками и кусками хлеба, кровать с набросанными на нее одеялами, картины на стенах, старые часы с блестящим деревянным футляром и ржавой цепью. Увидел все это и сразу понял, что жив еще и что это очень хорошо, когда человек дышит, смотрит, слушает, думает и рассуждает. Тогда ему, должно быть, было три или три с половиной года, потому что он еще не мог свободно говорить и до этого момента не знал многого, с чем была связана его жизнь. В комнате было сумрачно и тепло, пахло мылом и выстиранным бельем, а из темного угла доносились какие-то звуки. Это мышь грызла что-то в сундуке. Он был один и не знал, что такое страх, но незаметно им овладело неизведанное чувство неуверенности и волнения, как будто все, что его окружало, наполнилось глубокой таинственностью и излучало тревожные, предупредительные сигналы. Он вдруг понял, что помощи ему ждать не от кого, и затрясся от громкого, неудержимого плача. Позже, когда он услышал чей-то голос и встал с постели, он увидел, что дверь открылась и вошла женщина. И первое, что бросилось ему в глаза, было ее худое лицо с грустным, озабоченным взглядом. Не понимая и не сознавая, что делает, он протянул к ней руки и с особенной радостью произнес одно-единственное слово: «Мама!» Маленькая, худенькая, подвижная женщина потянулась к нему, и по ее протянутым рукам с грубой, потрескавшейся кожей и обломанными ногтями он понял, что она его очень, очень любит, потому что сразу обняла, поцеловала в щеки, прижала к груди и подошла с ним к окну. О, он и сейчас помнит, каким нежным, ласковым голосом

говорила она, какими удивительно прекрасными были ее глаза, милая улыбка, выражение лица, взгляд. С той же невероятной силой, запечатлевшей все это в его памяти, он запомнил и то, что на улице в то время грело солнце и что там начиналась жизнь.

Солдат попытался пошевелить левой, свободной рукой, но безуспешно, силы совершенно покинули его. Из груди вырвался едва уловимый стон, как вздох безмерно страдающего человека. Он не ощущал никакой боли, хотя рана его горела. Очевидно, организм находился в таком состоянии, когда нервы уже потеряли способность принимать и передавать раздражения. Скорее, он испытывал жажду или, точнее, что-то наподобие жажды, потому что его сухой и распухший язык был неподвижен и стоило неимоверных усилий пошевелить им. Кто знает почему, но ему казалось, что он говорит и что слова получаются ясными и связными, как при разговоре. Напрасно прошла его жизнь! Почему вовремя не понял этого и не увидел пути, по которому нужно было пойти, чтобы быть счастливым? Разве нельзя было понять бессмысленность своего жалкого существования и напрячь силы, чтобы вырваться из этой серой, никчемной и глупой жизни? Нет, это не была жизнь. Он влачил жалкое существование день за днем, месяц за месяцем, год за годом! Но он мог, мог порвать со всем этим и сейчас не мучался бы и не терзался... Все-таки жалко, что приходится умирать. Но что делать? Путь, который однажды проходит человек, не повторяется, и конец его теряется где-то в вечности. И сейчас ему ничего больше не оставалось, как лежать и ждать своего конца. Он лежал и смотрел холодными, стекленеющими глазами в небо, это вечное и неповторимое небо, которое когда-то впервые увидел сквозь окно над крышами высоких серых домов, смотрел на него и думал, что нет на свете ничего прекраснее. Белое облачко, как и тогда, в детстве, когда он смотрел на улицу, плыло прямо над ним и почему-то напоминало ему взбитую подушку, которую потом мать положила ему под голову, чтобы ему было мягко лежать. Было что-то несказанно красивое в этом облачке, и в небе, и в той тишине и покое, которые обволакивали его со всех сторон, как в той маленькой комнате со старой, облезлой мебелью. Он еще не умер, и прошлое все еще напоминало ему о себе.

...Улица, на которой жили, была узкой, длинной и

темной, как туннель. Днем она была шумной от народа, а ночью допоздна слышалось пение пьяных, крики и визг проституток. Только вечером, пока хозяева магазинов еще не опустили жалюзи на витринах, на улице становилось как-то весело и приятно от освещенных витрин и кое-где мигающих ламп. Сколько раз он останавливался перед стеклами витрин, чтобы жадным взглядом впиться в выставленные там товары, когда был школьником. Чего только там не было: и шоколад в станиолевой обертке с пестрыми этикетками, и инжир, и конфеты, и халва, которые манили его, как в сказке. Отец его был бедным, очень бедным, он часто по три месяца не мог уплатить за квартиру и, конечно, не мог купить ничего из прекрасных вещей, выставленных на витринах. Кроме того, отец был болен и каждый вечер возвращался из конторы, где работал экспедитором, подавленным и обессилевшим. Мука и отчаяние отражались на его бледном лице с большими, горящими, как у безумца, глазами. И если бы не мать, которая каждый день ходила стирать белье и убирать чужие квартиры, неизвестно, как сложилась бы их жизнь. Однажды отец вернулся пьяным. Его привели двое приятелей. Он был худым и беспомощным, и они тащили его по грязной и темной деревянной лестнице, которая жалобно скрипела. Не было ничего мрачнее входа в их дом! Это был не вход, а дыра с ободранными стенами, с бесконечным количеством окон и лестниц, как на базаре. Двор был маленьким, почти прямоугольным, грязным и вонючим, с помойной ямой в центре, в которую стекала дождевая вода и сливались все нечистоты четырехэтажного дома, окружавшего двор, как стена средневековой крепости, с мрачным, серым фасадом, с обвалившейся штукатуркой, разбитыми стеклами и ободранными оконными рамами. Какое количество самых жалких съемщиков населяло этот дом, было неизвестно, но если судить по ветхому, застиранному белью, развешанному на балконах, этот дом населяло немало людей. В любое время суток здесь слышались шум, топот, песни и смех, а иногда ругань и плач. Все в этом дворе и этом доме было ужасным. Но самой ужасной была ведущая в их квартиру лестница, после которой нужно было пройти по коридору, такому тесному, что всегда казалось, что вот-вот столкнешься с кем-нибудь из подгулявших жильцов. По этому коридору приволокли отца и бросили на кровать

двое запыхавшихся от усталости мужчин. Они присели на связанные проволокой стулья, которые мать поспешила им пододвинуть, посидели немного, поговорили с матерью, посоветовали ей расстегнуть отцу воротник, чтобы ему не было душно, дать ему что-нибудь попить, чтобы он немного протрезвел, и ушли. Мать поахала, раздела отца, положила удобнее на кровать и, не говоря ни слова, опять принялась за свою работу. На другой день отец встал поздно, с головной болью, и по выражению его лица было видно, что он страдает, что ему стыдно перед матерью. Редкие русые усы и растрепанные волосы, прилипшие к темени, придавали ему вид отчаявшегося человека. Мать даже жестом не выразила своего недовольства. Она помогла ему умыться и почистить одежду, проводила его до двери, пожелав хорошей работы. Три дня отец не брал в рот ни капли спиртного, но на четвертый день опять вернулся пьяным, и так продолжалось до тех пор, пока его не свалила болезнь, от которой он очень скоро умер. Они остались вдвоем с матерью. Мальчик продолжал ходить в школу, а она все так же стирала белье и убиралась в чужих домах. Позже он поступил в среднюю школу, учился и успешно переходил из класса в класс. В выпускном классе он познакомился с девушкой — дочерью бедного сапожника. Они встречались каждый вечер перед входом в маленький квартальный кинотеатр и шли гулять в сквер или на берег реки, где их никто не знал. После окончания средней школы он начал работать в конторе одного адвоката, а она — в швейной мастерской, но их встречи не прекратились. И сколько нежного трепета и волнений пережили они на этой тесной, длинной и темной, как туннель, улице, по которой возвращались с прогулок, взявшись за руки. И сколькими нежными улыбками и взглядами обменялись они украдкой, когда были не одни, и сколько было поцелуев тайком у этих мрачных стен! Так было и зимой, в самые холода, и летом, в самую жару, когда из помойной ямы несло невыносимым смрадом...

В один такой жаркий, душный августовский вечер, в тот момент когда они, обнявшись, шептали друг другу нежные слова, со стороны улицы послышались шаги. Они обернулись и увидели молодого человека в рубашке, без головного убора. Он вбежал внутрь двора и, обнаружив, что нет другого выхода, вернулся к ним под арку. Они

встретили его испуганный, моливший о помощи взгляд. Но ни он, ни она не помогли ему и даже жестом не указали на дверь, где можно было укрыться. Оглядевшись, молодой человек в отчаянии вновь бросился бежать по улице. Раздался свисток, затем грохнул выстрел, и молодой человек рухнул на мостовую. Собрался народ, прибежали полицейские, разогнали людей и никому не позволили приблизиться к убитому. Так и пролежал он там, окровавленный, с разбитой головой, до утра, пока не приехала автомашина и не увезла его. Говорили, что убитый был коммунистом, и все, кто случайно оказался около этого места, рассказывали, как его преследовала полиция.

Всю эту ночь, как и многие другие ночи, до самого последнего момента, он не мог простить себе того, что испугался и не помог скрыться от преследователей тому парню. Он не спал и не ел от обиды и стыда, от отвращения к самому себе, он даже перестал встречаться с девушкой. Да и она не хотела его видеть. Неужели он действительно заслужил такое презрение? Боже милостивый, какая незавидная участь — чувствовать себя виновным и не иметь возможности избавиться от угрызений совести, хотя тогда он от неожиданности был напуган и не в состоянии был владеть собой, соображать и рассуждать! Поэтому ночами его мучили кошмары, и всегда перед глазами возникало тело молодого человека, распростертое на мостовой, с разбитой и окровавленной головой. Когда утром он посмотрел в окно, то увидел, что кровь, разлившись между плитами мостовой, образовала большое темное пятно..

Это пятно как будто и сейчас стояло перед его глазами, увеличиваясь и делаясь таким большим, что все вокруг становилось темным. И тогда солдат понял, что прямо над ним прошло облако и тень его закрыла то место, где он лежал. Ему стало холодно, и он начал дрожать. Ему чудились какие-то голоса и рев. Нет, это не рев, а какое-то невнятное бормотание. Где-то совсем близко стреляет пушка, и от этого шумит в ушах. Что? Неужели опять начался бой? И ему стало невыносимо тяжело от того, что он не может вскочить и броситься вместе со всеми в начавшуюся атаку. Он даже не знает, сколько времени лежит так. Ему непонятно, почему он находится вне времени и почему все, что происходит вокруг него, совершается независимо от его сознания и вопреки его

воле. Но в груди его все еще что-то бьется, хотя и медленно, едва уловимо, а во взгляде открытых глаз чуть теплится огонек. Этот огонек дрожит и гаснет, как колеблется и гаснет огонек догорающей свечи, задуваемый ветром, но он все еще теплится, огонек его жизни. Что бьется? Что это бьется? Сердце, несчастное человеческое сердце, жадное до жизни! И улыбка легкой иронии и сострадания к самому себе чуть не появилась на его бледных, бескровных, посиневших губах. Ему показалось, что он усмехнулся, но губы его оставались неподвижными, а лицо было бледным той восковой бледностью, которая бывает у мертвецов. Но что это, что ползет по его глазу и бьет по нему крыльями? Он напрягает сознание и не зрением, а больше чувством понимает, что это муха, большая зеленая муха. Она сильно бьет крыльями и жужжит. Отвратительная муха! Он делает усилие и пытается поднять руку, чтобы ее прогнать, но рука остается неподвижной. Внезапно его охватывает ужас. Муха? Что это значит? О, милая мамочка! Раз муха уже села ему на глаз, значит, он умер, а если еще не умер, то скоро умрет. Всего несколько минут назад он был живым, краснощеким, с обросшим густой русой бородой лицом, потому что не брился два дня: вчера утром их подняли в атаку и они целый день и целую ночь преследовали противника. Одни его товарищи падали убитыми, другие ранеными, а он все шел и шел вперед. Около него грохотали снаряды, рвались мины, свистели пули. Но он как будто ничего не слышал и не видел. Бежал, задыхаясь, ложился, стрелял, и опять вставал, и опять бежал. Это было что-то удивительное! Он знал, что если он не убьет, то убьют его, и потому стрелял и убивал. Но вот пуля свалила и его. Убит он или только ранен? Нет никакого сомнения, что он умирает и скоро превратится в безжизненный труп... В этот момент до него донесся крик «ура», и сознание возвратило его на несколько месяцев назад, когда он однажды утром проснулся от каких-то криков и подошел к окну, чтобы посмотреть на улицу.

...Было еще очень рано, но улицу заполнила оживленная толпа, двигавшаяся к центру города. Слышались крики, звучали песни, развевались красные знамена. Он протер глаза. Не сон ли это? Нет, это был не сон, а действительная картина, видимая из окна их комнаты. Встала и мать, тоже взволнованная, как и он. Оба оделись

и вышли на улицу. И тогда узнали, что народ поднялся с оружием в руках и, свергнув власть буржуазии, совершил революцию. Он вспомнил об убитом молодом человеке, тело которого пролежало целую ночь на мостовой, и ему стало тяжело. Несколько минут он стоял на тротуаре с закрытыми глазами около матери, накрывшейся шалью, но кто-то потянул их в ряды идущих, и они двинулись вместе со всеми к площади. А там речи, лозунги и... знамена, знамена, знамена! Три дня и три ночи по улицам ходили взволнованные люди, празднуя победу, затем успокоились, и каждый занялся своим делом. Он снова пошел в контору адвоката, а мать взялась за уборку и стирку в чужих домах. У молодого чиновника забот не уменьшилось, наоборот — их стало больше. Он каждое утро вставал и отправлялся в контору, где зарывался в пыльные папки. Но через два дня сердце его чуть не разорвалось от волнения. Он стремительно выскочил на улицу. В тот день все шли встречать Красную Армию. И снова радостные крики и песни, снова ликующие толпы народа и знамена. Так продолжалось всего один день, а на другой день он получил повестку явиться в полк. Он пошел в казарму, надел обмундирование, принял положенное ему оружие и сразу почувствовал себя одним из тысяч бойцов новой армии. Потом они погрузились в специальный поезд и поехали. Ниш, Страцин, Бела Паланка... Пересекли Югославию и прибыли сюда, в Венгрию, где провели зиму в землянках на берегу Дравы. И когда пришла весна, сошел лед, они перешли реку и началось долгожданное наступление. Вчера их снова подняли в атаку, и вот сейчас он лежит здесь и не знает, сколько ему еще осталось жить. Его мучила одна мысль: «Как же допустили, что убили человека? И почему я вовремя не осознал, что нужно пойти его путем, а жил пустой, бессмысленной жизнью? Кому нужна сейчас моя жизнь?» И, умирая, он чувствовал большую вину перед самим собой за то, что не служил людям так, как служил тот убитый полицейскими молодой человек, и ему становилось еще тягостнее и мучительнее. С каждой минутой страдания его усиливались и память ослабевала. Он все больше терял рассудок, сознание мутнело.

Голова была тяжелой, будто налитой свинцом, и он не мог ее поднять. Вслушивался в знакомый шум боя с замирающим, едва бьющимся сердцем и ждал. Он понимал,

что это очень трудно, но все-таки не терял надежды на то, что кто-то пройдет близко и заметит его. И всем своим существом чувствовал, как его обволакивает большая, неизмеримая радость. Попытаться крикнуть? Но с губ его не слетело ни звука, и он продолжал лежать неподвижный и бездыханный. В этот момент недалеко от него послышался топот, как будто бежали десятки, сотни людей, и этот топот эхом отозвался в его ушах. В нескольких шагах от него кто-то остановился и, помолчав минуту, сказал громко на звучном русском языке:

— Смотрите, смотрите, вот лежит солдат. Он как будто заснул и сейчас проснется!

Невидимые люди приблизились к нему, и кто-то склонился над ним.

— Молодец! Какая красивая смерть... — Это сказал советский генерал, командир соседней армии.

«Красивая смерть!» Бывает ли на самом деле красивая смерть? Он невольно сделал попытку скептически усмехнуться на эти слова, но губы его даже не дрогнули. В это время чья-то рука нащупала его пульс. Человек, который наклонился над ним, выпрямился и ясно сказал:

— Умер, товарищ генерал.

Человек сказал это тихо, но солдату показалось, что он прокричал эти слова.

— Не может быть! — отозвался генерал. — Смотри, как лежит, как будто отдыхает... И глаза открыты...

— Они всегда так умирают... с открытыми глазами, а потом... — Тихий голос, который прозвучал для него так громко, умолк.

— Поднимите его и отнесите! — приказал генерал.

Люди быстро отошли, а на их место пришли другие.

Кто-то громко крикнул:

— Эй, санитары, идите сюда и возьмите этого солдата!

Он не видел, но почувствовал, что к чему приближаются двое, что они взяли его за плечи и за ноги, положили на носилки, а потом куда-то понесли. От качки и тряски кровь хлынула у него изо рта, и он погрузился в глубокий, непроглядный мрак.

Санитары спешили. Они думали, что если принесут его быстрее, то сумеют ему помочь. Через десять минут они действительно принесли его и сразу положили на операционный стол. По их лицам стекал пот, руки и ноги дрожали от усталости и напряжения. И оба смотрели на

спокойное, освободившееся от муки и страданий лицо солдата и думали, что спасли еще одну человеческую жизнь. Но солдат умер.

ЗНАЧОК

Иногда воспоминания возникают неожиданно из самой глубины прошлого.

...И сейчас, когда я сижу за письменным столом и держу значок, который мои нетерпеливые пальцы нежно гладят, воспоминания уводят меня в то недалекое прошлое, когда случай свел нас в одном окопе. Говорю «случай», но это был не случай, а тяжелый пулемет противника, который несколькими короткими очередями разбросал наше отделение и втиснул нас, как пылинок, во что-то похожее на окоп.

Мы сразу же уткнулись вниз головами. Сердце мое билось неудержимо, рвалось в груди, как будто его кто-то подгонял...

Огляделся. Нас было четверо, и все из одного отделения: Марин Славов, которого называли Сусликом, Петр Димитров, с большой круглой головой, Велко Николов, маленький, согнутый человечек, о котором ничего больше нельзя было сказать, и я — командир отделения.

Марин Славов лежал около меня, и, когда смотрел на меня своими серыми, как будто посыпанными пеплом, глазами, веки его начинали мигать, выдавая желание что-то сказать. Но что, он и сам не знал. Язык у него, как говорится, был крепко привязан. И мне его было всегда жалко, когда он пытался заговорить.

Голова Петра Димитрова была завязана пропитанной кровью грязной тряпкой. Он согнулся на дне ямы, обхватил голову широкими ладонями и тихонько всхлипывал. Я смотрел на него и удивлялся его хныканью, потому что он был легко ранен два дня назад и сейчас от его раны совсем ничего не осталось. А он все жаловался и не снимал бинт, который испачкал до невозможности.

Что можно было сказать о Велко Николове? Ничего или очень мало. Велко — человек без выдающихся качеств. Он это знает и сейчас сидит спокойно и тихо смотрит бесцветными глазами перед собой с каким-то безразличием. Нет на свете ничего более страшного, чем то, что о человеке ничего нельзя сказать!

Но я... я... что? Нужно было что-то сделать, чтобы успокоиться. Я был командиром отделения и знал, что трое моих друзей верили мне и рассчитывали на мои способности. Разве неизвестно, что в минуты крайней опасности человек слепо верит в то, от чего ждет помощи и спасения!

Подавив страх и преодолев волнение, я подполз к краю окопа в надежде разобраться, в каком положении мы находимся. На военном языке это означает «разведать расположение противника». Но мне в это время было не до военных терминов, которые я с таким старанием зубрил когда-то в военном училище в Тырново. Я просто хотел узнать, есть ли какой-нибудь шанс выбраться отсюда или придется оставаться здесь до подхода помощи или до... О плохом не хотелось думать. Это было так ужасно и нелепо! Попасть в плен к гитлеровцам... О, нет ничего более позорного для солдата, чем плен! Лучше смерть, честная и героическая. Но что можем сделать мы, четыре бойца с тремя винтовками и одним автоматом? Сколько у нас патронов? Я пощупал патронташ на поясе и с ужасом обнаружил всего два автоматных магазина. Ну ничего, два и в автомате еще один, — значит, всего три. А три магазина с патронами — это уже немало, если их разумно использовать!

Сказал, что подполз к краю окопа. Да! Подполз, но не мог поднять голову. Что можно сделать, если гитлеровский пулемет, скрытый в кустах на опушке березовой рощи, не позволял и пальца высунуть.

Спустился опять в яму к своим товарищам и почувствовал, как их взгляды впились в мое лицо. Я не спешил отвечать. Ждал удобного случая. По опыту знал, что правду нужно говорить прямо в глаза. Но у меня не было сил сделать это. Сел внизу, прислонился к стене ямы, устроился поудобнее.

— Ну как, ребята? — сказал наконец, пытаясь придать бодрый тон своему голосу. — Гитлеровцы поймали нас, как мышей!

Все трое молчали и с укором смотрели на меня, как будто только от меня зависело их избавление. Посмотрел на Марина Славова. Какие глаза, какой взгляд! Чтобы не выдать своего волнения, спросил:

— Сколько патронов у тебя, Суслик?

Марин вздрогнул. Этот неожиданный вопрос как будто разбудил его.

— Пятнадцать в патронташе и три в магазине, всего восемнадцать.

— А у тебя, Петро?

— Подожди, товарищ сержант, посмотрю. — Дрожащими пальцами он перерыл свой патронташ. — Две обоймы. Значит, всего десять.

— А в винтовке?

— Пустая.

— Почему пустая? Заряди!

Бормоча себе под нос, что в разгар боя он в направлении пулемета выстрелил все пять патронов, а потом в суматохе при бегстве забыл зарядить, Петр Димитров начал заряжать винтовку. Я не обратил никакого внимания на его объяснение и строго сказал:

— Солдат с незаряженной винтовкой перед лицом врага — наполовину предатель своей Родины!

Я был очень строг, а мой голос звучал резко и зло, и лица всех трех побледнели. Понял, что перегнул, и поспешил смягчить впечатление:

— Ты, Николов, что скажешь?

— У меня всего девять патронов, — ответил он равнодушно, продолжая смотреть куда-то поверх моей головы, как будто это его не касалось.

— Восемнадцать и десять — двадцать восемь. И еще девять — тридцать семь... И у меня два магазина по семьдесят, будет сто сорок, и не менее двадцати в диске автомата — всего сто девяносто семь... Значит, товарищи, имеем сто девяносто семь патронов!

— Мало, — сказал со вздохом Димитров.

— Достаточно, чтобы продержаться до наступления ночи, пока наши не пришлют подмогу!

— А если... товарищ сержант... не смогут?

Посмотрел на задавшего вопрос. Это был Марин Славов. Он встретил мой взгляд, вероятно, прочел в нем укор и опустил голову.

— Если не сумеют, — проговорил я медленно, внушительным тоном, — если не сумеют, нам не остается ничего другого, как помочь самим себе...

— Как?

Взгляды Марина и Петра впились в меня.

— Попробуем выбраться. Это будет, товарищи, в худ-

шем случае, когда наше положение станет критическим. Я скажу когда. А сейчас, товарищи, как командир, приказываю...

Так я начал входить в роль командира. У меня был план, и пришло время рассказать о нем. Два товарища слушали меня внимательно, жадно впитывая каждое слово. Только третий, Николов, как будто отсутствовал. Он все еще смотрел поверх моей головы, в какое-то неопределенное место, словно наша судьба его совсем не интересовала.

Я проследил за его взглядом. На самом деле, куда он смотрит?

Высоко над нами синело небо, чистое небо Словении. Мелкие белые облачка плыли у горизонта. Это небо и эти облака привлекли внимание парня. Думал ли он о чем-нибудь или мечтал? Может быть, и то и другое...

Стоял конец марта. Только что закончились тяжелые двухнедельные бои с гитлеровцами после переправы через реку. Они были отброшены, и наши части заняли исходные позиции по берегу Дравы. Но с врагом еще не было покончено!

На небольшом клочке земли около Дравы фашисты удержались. На военном языке это означало «противник еще удерживает плацдарм». Значит, нужно было «ликвидировать плацдарм». Только тогда армия сможет быть спокойной и гарантированной от того, что противник не совершит какой-нибудь ночью коварного нападения, как это произошло в ночь на 7 марта...

Нашему взводу выпало «ликвидировать плацдарм». Это была перепаханная снарядами и бомбами узкая полоска земли вдоль берега Дравы, за которую мы два дня вели бой. Когда командир взвода дал команду в атаку и взвод поднялся, его встретил град пуль, мин и снарядов.

Мы не сумели добраться до опушки леса, потому что слева из кустов крупнокалиберный пулемет встретил нас ураганным огнем и загнал в яму...

И вот мы сидим, прижавшись друг к другу, и оглядываемся. Когда придет помощь? И придет ли она вообще?

Мы были одни, совсем одни в этой изрытой бомбами яме, которая может стать нашей общей могилой. С глухим треском около нас рвались мины, свистели пули. Эх, черт возьми, здорово мы попались в эту западню!

Я знал, что слева, на лугу, где вчера шел большой бой, находятся части югославских войск. Это я слышал от поручика, хотя сам не видел ни одного югославского солдата. Как связаться с ними? Где остались наши?

Мне удалось скрыть беспокойство, и это ободряюще подействовало на товарищей. Петр Димитров успокоился и приобрел вид настоящего солдата. Да он и не был трусливым человеком! Но иногда на войне человек теряет самообладание, особенно когда получает какую-нибудь царапину на голове. Сейчас он подполз ко мне и рассматривал своими большими блестящими глазами опушку лесочка. Подошли и остальные.

Мы осмотрели пространство, расположенное перед нами, и соскользнули в яму. Без лишних разговоров убедились, что живыми выбраться отсюда не сможем.

Но в то же время все четверо были спокойны. Что же произошло с нами? Посмотрел на товарищей и понял, что наступил такой, хорошо знакомый каждому солдату момент, когда на карту ставится все: или — или...

Но как раз в этот момент произошло то, что полностью изменило мой план.

С левого фланга, где находились югославские части, донеслось громкое: «Живио!» [1] Вначале ничего не было видно, только слышался этот продолжительный крик, который, будто волнами, накатывался из самой земли. Затем начали различаться отдельно бегущие фигурки, которые постепенно увеличивались, и внезапно совсем близко от нас поднялась цепь солдат.

Югославы! Братья! Они атаковали противника с фланга, несмотря на ожесточенный пулеметный и минометный огонь... Цепь приближалась, и я ясно видел солдата, который бежал прямо на нас. У него было широкое лицо, покрытое крупными каплями пота, блестевшими под сдвинутой набок фуражкой. Он бежал с победным криком «живио», разносившимся по всему полю.

Справа, со стороны наших позиций, доносилось мощное «ура». Поднимались и серые фигурки наших солдат... Ура! Ура-а!

Момент, и выскочил из ямы, в руке автомат. Вот он наступил, решительный момент! Обернулся к товарищам и закричал:

---

[1] *Живио (сербско-хорватск.)* — Ура.— *Прим. ред.*

— За мной!.. Ура!

И понесся вперед. Знал, что они рядом. Бежал и кричал во всю силу легких. Чувствовал, что меня несет на каких-то огромных, могучих крыльях — крыльях победы. Около меня бежали и кричали болгарские и югославские солдаты.

Недалеко от опушки леса упал скошенный пулеметной очередью широколицый югослав. Я остановился на миг, посмотрел на его распростертое тело с протянутыми вперед руками, которые продолжали крепко сжимать винтовку, и по застывшему лицу его понял, что нужно идти вперед, туда, где наш общий враг.

Во время атаки мы перемешались. Я не искал глазами командира взвода: он остался где-то сзади, раненный или, может, убитый. Перед собой я видел югославского поручика, бежавшего с пистолетом в руке, и слушал его команды.

Наши ряды таяли. Но мы все двигались и двигались. Вот еще немного, совсем чуть-чуть, и мы будем там. Проклятый пулемет!

Перед глазами внезапно возник тот куст, который я так возненавидел. В сознании билась только одна мысль: «Пулемет!» — и я направился туда, напрягая последние силы.

Видел, как два моих товарища бросились к кусту. Один упал, убитый скрывшимся за березой фашистом, а другой прикладом винтовки разбил голову наводчику пулемета, продолжавшего стрелять по нашим товарищам. Но справиться с третьим, который неожиданно выскочил на него из кустов, он не сумел. Оба повалились на землю, и началась отчаянная, жестокая борьба.

В этот момент откуда-то выскочил югославский поручик. Я видел, как он бежал, прихрамывая, делая отчаянные усилия, чтобы добраться до кустов. Но из-за березки выскочил гитлеровец со штыком, примкнутым к винтовке. Я остановился. Куда быстрее? Почувствовал, как что-то сжало горло. Заколет ведь!.. Да... уже замахнулся! Рука моя дважды нажала на спуск — и гитлеровец рухнул на землю!

Несколько часов спустя, когда я лежал, обессиленный, на свежей траве и смотрел в светлое небо, подошел юго-

славский солдат и передал, что меня вызывает поручик Неделкович. Наш командир взвода был убит в атаке, и командование временно принял югославский офицер. Я встал и пошел к тому месту, где находился поручик Неделкович.

Под ветвями бука на шинели лежал бледный поручик. Нога его была обмотана до колена окровавленной повязкой. В стороне лежал сапог, разрезанный ножом.

Я встал по стойке «смирно».

— Братишка, — сказал он мне тихим, слабым голосом, — ты спас мне жизнь. Спасибо тебе! Хочу что-нибудь подарить тебе на память, но что? Нет ничего, а очень хочется, чтобы у тебя осталось обо мне что-нибудь на память.

Он беспокойно зашарил по карманам, но ничего не мог найти, что бы он мог мне подарить. Тут взгляд его остановился на висевшем у него на груди партизанском значке. Он оживился, отцепил значок и подал его мне.

— Вот, возьми это! Ты вполне его заслуживаешь!

Я стоял не шевелясь и смотрел прямо на офицера, на дрожащую руку, протянувшую мне значок. Это его значок? Нужно ли его брать? Лишить его значка, который он заслужил? О нет! Посмотрел из-под бровей на солдат, которые собрались вокруг нас и молча наблюдали за этой трогательной сценой. Нет, ни под каким видом нельзя брать значок! Я продолжал молча стоять перед поручиком, но он настаивал:

— Возьми, возьми! Его мне дали за участие в партизанском бою... Ты проявил храбрость и вполне его заслуживаешь. Возьми!

Голос его был прерывистым, протянутые руки дрожали. Но я не брал значок.

— Возьми! — слышались голоса вокруг. — Ты его заслужил!

— Э, давай бери, братец! Храбрый должен быть отмечен! — сказал он теперь уже строгим тоном. — Возьми награду от югославского офицера!

Дрожащими руками я принял поданный мне значок. Протянулись две услужливые руки и помогли прикрепить его мне на грудь.

И вот сейчас я держу в руках этот дорогой для меня значок и вспоминаю то недалекое прошлое, когда твердая рука героя вручила его мне и украсила мою грудь.

БРАТЬЯ

Отгремела война. Вместе с ней отошли солдатские тяготы и невзгоды. Армия-победительница расположилась на отдых на освобожденной земле.

По одной из дорог широкой венгерской равнины медленно двигался обоз. Низкорослые кони, утомленные долгой дорогой, едва плелись по накаленной солнцем пыли, мотали головами и грустно посматривали на поля и луга, покрытые буйной, сочной зеленью. В слабо поскрипывающих повозках сидели солдаты, время от времени покрикивая на бедных животных. Вдаль между двумя рядами тополей уходила дорога, и было еще далеко до конечного пункта движения.

В последней повозке на мешках с мукой лениво растянулся плотный чернобровый мужчина средних лет с полным небритым лицом и грязным от продолжительного путешествия по безводным местам воротником. Он жевал сухую, душистую былинку и посматривал то в одну, то в другую сторону дороги, где венгерские крестьяне пахали и засевали свои маленькие, изрытые снарядами и минами поля. Тоска по родным местам сжимала его сердце, тоска и еще что-то такое, чего он не мог объяснить, но причину появления этого чувства он знал. Оно было новым, неизвестным до сих пор, оно стягивало всю грудь словно железным обручем, и ему показалось, что, если так будет продолжаться еще несколько дней, сердце его разорвется...

Часа через два обоз остановился недалеко от какого-то венгерского села. Нужно было немного отдохнуть, покормить коней, дать возможность людям размяться и подкрепиться хлебом и брынзой, которые были у них в вещмешках.

Солдаты распрягли коней, пустили их пастись на луг и разошлись в разные стороны. Одни пошли за водой к зеленевшим на околице села колодцам, другие легли в тени шелковиц, росших поблизости, а третьи просто не знали что делать и слонялись туда-сюда как неприкаянные. Все чувствовали себя как-то не очень уютно в этой чужой стороне, хотя провели здесь много времени и сблизились с добрым венгерским народом.

Но особенно неловко чувствовал себя Станоя, солдат с последней повозки. Он сел на обочине дороги, расстелил на коленях пеструю тряпку, нарезал карманным но-

жом черствого, смятого в мешке хлеба и, собирая двумя пальцами крошки брынзы, с удовольствием причмокивал. В его задумчивом взгляде отражалось и удовлетворение хорошим обедом, и тревога о том, что он видел вокруг себя.

А вокруг действительно происходило что-то особенное, что открывалось его опытному взгляду крестьянина. На расположенном недалеко от него поле земля сохла под жаркими лучами солнца, она не была вспахана, и некому было вспахать ее. Станоя рассеянно смотрел и чувствовал, как тяжело дышит под ним земля в ожидании первой борозды, готовая взвыть от тоски. Не происходит ли что-то подобное и с его нивой там, на далекой родине? Он опустил голову и задумался. Нет, там не должно быть так! Он сунул дрожащую руку за пазуху, вынул измятый лист бумаги, пропитанный потом, осторожно расправил его короткими, толстыми пальцами и в третий раз начал читать полученное вчера письмо.

Его жена писала о том, что молодежь села собралась и за один день вспахала и засеяла их поле. От общины ей выдали даже семена, потому что зерно, оставленное для посева, она смолола и скормила детям зимой. Жена была очень довольна всем и радовалась, что он жив и здоров. В конце письма жена спрашивала, когда он вернется, как выглядят люди в далекой стране Венгрии, и еще о многом другом спрашивала она. «Хорошая жена!» — подумал он и провел ладонью по обросшему густой щетиной лицу, потом прищурил глаза, и взгляд его стал серьезным, задумчивым. Скоро ли вернется? Да кто может знать! После победы, которой жаждет весь мир, и болгарская армия будет ждать приказа о возвращении. И они воевали вместе с солдатами славной Советской Армии! Они расположились в самой южной части страны, вблизи от реки Дравы, где шли такие тяжелые бои с гитлеровцами, каких не помнил никто за всю войну. И вот сейчас он со своим обозом перевозил муку, крупу и другие продукты для отдыхающей армии...

Неожиданно Станоя поднял голову. В нескольких шагах от него среди высокой травы стояла девочка и жадными глазами следила за движениями его рук, подносивших ко рту хлеб или брынзу. Сердце его сжалось, он почувствовал, как у него подкатился комок к горлу...

Девочка была босоногой, в выцветшем розовом платьишке, во многих местах покрытом заплатами из более

темного материала. По ее личику, маленькому и бледному, по ее расширенным глазам он понял, что девочка голодна. Длинные немытые волосы, слипшиеся в сосульки, прикрывали ее головку и падали на узенькие, с выступающими косточками плечики.

Солдат посмотрел на девочку внимательнее. Увидел ее плотно сжатые губы и, заметив, что ребенок не отрывает взгляда от его руки с хлебом, почувствовал, что ворот у него стал горячим, а пальцы задрожали. Он быстро отрезал большой ломоть хлеба, положил на него кусок брынзы и с улыбкой протянул девочке:

— На, возьми, девочка!

Но она не пошевелилась, продолжая смотреть на него горящим взглядом. Солдат смутился, но потом понял, что нужно предложить еще раз.

— Почему не хочешь? — спросил он, поднялся и подошел к ней, протягивая хлеб с брынзой. — Ты ведь голодная?

Девочка что-то ответила дрожащим, почти плачущим голоском и испуганно оглянулась.

Станоя заметил ее испуг и еще более ласковым голосом, стараясь придать своему лицу доброе выражение, спросил:

— А где твой отец? — И сообразив, что она его не поймет, добавил: — Папа!.. Папа!

Теперь девочка его поняла.

— Папа нинч... Папа капут... — И показала головой в ту сторону, где посреди поля пахал старый крестьянин.

— А! Это дедушка?

Она кивнула головой, поняв его скорее по выражению лица и взгляду.

Тогда Станоя приблизился и по-отцовски нежно погладил ее по головке, как погладил бы собственного ребенка. Девочка поняла его добрые намерения и позволила незнакомому дяде, который протянул ей хлеб и брынзу, гладить себя по голове. А Станоя расчувствовался до слез. И у него была такая же девочка. Только она сыта и одета, потому что о ней есть кому позаботиться, а тут ребенок без отца, и кто знает, есть ли и мать-то. Пожалуй, лучше пойти к ее деду! Может, они поймут друг друга...

Станоя пошел по вспаханному полю. За ним, с жадностью кусая хлеб, шла девочка. Радуясь, что может пого-

ворить со старым крестьянином, Станоя еще издали поздоровался:

— Бог помощь тебе, венгр!

Крестьянин, высокий, худой, одетый в ветхие черные шаровары, белую грязную рубаху, черную с блестящими медными пуговицами жилетку и рваные сапоги, снял широкополую соломенную шляпу, низко поклонился и подал жилистую руку с шершавой ладонью и обломанными ногтями. По рукопожатию и выражению его глаз Станоя понял, что перед ним добрый и кроткий человек, замученный непосильным трудом и заботами. Ему стало жалко венгра. «Старый, а смотри как работает на земле!» — подумал солдат, и ему захотелось поговорить. Но что сказать венгру? Да и поймет ли? Станоя достал кисет с табаком и с улыбкой протянул его крестьянину. Старый венгр принял кисет с благодарностью. Присев на корточки около плуга, он начал скручивать цигарку длинными, худыми, подрагивающими от волнения пальцами.

Оба скрутили по цигарке и закурили.

— Ну, как табачок? — обратился к нему Станоя, пустив струю дыма и подмигнув.

Крестьянин поднял плечи и посмотрел на него широко раскрытыми, непонимающими глазами.

— О табаке, о табаке тебя спрашиваю! — показал Станоя глазами на цигарку.

— Ах, табак? — блеснул глазами венгр, обрадовавшись, что понял.— Табак... хорошо... — пояснял он то на русском, то на сербском языках, на которых знал по нескольку слов.

— Хорошо, а?

— Ох хорошо... Хорошо! — И он внимательно, с серьезным видом сделал затяжку и пустил облачко дыма.

— Хороший, да? — оживился Станоя. — Болгарский табак!.. Золото... — Похлопал крестьянина по плечу. — А ты пашешь, да?

Венгр не понял. Тогда Станоя сделал ему знак рукой и, улыбнувшись, показал на плуг и коня. Улыбнулся и венгр. Было нетрудно понять, что хотел сказать с помощью жестов этот добродушный болгарский солдат, имевший такой хороший табак и проявивший щедрость и доброту к нему и его ребенку.

— А почему на одном коне пашешь? — поинтересо-

вался Станоя и пошел к крупному коню с мощными ногами и широкими копытами.

Теперь разговор между ними стал более легким и понятным. Они коснулись таких вещей, которые легко было понять с помощью десятка известных общих славянских и венгерских слов, хотя каждый из них говорил только на своем родном языке.

Из разговора со старым венгром Станоя узнал, что сын его погиб на фронте еще в начале войны, сноха умерла три месяца назад от чахотки и они с бабкой вдвоем воспитывают внучку. Это поле было не его, а одного крупного землевладельца, какого-то графа, у которого он прежде брал землю в аренду, а теперь, когда после освобождения народное правительство роздало земли бедным крестьянам, это поле отдали ему. Тяжело было жить в прошлом под властью графов. И сейчас нелегко, потому что война только что закончилась. Но сейчас хоть знаешь, что работаешь на себя и что не всегда так будет: скоро наступят лучшие времена. Плохо, что у ребенка нет ни отца ни матери, а они с бабкой старые уже... Ох, проклятое сиротство! Старик посмотрел на девочку, которая играла недалеко от них в борозде, и глаза его увлажнились.

— А почему у тебя один конь? — снова спросил Станоя и показал на животное, которое кротко стояло перед плугом и ждало хозяина, чтобы продолжить прерванную работу.

Венгр понял.

— А! — покачал он головой. — Реквизирован... Немцы забрали... Немцы-бандиты!

Станоя вздохнул.

— Эх, братец, плохо тебе придется без коня! — усмехнулся он и сочувственно похлопал крестьянина по плечу. — Дали тебе люди землю, а пахать не на чем... Плохи дела, говорю тебе! — И он опять похлопал его, на этот раз стремясь подбодрить старика. — А я смотрю на тебя — работаешь, бьешься, как и мы, в одно время, трудолюбивый, значит!.. Это хорошо, что полоска твоя, а то бы граф спустил с тебя шкуру...

— Граф... граф... — усмехнулся венгр.

— А и наши-то богачи не лучше, но и они получили свое, как и ваши графы! — пояснил ему Станоя. — Погоди, помучаешься еще немного, дадут тебе и другого коня... Знаешь, моя жена пишет, что ей дали семян для посева!

— Не понимаю, — ответил с виноватой улыбкой венгр.

Кое-как Станоя объяснил ему на словенском языке, который венгр немного понимал. Лицо его озарилось улыбкой и засияло от радости, как будто и ему предстояло получить такую помощь от своего правительства.

Станоя загорелся желанием успокоить и ободрить старика.

— Гляжу на тебя, очень ты похож на наших крестьян, — продолжал он говорить ему так, будто они были давно знакомы и сейчас случайно встретились здесь, среди поля, и торопились сказать что-то друг другу, — только одежда другая... Эх, и что же это я разболтался? Да разве может быть иначе? Хочу тебе сказать, что мы с тобой братья, одна мать нас родила и вскормила... Ты же знаешь, кто она... земля! — И Станоя нагнулся, взял горсть земли из борозды, размял толстыми, грубыми пальцами и показал ее с таким вдохновенным выражением лица, что венгр все понял и без слов. — Слышишь, венгр? Братья мы с тобой, братья!

— Да! Братья... братья... — кивал головой венгр, и сердце его наполнялось радостью от того, что он нашел такого хорошего собеседника.

Конь заржал и начал нетерпеливо бить копытом. Только тогда пахарь вспомнил, что ему предстоит еще много работы. Он встал, вытер пот с лица и взялся за ручки плуга.

— Рози! — крикнул он и замахнулся кнутом на коня.

Девочка пробежала босыми ножками по влажной земле борозды, схватила коня за повод и двинулась вперед. Старик нажимал на рукоятки плуга, но сил у него было мало, и он не мог вогнать сошник поглубже, а рыхлил только верхний слой земли. Сердце Станоя дрогнуло, руки невольно потянулись к плугу, и, не мешкая, он подошел к старику.

— Дай-ка я маленечко попробую.

Он перехватил ручки плуга у старика, сильнее нажал на них, и плуг глубоко вошел в землю. Станоя остановился, оглянулся и увидел, что борозда оказалась кривой. Он замахнулся кнутом и прикрикнул на коня, потом вновь нажал на ручки плуга, но опять остановился, внимательно посмотрел и выругался. Не везет ему! Как только сильнее нажмет на плуг, тот уходит глубже в землю, конь замедляет шаг, отклоняется в сторону, и плуг искривляет

борозду... Эх, что за мука с одним конем! Что теперь делать? Он посмотрел на венгра, который стоял сбоку и, улыбаясь, с любопытством наблюдал за ним. Как, бросить работу? Нет, он не осрамится! В голову ему пришла одна мысль.

— Обожди, я сейчас приведу еще одного коня! — крикнул он старику и побежал к тому месту, где были распряжены повозки.

Спросил у начальника обоза, сколько они еще пробудут на этом месте, и, услышав, что обоз простоит еще три или четыре часа, пока стемнеет, чтобы двигаться в прохладное время, побежал на луг, где паслись кони, взял одного за повод, погладил его по морде и быстро подъехал на нем к плугу.

Старик встретил его с удивлением и восхищением. Он разволновался и шептал какие-то непонятные слова благодарности на своем языке.

Станоя впряг малорослого болгарского коня рядом с венгерским, поплевал на ладони, потер их, взглянув с хитрой улыбкой на своего собрата венгерского крестьянина, весело прикрикнул на коней:

— Давай, братья!

Маленький болгарский конек понял его возглас, навострил уши, фыркнул, зачастил ногами и увлек за собой своего крупного и сильного собрата.

— Смотри, брат, как теперь пашется! — обернулся Станоя к венгру и подмигнул ему.

Оба коня выровнялись, напряглись, и плуг вздрогнул. Станоя почувствовал, как кровь прилила к его рукам, так стосковавшимся по работе, еще сильнее налег на плуг, который вошел глубоко в землю и взрыхлил ее.

Какая-то неземная радость наполнила его грудь, широко открыла ему глаза, и он зашагал в борозде с такой любовью и верой в землю, с какой шагал бы в борозде по своему полю там, в далекой Болгарии, которая стала еще дороже и еще милее его сердцу.

БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ

Украшенный флагами и цветами поезд подходил к перрону. Оркестр заиграл советский гимн. На лицах встречающих появились радостные улыбки. Масса людей пода-

лась вперед, но цепь милиционеров сдержала напор, и порядок был восстановлен. Все повернули голову в ту сторону, откуда показался мощный локомотив с огромным портретом Сталина и яркой рубиновой звездой над ним. Локомотив торжественно загудел, как бы приветствуя собравшихся, медленно прошел вдоль перрона и остановился.

Из окон вагонов махали руками люди, выглядывали смеющиеся лица, слышались радостные возгласы. Официальные лица, встречавшие поезд, отправились к первому вагону. За ними следом шли несколько девушек с букетами. Потом из вагона вышел руководитель делегации, а за ним и первые гости. Около них образовался тесный круг. Представитель правительства приветствовал гостей с благополучным прибытием и пожелал им приятного пребывания в нашей стране. Девушки подошли к приехавшим и вручили им букеты. Цветов было много, у каждого гостя в руках по нескольку букетов. Руководитель делегации произнес речь. Кинорепортеры начали свои атаки. Со стороны перрона раздались аплодисменты встречающих, с нетерпением ожидавших, когда гости пойдут к выходу.

Среди встречавших находился и я. Я пришел, чтобы выразить свою горячую любовь дорогим гостям, как солдат, который сражался плечом к плечу с советскими солдатами в Отечественной войне. Не сумев добраться до перрона вагона, я стоял, стиснутый толпой, где-то у середины поезда. С любопытством и волнением в сердце искал я среди лиц, появившихся в окнах вагонов, знакомые черты кого-нибудь из известных мне по журналам или газетам советских людей. Не знаю почему, но лица всех приехавших казались мне такими знакомыми, близкими и дорогими. В каждом окне виднелась русая или каштановая шевелюра, приветливое, улыбающееся лицо, голубые или карие глаза. Внезапно на ступени вагона, находившегося напротив, вышел высокий, сильный мужчина с задумчивым, строгим лицом и твердым взглядом. Большие русые усы свисали над сжатыми губами, делая человека похожим на богатыря. Где я видел это лицо? Мне показалось, что не только лицо, но и взгляд голубых, чистых глаз, движения рук напоминали о том, с чем была связана моя жизнь. Это было что-то очень приятное и дорогое, о чем нашептывал мне внутренний голос. Что это было на самом деле?

Мужчина сошел со ступеньки вагона с маленькой дорожной сумкой в левой руке и букетом нежных лилий, совершенно не подходивших к его крупной фигуре, и медленно двинулся к нам. Он заметил мой взгляд и тоже посмотрел на меня. Внезапно будто что-то ударило меня в сердце, и я бросился к нему с криком:

— Голубенко! Товарищ Голубенко!

Он остановился. В его глазах блеснула неожиданная радость.

— Иван Федорович, дорогой мой! — продолжал я.

Мужчина, раскрыв могучие объятия, прижал меня к себе. Под одобрительные рукоплескания и смех окружающих мы по-братски расцеловались, как старые друзья после долгой разлуки.

— Иван Федорович! Иван Федорович! — повторял я, обрадованный неожиданной встречей. — Неужели это ты?

— Конечно, я! — отвечал он, и под его богатырскими усами играла добрая улыбка.

Мы еще раз обнялись и расцеловались и, продолжая держаться за руки, с жадностью смотрели друг на друга. Я спросил:

— Иван Федорович, помнишь?

— А как же? Конечно, помню, все помню...

...Конец марта 1945 года. Тихий теплый весенний день. Тяжелые оборонительные бои после прорыва гитлеровцев на Драве, напряжение, трудности борьбы, бессонница и голод были позади. Наш полк, понесший большие потери, отвели на отдых куда-то в глубь Венгрии. Расстелив только что выстиранное в ближайшей речушке белье, ребята лежали на свежей траве и загорали. Усталость после двухнедельных боев сделала их апатичными, не желающими терять силы на бесполезные движения. Каждый старался отдохнуть и набраться сил для предстоящих боев. Ходили слухи, что через несколько дней начнется долгожданное весеннее наступление, к которому армия готовилась давно, но которое гитлеровцы упредили прорывом на Драве... А вот сейчас подошло время для этого наступления.

Как помощник командира взвода, я должен был позаботиться о взводном имуществе, привести его в порядок. Недоставало многого: ранцев, сумок, курток, брюк, сапог,

Но что особенно вызывало у меня тревогу — это отсутствие смазочного масла для винтовок. Предстоял длительный поход, наступление, а чего мы стоим с нечищеным и несмазанным оружием? Дважды я обращался в штаб полка, и дважды мне отвечали, что масло кончилось и нужно подождать. Хотел было сам пойти к начальнику боепитания, но старшина роты мне посоветовал:

— Не теряй времени! Иди к братушкам в соседнее село. У них много смазки. Попроси — тебе дадут. Я часто обращался к ним за тем или другим. А то, пока дождешься от наших, может и месяц пройти. Тут, брат, определенно какой-то саботаж есть! Опять фашистские гады... Давай иди и не теряй времени!

Я послушался старшину и на другой день отправился в советскую часть, которая располагалась в соседнем селе. От солдата, пасшего коней, узнал, что начальник хозяйственной части находится у реки под вербами.

— Он там бреется, — пояснил солдат и сделал движение рукой около лица.

— Спасибо! — ответил я и двинулся туда.

И вот приближаюсь к вербам и вижу около ствола раздетого до нижней рубахи, высокого, сильного мужчину, держащего в одной руке бритву, а другой намыливающего подбородок. Перед ним на вбитом в дерево гвозде висит зеркальце, а внизу стоит новенькая алюминиевая бритвенница, наполненная мыльной пеной. Красивое розовое полотенце, брошенное на зеленую траву, издали привлекло мое внимание своей необыкновенной чистотой. Я подошел тихонько, однако мужчина заметил меня в зеркало и обратил ко мне вопросительный взгляд.

— Товарищ старшина, я ищу начальника хозяйственной части, — сказал я, вытягиваясь и отдавая честь.

По намыленному лицу мужчины прошла едва заметная тень недовольства.

— А зачем вам нужен начальник?

— Нужен, хочу попросить его кое о чем...

— Говорите! — махнул он рукой. — Я и есть начальник. Что вам нужно?

Я немного смутился, но, набравшись смелости, объяснил причину прихода. Он слушал меня внимательно, ничего не говоря и продолжая бриться. Завершив эту важную для него процедуру, которая мне показалась очень долгой, он заботливо вытер бритву, положил ее в футляр,

пошел к реке, умылся, вытер лицо полотенцем, повернулся ко мне и только после этого сказал:

— Хорошо. Все уладится! Идемте со мной, сержант!

Мы пришли к нему на квартиру, и я получил все, в чем нуждался. Но ушел я не сразу. Мы присели к сколоченному из досок столику, и он угостил меня водкой и тушенкой. Так началась наша дружба с Иваном Федоровичем Голубенко.

С этого дня мы часто встречались и разговаривали. Я ходил к нему в гости, он приходил ко мне. Мы любили полежать на берегу речки под вербами, где познакомились.

От него я узнал, что он работал в колхозе. Война застала его на работе в поле. С какой ненавистью он говорил об оккупантах, разоривших его родину, и с какой любовью вспоминал о своем колхозе!

Каждый раз при встрече Голубенко с жаром рассказывал о своей работе в колхозе, о людях колхоза, об их успехах, и я никогда не уставал его слушать. Мысленно переносился к себе в Болгарию и представлял, как после войны наши крестьяне, уже вставшие на этот путь, создадут такую же красивую, наполненную радостью и счастьем жизнь...

Часто, очень часто мы беседовали на колхозные темы. И оба увлекались этими разговорами, рисовали самыми яркими красками картины будущей мирной жизни. Это были одни из самых приятных моментов в моей жизни за все время войны!

Однажды вечером, когда мы лежали на лугу в высокой траве и смотрели на лошадей, пасшихся неподалеку, Иван Федорович вытянул ноги, стукнул каблуками и сказал:

— Война скоро кончится!

Я посмотрел на него с любопытством.

— Да, скоро мы будем в Берлине и война окончится... — сказал он уверенно, сорвал травинку, откусил ее, выплюнул и продолжал тихим, взволнованным голосом: — Ой, как я стосковался по родному краю, по колхозу, по семье! Понимаешь ли, Ваня, четыре года уже воюем, и еще ни разу не был дома. А как мне хочется поработать, попахать, посеять, пожать! Я комбайнер и очень люблю напряженные летние дни, когда жатва и молотьба в разгаре. Душа наполняется светлым, радостным чувством при воспоминании об этом!

Он замолчал и посмотрел куда-то на восток, где за горами и полями, за реками и долинами находился его родной край, о котором он мечтал. Я подождал немного, пытаясь приглушить возникающие в душе чувства, и, не удержавшись, тоже заговорил:

— Я мечтаю поехать в село. Я никогда не жил в деревне, и, наверное, будет очень хорошо и интересно после войны пожить там. Представь себе, новая жизнь, новые люди... Да, мы идем по вашему пути, дорогой мой, и мне кажется, что... через три-четыре года у нас все изменится! Кооперирование крестьянства двинет нашу страну вперед и...

— Да, ты прав, но как нелегко все это дается!

— Верно, будет нелегко, но все-таки будет!

— Должно быть!

— И будет, вот увидишь, — оживился я. — Ты приезжай к нам после войны и сам убедишься. Приезжай на недельку-другую ко мне в гости. Хочешь приехать, а?

— Ну что ты? Разве может человек не хотеть? Конечно, я приеду...

— Приезжай, обязательно приезжай! Увидишь, как мы друзей встречаем. Будет очень приятно, если ты... если ты... Как надо сказать?

— Говори по-болгарски, я все понимаю.

— Как я по-русски.

— Язык общий. Ну?

— Да говорю, что мне будет очень приятно, если приедешь ко мне в гости.

— Ладно, ладно, — засмеялся он и махнул рукой. — Будет, все будет!

После этой встречи Иван Федорович Голубенко куда-то исчез, и мы больше не виделись. Позже я узнал, что ночью его часть внезапно подняли по тревоге и перебросили в другое место. Мне было грустно, потому что не сумел увидеться с ним и попрощаться, как прощаются с хорошими друзьями, расставаясь на долгое время.

Сейчас мой старый боевой товарищ Иван Федорович Голубенко мой гость. Он прибыл в нашу страну с советской сельскохозяйственной делегацией, чтобы передать свой опыт колхозного руководителя.

Мы опять сидим друг против друга за столом, только на этот раз в моем доме, пьем вино и вспоминаем прошлое.

После войны Голубенко возвратился в родное село и работал комбайнером в своем колхозе. За хорошую работу и большой опыт, приобретенный во время войны, его избрали председателем колхоза. С удвоенной силой Голубенко взялся за восстановление разрушенных колхозных построек, за распашку и своевременный засев обширных колхозных полей. С помощью государства колхозники выстроили новые дома, восстановили школу, построили родильный дом, клуб, кинотеатр, радиоузел. Все шло хорошо, как и до войны. Колхоз разбогател, стал одним из первых в области, и центр ставил его в пример другим. По почину Голубенко колхоз первым поставил задачу повысить урожай и досрочно выполнить свои обязательства в первой послевоенной пятилетке. Развернулось соревнование, в которое были вовлечены все колхозники. С особенным энтузиазмом началась работа, когда летом на одном из собраний партийной организации был поставлен вопрос об усилении борьбы против поджигателей войны, за мир во всем мире. Колхоз завершил жатву, провел молотьбу и убрал зерно с полей за неделю, в то время как раньше эти работы выполнялись за три недели. После окончания уборочной был проведен большой спортивный праздник на стадионе, где собрались жители трех соседних сел.

Все это я узнал от Ивана Федоровича после его поездки по стране, во время которой он посетил некоторые наши кооперативные хозяйства и познакомился с работой и жизнью наших крестьян.

— Ну и как тебе понравились наши кооператоры? — спросил я с нескрываемым интересом.

— Молодцы! — засмеялся он и подергал кончики своих усов. — Дела идут хорошо!

Он на мгновение задумался и, посмотрев прямо мне в глаза, сказал с легкой улыбкой:

— Есть, разумеется, и некоторые непорядки, но... это пройдет. Сейчас нужно пахать, а потом сеять...

— Наш крестьянин боится сеять так рано, — сказал я.

— Почему?

— Потому что земля сухая. С весны не было ни капли дождя...

— Это не страшно! Будет и дождь!

— По старому обычаю наш крестьянин считает, что перед дождем...

— Что? — удивился Иван Федорович. — Обычай? — Он громко рассмеялся, как ребенок, впервые услышавший смешную сказку, от которой ему стало очень весело. — Разве так можно? — И сразу став серьезным, строго посмотрел на меня и сказал: — Надо пахать! И чем скорее, тем лучше... А дождь будет, обязательно будет. Понял?

— Понял, — кивнул я головой. — Нужно спешить, особенно сейчас, когда нас пугают новой войной.

— Вот правильно. Это будет самым хорошим ответом всем поджигателям войны!

ДРАВА

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСОВОЙ У ДРАВЫ

1

Воспоминания недавнего прошлого не похожи на воспоминания детства. Они бывают ясными и чистыми, как утренний сон, и легко укладываются в рамки времени. Они как старые портреты — немного обветшали и запылились, но все же достаточно хорошо сохранились для того, чтобы на них можно было увидеть и узнать лица тех, кого мы любим.

Наиболее отчетливо помню я один день у берегов Дравы. В тот день на самом передовом наблюдательном пункте полка находился ефрейтор Илия Гражев. Внимательно и настороженно наблюдал он за противоположным берегом.

Внизу текла река, спокойная и тихая, укрощенная низкими берегами. Большие, черные, морщинистые от ветра тени бежали по зеленоватой воде, которая вблизи берега становилась темной, как кусты и коряги на нем.

Много дней подряд Илия Гражев рассматривал эту реку. Все здесь было ему знакомо, как знакомы те мелочи, с которыми он свыкся и с которыми ему было тяжело расставаться. В полах его старенькой шинели с истрепанными краями было несколько маленьких, почти незаметных дырочек. Они появились там однажды ночью, когда он с несколькими товарищами попытался переправиться через реку, чтобы разведать позиции врага. Трудная и рискованная задача! Все понимали это, но приказ есть приказ. Ночью, когда луна внезапно скрылась за облаками, они погрузились в маленькую надувную лодку и медленно поплыли к противоположному берегу. Они не достигли еще и середины реки, когда несколько ослепительно белых клубков, распустившихся словно бутоны маков, дали им понять, что их обнаружили. Стало светло как днем. Они оцепенели на какое-то мгновение, но затем бесшумно продолжили свой путь в неизвестное. Четверть

часа находились они под ружейным и минометным огнем. Пришлось вернуться обратно.

Во время этой неудачной попытки один из них был убит, а двое ранены. Тогда-то и оказалась продырявленной в нескольких местах его шинель. Гражев не жалел о шинели, его огорчала неудача, непрестанно мучили воспоминания о погибшем товарище, с которым он долгое время жил в одной землянке. Но такова война! А на войне человек должен быть готов к встрече со всякого рода неожиданностями, к тому, чтобы выдержать тысячи неприятностей, которые могут произойти с ним.

Гражев смотрел на противоположный берег, стараясь обнаружить среди сухих веток и стволов вражеский наблюдательный пункт. Да, не было никаких сомнений в том, что он там, на противоположном берегу, как об этом говорил заместитель командира полка, и Гражев был охвачен желанием обнаружить его и уничтожить одним выстрелом. Но противник был хитер — он предпринял необходимые меры. Гражев ничего особенного не обнаружил, хотя воображение его работало вовсю. Далеко за верхушками деревьев, подобно языкам пламени, взметнулись в ясное небо островерхие крыши высоких домов какого-то села. А над ними надменно и гордо возвышалась башня маленькой церквушки. Неизвестно почему, но эта островерхая башня с почерневшими досками и узким решетчатым окошком вызывала у него недоверие и ненависть. Внутренний голос подсказывал ему, что напрасно он ищет противника на противоположном берегу, что нужно сосредоточить все внимание на церквушке. «Нет никаких сомнений в том, что оттуда они, псы, наблюдают за нами! — внезапно решил он. — Эх, был бы бинокль! Завтра обязательно попрошу у поручика...» И он продолжал наблюдать за башней.

Гражев вспомнил, как некоторое время назад противник пытался ввести их в заблуждение и обмануть. Часовые заметили, что каждый день в определенное время по тропинке, ведущей от села, женщины отправляются к реке за водой. Часовым показались странными их неуклюжие фигуры и резкая, неженственная походка. Наметанный глаз солдата не мог ошибиться! Женщины эти как-то нерешительно подходили к реке, набирали воду и, оглядываясь, еще более нерешительно возвращались наверх, к серой стене леса. «А ну-ка, посмотрим, что это за жен-

щины!» — сказали ребята и дали пулеметную очередь. «Женщины», не ожидавшие такого, побросали ведра и побежали. Во время поспешного бегства некоторые из них потеряли одежду, и ребята увидели фрицев.

Гражев знал, что по другую сторону Дравы, где расположились немцы, живут славяне — его братья, к которым он испытывал привязанность и любовь. Он слыхал, что враг разорил их край и принес людям большие страдания. Он знал, что они придут туда, когда начнется большое наступление, о котором говорил поручик; люди ждут их, твердо верят в них, и они помогут братьям. Гражев прищурился и попытался представить себе будущее наступление. Когда это будет? Их разделяла Драва. Здесь они, а там, на противоположном берегу, — враг, коварный и подлый враг! Враг стоял и у границ их родины, но они отогнали его, и теперь граница проходит по этой спокойной, тихой реке. Сегодня граница — это дуло его верного «максима», который стоит перед ним в ожидании его умелых рук. Гражев приподнялся на цыпочки, желая посмотреть, где они могут легче всего переправиться через реку и захватить врага врасплох.

Он был уверен в том, что в этот же самый момент пара злых, алчных глаз рассматривает его берег и что он сразу же получил бы пулю в голову, если бы по рассеянности высунулся из укрытия немного больше. Сколько раз такое случалось с его товарищами! Стоят они здесь на посту, наблюдают, а потом по неосторожности высунутся чуть-чуть из укрытия, и неожиданно выстрел замаскировавшегося снайпера валит их на землю. Пропащее дело! Скорее бы уж начиналось наступление, надо наконец свести с врагом счеты!

Вдруг он обернулся, уловив обостренным слухом какой-то звук, который доносился со дна траншеи, ведущей к землянке. Кто-то приближался, задевая ногами мелкие камешки. «Смена! — мелькнула у него мысль. — Похоже, что пора...» Но по привычке спросил:

— Кто? — И, не получив никакого ответа, повторил вопрос, еще более повысив голос: — Кто там?

Шаги затихли. Никаких звуков. «Наверное, мне показалось!» — решил Гражев, продолжая смотреть в направлении оголенных кустов.

Но шаги послышались снова. Кто-то приближался. Он слушал затаив дыхание. Все отчетливее постукивали, осы-

паясь, камешки; не было никаких сомнений в том, что идет человек. Неужели кто-то незаметно для него переплыл реку? Гражев схватил винтовку на изготовку.

— Стой! — закричал он. — Ни с места! — Он уже собирался нажать на спусковой крючок, когда его остановил голос, в котором звучала ирония:

— Подожди, Илиюшка! Что это ты набросился на меня, как будто... с цепи сорвался!

Широкое краснощекое лицо с испуганными глазами неожиданно появилось совсем рядом из-за бруствера окопа. Перед ним предстал его товарищ Петр Радойков, пришедший, чтобы его сменить.

— Я тебя чуть было не прикончил! — процедил сквозь зубы Гражев, опуская карабин. Он с таким напряжением ждал появления крадущегося врага, что даже пожалел теперь, что пришел друг, а не враг.

— Ладно, ладно! Я только хотел пошутить, а ты...

— Нашел время! С этим не шутят! — Глаза Гражева сверкнули гневом.

— Эх, Илия, не понимаешь ты шуток!

— Шутки-то я понимаю, но ты... лучше не шути так!

— Ладно, не буду больше.

Некоторое время они молчали, сердито глядя друг на друга. Но в конце концов молчание показалось им более тягостным, чем обида, и они поспешили его нарушить.

— Что у тебя нового? — спросил Петр Радойков.

— Ничего особенного, — ответил Гражев, и голос его прозвучал мягче. — А у вас?

— Тоже. Ребята лежат и читают. Эх, надоело нам, братец, сидеть и ждать!

— А чего ты хочешь?

— Скорее бы началось наступление!

— Не торопись, за этим дело не станет. Как только загрохочут на той стороне орудия, так тебя и след простынет. Наверняка забьешься в какую-нибудь нору и будешь оттуда выглядывать, как мышь... Тоже мне герой!

— Не думай, что только ты один герой!

— Я и не думаю, но только болтовню не люблю... Ладно, до свидания! Не сердись на меня за то, что я сказал, ведь я говорю то, что думаю...

— Я тебя знаю, ты любишь поворчать, но на самом деле — добрая душа... Ну, до свидания, Илиюшка!

— Будь здоров, братец!

Друзья тепло распрощались, и каждый занялся своим делом.

Заступивший на пост часовой оперся на локти и устремил взгляд в противоположный берег, а Гражев пригнулся и медленно направился в сторону своей землянки.

2

До землянки Гражева было недалеко. Каких-нибудь шестьдесят шагов. По узкой, извилистой траншее, которая начиналась у наблюдательного пункта и вела точно на север, он без задержки добрался туда.

Перед входом в землянку Гражев остановился. Его взгляд задержался на импровизированном сигнальном устройстве, и он не смог сдержать улыбки. Это был обыкновенный утюг, подвешенный на гвозде крышкой вниз, а к крышке была привязана проволока, которая вела к ячейке наблюдателя. Как только часовой замечал что-нибудь подозрительное, он дергал за проволоку и утюг тревожно стучал.

Эта землянка ничем не отличалась от землянок, какие сооружались в прошлую войну. Вероятно, и тогда, как и теперь, солдаты чувствовали себя совершенно счастливыми, если могли, сменившись с поста, подольше остаться в этой вырытой в земле яме, покрытой толстыми бревнами, поверх которых была насыпана земля и посажены в целях маскировки кусты. Можно было спокойно расположиться внутри в тепле на жестких дощатых нарах и думать обо всем, что придет на ум.

Гражев бесшумно пробрался в землянку. Его товарищи молча сидели на своих местах, занимаясь своими делами. Гражев прошел на свое место в углу, лег на спину и закурил сигарету. Он любил лежать так в полумраке, заложив руки за голову, и наблюдать за своими товарищами.

Велин Кацарский снял свою единственную рубаху и к девятнадцатой заплате прибавлял еще одну. Учитель читал какой-то приключенческий роман в цветной обложке, на которой была изображена ракета, отправляющаяся в стратосферу. А трое других играли в карты, переругиваясь при этом, обвиняя друг друга в плутовстве.

Жадно затягиваясь серо-голубым дымом крепкого родопского табака, Гражев с удовлетворением рассматривал

эту маленькую землянку, тихий и уютный уголок, в котором все они чувствовали себя так хорошо. «Все это дело рук Велина Кацарского, — думал он. — Хороший парень! Он все время заботится о том, чтобы все больше украсить землянку. Если бы не он, никто и пальцем не пошевелил бы, чтобы сделать ее местом, где можно хорошо отдохнуть...»

На стенах висели фотографии и картины, которые Велин забрал из замков венгерских графов. Одна из этих картин произвела на Гражева сильное впечатление. Она изображала эпизод из жизни Петефи.

Гражев приподнялся, опершись на локти.

— Где ты взял эту картину? — спросил он Велина.

— В графском замке.

— В замке графа Марфи, что ли?

— Нет, Сечени.

— А! Это не доставит удовольствия графу Сечени, когда он вернется в Венгрию, если это когда-нибудь произойдет...

— А где он? Разве не здесь... в Будапеште или... еще где, черт его душу знает, а?

— Отсюда он уже давно драпанул! Ты ведь не думаешь, что он стал бы дожидаться тебя! Сколько грехов у него на душе, ой-ой! А тебе-то нравится?

— Что?

— Ну эта картина.

— Ну что же, неплоха! — снисходительно решил Велин, продолжая штопать свою рубаху.

— А ты знаешь, что представляет собой эта картина? — настойчиво продолжал расспрашивать Гражев, едва заметно улыбнувшись.

— Да чего там... Картина как картина!

— Я тебя спрашиваю не о том, что на ней изображено, а о ее стоимости. Известно ли тебе, сколько теперь стоит такая картина?

Велин покачал головой, желая тем самым показать, что это его очень мало интересует.

— Это же целое состояние! — сказал Гражев и еще раз посмотрел на картину.

Велин перестал шить и с удивлением взглянул на своего товарища. В его расширенных, как у кошки, зрачках мелькнул зеленый огонек. Но в следующий же миг глаза его снова сделались темными.

Гражев раздул огонь, и вода в котелке заклокотала. Он нагнулся к Велину и доверительно прошептал ему на ухо:

— Эта картина, парень, стоит тысячи...

Руки Велина вышли из повиновения, игла выпала из пальцев. Голова его пошла кругом. Такое же чувство он испытывал недавно, когда выпил один за другим несколько стаканов того крепкого старого вина, которое они нашли в погребе одного поместья на берегу Дравы. Он посмотрел Гражеву прямо в глаза.

— Вон что, если так, надо бы нам взять еще, а?

— А есть?

— Где там, сейчас ничего нет! А тогда... Эх! Полная комната! И рогов много было, оленьих и разных других... Знаешь, развешены там по стенам! И шкафы набиты одеждой и шапками, такими смешными, высокими и широкими, какие носят клоуны в цирке. А в стенном шкафу — платья, платья... уйма... одно другого лучше и дороже...

— Вон оно что! — улыбнулся Гражев, и ему стало весело. — А ты знаешь, что представляла собой коллекция охотничьих трофеев господина графа? — И он принялся рассказывать об увлечениях этих людей, которые проводят целые дни в безделье и ищут способов поразвлечься. Одни из них собирают редкие картины и увешивают ими стены своих комнат и салонов, ничего не понимая в искусстве. Они покупают картины только потому, что имеют деньги, и думают, что цена их со временем возрастет и они получат за них больше, чем заплатили. Другие испытывают сильное влечение к старым вещам. Эти собирают бутылки, сломанные трости, вышедшие из употребления трубки, охотничьих собак и разных животных и птиц. Самая большая страсть этих господ заключается в том, чтобы собирать рога убитых ими животных, которыми они украшают свои салоны.

— Как в замке графа Сечени, что ли? — спросил Велин. — Там стены всех комнат и салонов украшены головами убитых косуль и оленей.

— Да, как в замке графа Сечени, графа Марфи и всех других графов...

Велин увлекся и принялся вспоминать:

— И знаешь, Илиюшка, под каждой головой имеется надпись: имя охотника и точная дата, когда он убил животное...

— Да, это традиция, которая передается в роду от поколения к поколению. Господа графы высоко ценят ее и гордятся ею.

— Ну и дурачье!

— Это называется страстью. Своего рода болезнь. Понятно, что болезнь эта от скуки и безделья. И знаешь, как лечат эту болезнь?

— Как?

— Точно так, как мы сейчас и делаем: надо прогнать графов!

— А рога и головы?

— Их мы оставим, чтобы они напоминали нам о графах, которые были когда-то хозяевами и охотились в свое удовольствие.

Велин Кацарский понял шутку своего товарища и, успокоившись, продолжил свое шитье. Занавеска в дверях землянки была приподнята, и, бросив взгляд наружу, Велин увидел, как пылает равнина, залитая лучами мартовского солнца.

Он вздохнул и перестал орудовать иглой. После тяжелой и суровой зимы неожиданно наступили погожие солнечные дни.

Теперь в деревне самая работа! Женщины одни вряд ли справятся, а они здесь бездельничают... Эх, скорее бы уж началось наступление, скорее бы закончить эту войну, чтобы они могли вернуться и взяться за работу! Велин чувствовал, как мышцы на его руках набухли, соскучившись по работе, а душа изболелась в ожидании возвращения в деревню. Голос земли, теплой хлебородной земли, от которой поднимался пар, звал его. И ночью в глубине землянки он долго не мог заснуть и ворочался на своих нарах.

На соседних нарах лежал Гражев. И он, как и этот простой и необразованный деревенский парень, думал о своем доме, о том, что он оставил там, в маленьком провинциальном городе.

Он вспоминал домик на окраине и небольшой фруктовый сад, где три года назад он днями напролет читал, готовясь к экзаменам, вспоминал свою больную мать, вдову участника Сентябрьского восстания, своих товарищей, вспоминал, как работал писарем в околийском суде, какую испытал радость, когда партизаны захватили околий-

скую управу и арестовали всех господ, потом митинги, речи, ликование народа и, наконец, прием его в члены партии...

Жизнь в городке резко изменилась, сделалась полной событий, волнений, течение ее как будто ускорилось. Первые дни после освобождения прошли как во сне. За эти горячие, беспокойные сентябрьские дни жители городка пережили больше, чем за все предыдущие годы.

Работы у временного городского управления было много. Прежде всего надо было встретить Советскую Армию, которая перешла границу и победоносно шествовала по дорогам страны, неся с собой свободу, мир и спокойствие. Улицы заполнились народом. Храбрых советских воинов, с лицами, покрытыми дорожной пылью, но улыбающихся и радостных, жители города встретили цветами, флагами и песнями, так же торжественно, как когда-то во время Освободительной войны население встречало их дедов. Несколько дней городок радушно принимал дорогих гостей. Звучала музыка, поднимались бокалы за вечную дружбу, за победу... На третий день правительство Отечественного фронта издало манифест, в котором сообщало, что объявляет войну гитлеровской Германии. Началась мобилизация. Партия обратилась к молодежи с призывом вступать в армию добровольцами. И вот он оказался одним из первых, надевших военную форму... Подготовка полка к отправлению на фронт заняла несколько дней, а жители городка готовились в это время к торжественным проводам. На маленькой площади перед зданием общины состоялся незабываемый митинг. Выступили представители партии и правительства, пожелавшие им счастливого пути и полной победы.

Провожали их шумно и торжественно. Сколько народу собралось на площади! Всюду знамена, знамена, песни, цветы... В его ушах еще звучат слова оратора и возгласы собравшихся... Потом оркестр заиграл марш, и они стройными рядами, с полным боевым снаряжением промаршировали по улицам к вокзалу, а народ осыпал их цветами и подарками.

Поезд тронулся, и городок, расположившийся в складках гор, остался позади. Сознание того, что что-то бесповоротно ушло в прошлое, болью сжало его сердце, но вскоре шутки и остроты товарищей отвлекли его от грустных мыслей...

Он прошел через много стран и видел, что там происходит. Всюду, где промчался военный вихрь, царила страшная картина разрушений. Опустошенные города, развалины и смрад. На фоне холодного зимнего неба торчали остовы разрушенных домов, и напрасно глаз искал такое место, где бы можно было задержаться и отдохнуть. Целые кварталы, даже целые села и города исчезли с лица земли, и там, где прежде цвела жизнь, сейчас были руины. Вокруг скитались оборванные и голодные старики, женщины и дети, пытаясь извлечь из-под развалин домов, разрушенных авиационными бомбами или артиллерийскими снарядами, что-нибудь из своей домашней утвари... «Что стало бы с нашей маленькой страной, если бы мы не отогнали фашистов далеко от ее границ?» На этот вопрос, который неожиданно возник у него, он даже и не пытался дать ответ. В нем не было необходимости.

Он лежал с закрытыми глазами и жадно затягивался дымом сигареты. Неожиданно на него нахлынули воспоминания.

...Недалеко от маленького и грязного городка Сигетвар находился замок. Когда более полутора месяцев назад их полк проходил через этот городок на пути к Драве, он вместе с несколькими своими товарищами из штаба армии посетил этот замок.

Замок был старинный, построенный еще в конце XVI века. Сохранились высокие стены с башнями и бойницами. В архитектурном отношении замок не представлял ничего особенного, но обставлен был замечательно. Хозяева замка, бежавшие до отступления гитлеровцев, умели, видимо, хорошо пожить и роскошествовали здесь.

Следы войны были заметны уже снаружи. Двор был изрыт колесами автомашин и гусеницами танков, фасад здания изуродован артиллерийскими снарядами, как лицо человека, болевшего оспой, аллеи парка, цветочные клумбы и заботливо ухоженные когда-то газоны вытоптаны и опустошены. Издалека казалось, что деревья и кусты расцвели. Они были покрыты белыми цветами, как будто весна пришла в этот край раньше обычного. Но, приблизившись, ребята с удивлением увидели, что их покрывает пух. Оказалось, это было все, что осталось от графских одеял и перин.

С площадки перед парадным подъездом замка Гражев внимательно огляделся. Полуразрушенные деревянные по-

стройки в глубине двора представляли собой жалкие остатки прежнего великолепия. Расположенный посреди парка замок на протяжении веков постепенно разрушался, а война безжалостно завершила этот процесс.

Когда-то жизнь била здесь ключом. Многочисленные поколения сменяли друг друга, но ни одно из последующих не могло сохранить той роскоши, в которой проходила жизнь предыдущего. Деды жили лучше, чем внуки, которые сохранили только традиции и воспоминания о том, давно прошедшем времени. От поколения к поколению дегенерировал графский род, и всего четыре месяца назад последние его представители должны были навсегда оставить замок и искать убежища в чужой стране.

Гражев поднялся по широкой каменной лестнице с высокой колоннадой по сторонам и массивными чугунными фонарями наверху. Он вошел в приемный салон графа, выдержанный в строгом охотничьем стиле. Маленькие решетчатые оконца процеживали слабые солнечные лучи, освещавшие основание широкого камина, немного приподнятое над полом, и расположенную рядом с ним узкую и извитую, как раковина улитки, деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. В этом маленьком салоне граф принимал, наверное, после продолжительной охоты своих друзей, здесь они веселились и пировали.

Теперь здесь расположилась воинская часть. В просторных светлых залах царил невообразимый беспорядок. Кровати стояли пустые, платяные шкафы с разбитыми дверцами зияли пустотой, во всех залах валялись разбросанные вещи. Незадолго до того как сюда пришли болгарские солдаты, здесь располагался немецкий обоз. Спальню графини превратили в конюшню и лошадей привязывали к резным украшениям кроватей.

Гражев долго бродил по огромному замку, по двору, а когда поздно вечером вернулся в свою часть, все увиденное им в замке стояло перед глазами.

Спальня графини, превращенная немцами в конюшню, — что за веселая и забавная картина! Но только этого и заслуживают графы, эти продажные прислужники Гитлера, которые по заслугам понесут наказание вместе с ним!

Гражев знал, что временное венгерское правительство в Дебрецене решило раздать землю крестьянам, а замки превратить в детские дома и общежития. Несчастная

страна эта полуфеодальная католическая Венгрия! Горстка богачей жила в невиданной роскоши, а народ прозябал в нищете на грязных окраинах городов... Сможет ли новое правительство преодолеть это тяжелое наследие прошлого?..

В синих облаках дыма перед Гражевым проносились картины недавнего прошлого. Быстро чередуясь, они заполняли землянку знакомыми образами близких и далеких людей. Ему хотелось подольше удержать их в своем сознании, но сделать это было трудно: как облака, гонимые ветром, они разбегались, испуганные, а на их место сразу же приходили новые. Как это приятно: лежишь на спине и куришь, а вокруг тебя такая тишина!

Неожиданно в землянке кто-то запел.

Гражев поднял голову. Это учитель снял со стены свою гитару, и его длинные, костлявые пальцы с неуловимой быстротой забегали по струнам.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Товарищи один за другим подсаживались к нему. Не сводя глаз с поющих губ учителя, они спешили окунуться в бурный поток веселья.

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой!

У учителя был самый легкий голос. Он поднимался вверх, над их головами, как тихий, но свободный призыв к счастью.

Но как раз в этот момент дверь в землянку отворилась, и все, вскочив, встали по стойке «смирно».

3

Поручик Дончев, их ротный командир, остановился на пороге в дверном проеме, закрыв его своим могучим, богатырским телом. В полумраке лица его не было видно, но они знали, что оно у поручика грубое и некрасивое. «Он некрасив, зато какие у него веселые глаза!» — подумал Гражев. Большой чудак и отчаянный храбрец этот поручик Дончев, изумивший всех своими подвигами в боях у Страцина и Кривой Паланки! Гражев быстро отступил в глубь землянки, освобождая ему дорогу, и тогда все уви-

дели, что поручик Дончев пришел не один. За ним в тесной и неглубокой траншее в нетерпеливом ожидании стояло несколько офицеров. Когда они приблизились к входу в землянку, Гражев увидел среди них заместителя командира полка и удивился его неожиданному визиту. Но больше всего его удивило то, что в этой группе находилась и женщина. В первый момент он ее не заметил, потому что она была одета в такую же форму, как и остальные офицеры, и ничем не отличалась от них, кроме того, что не было у нее погон, а из-под армейской фуражки выбивались длинные пряди волос. «Врач!» — подумал Гражев и заметил, что военная форма выдавала некоторую полноту ее высокой фигуры. Он не мог понять, откуда здесь взялась женщина, и, когда она вместе со всеми направилась в землянку, сердце его невольно забилось сильнее.

Группа вошла в землянку шумно и порывисто, подобно тому как врывается через открытые двери ветер, не встречая никакой преграды на своем пути. Землянка сразу же наполнилась веселыми голосами и смехом, как будто кто-то откупорил огромную бутылку старого вина и оно лилось сейчас густой, прохладной и шумной струей.

Заместитель командира полка стоял справа от входа и с любопытством рассматривал все вокруг. Это был красивый молодой человек, русоволосый, тщательно выбритый. Его разноцветные глаза время от времени вспыхивали в полумраке. Его взгляд проникал всюду, во все уголки землянки, внимательно измеряя и оценивая все, что представляло какой-либо интерес. Когда он заметил картину с Петефи, легкая улыбка, словно луч света, пробежала по его лицу и застыла на тонких, бескровных губах.

— Смотри-ка, чем ребята обзавелись! — сказал он и обернулся к женщине, усевшейся на нары. — Что ты на это скажешь, Вера?

— Красивая картина! — просто ответила та и посмотрела на Гражева. — Это ваша?

— Нет, моего товарища, — ответил, смутившись, Гражев, показал взглядом на Велина Кацарского и почувствовал, как предательский румянец заливает его лицо. Непонятно почему, но вопрос женщины привел его в замешательство.

После короткой паузы она спросила снова:

— А кто только что так хорошо играл на гитаре? —

И опять ее взгляд устремился к Гражеву. Тот нахмурил брови.

— Учитель... Петр Топалский, — указал он рукой.

— А-а! Это вы, товарищ?

— Я.

— Очень хорошо!

— Рад стараться, госпож...

Учитель не договорил. Веселый безобидный смех заполнил землянку. Как бурный поток, он разлился и унес последние остатки смущения. А когда первая волна веселья утихла, все вдруг почувствовали, что в этот момент ничто их не разделяет и ничто не может помешать им шутить и веселиться. Все условности рухнули, и тем, что их больше всего связывало в этот момент, была музыка.

Оказалось, что Вера очень хорошо поет. Ее нежный голос резко выделялся среди грубых мужских голосов, низких и неуверенных.

В продолжении нескольких минут все слушали. Никто не решался первым нарушить это напряженное состояние ожидания, что сейчас произойдет что-то необычное, исключительное. Расположившись на своем месте в глубине землянки, Гражев пытался найти ответы на возникшие у него вопросы.

Была ли она красива? Увидев ее впервые, можно было сказать только одно: ни красавица, ни дурнушка. Это была самая обыкновенная, лишенная каких-либо выдающихся достоинств девушка, какие встречаются в жизни на каждом шагу. Даже ее фигура в этой простой военной одежде казалась несколько полноватой, хотя движения стройного тела были легкими.

Но он должен был сразу же признать, что если с первого взгляда не мог сказать о ней ничего определенного, то уже через несколько минут ему пришлось изменить свое мнение. Было в ней что-то необыкновенное, что-то исключительное, что привлекало его. Он не мог с определенностью сказать, что это было такое, но так он чувствовал. Прежде всего это было какое-то обаяние, исходившее от нее. Может, дело было в ее осанке, в том, как прямо она держала голову, когда смотрела и говорила, а может, и в чем-то другом, чего он не мог определить. Она сняла армейскую фуражку, и ее волосы, буйные, цвета выгоревшей на солнце травы, в беспорядке рассыпались по стройным плечам. Сейчас она казалась далекой и неприступ-

ной, как рисунок в старинном альбоме. Глаза у нее были светло-серые, блестящие, и, может быть, в этом заключалась причина ее обаяния.

Гражев задумался, он не слышал и не видел, что происходило вокруг, и еще долго после того, как песни утихли, не мог прийти в себя. Как во сне услыхал он, что кто-то зовет его, и по голосу узнал, что это его ротный командир.

— Гражев... Илия Гражев!

Гражев быстрым движением поднялся с места.

— Я, товарищ поручик...

— Отправляйся немедленно в пулеметную ячейку и проверь, все ли там организовано для наблюдения!

Оказавшись в окопе, залитом мартовским солнцем, низко спустившимся к стоящим поблизости тополям, Гражев почувствовал, как свежий воздух, шедший волнами со стороны Дравы, наполняет его грудь, заставляя дышать глубже. В кустах неподалеку порхали птички, а высоко в отливающем голубизной небе парил ястреб, и по спиралевидным кругам, которые тот проделывал, Гражев понял, что ястреб уже увидал свою жертву. Широко открытым ртом Гражев вдыхал насыщенный влагой воздух, замирал время от времени и прислушивался. Снизу доносился тихий и влажный шум реки, а на тысячи метров вокруг не было ни малейшего признака жизни. Повсюду на позициях царила тишина. Все притаились и ждали. Он подумал, что по всей этой равнине разбросано несколько сот землянок, в которых, подобно кротам, живут под землей люди.

Дорога до пулеметной ячейки заняла у него больше времени, чем обычно. Причина этого была ему понятна. Сержант и два солдата уже установили там стереотрубу и ждали приказа. Не сказав им ничего, кроме того, что он послан проверить, все ли готово для наблюдения, Гражев сразу же вернулся и доложил об увиденном своему командиру.

Так же шумно, как и пришла, группа покинула тесную и темную землянку. Пригнувшись, один за другим они направились по траншее к тому месту, где была установлена стереотруба. Вероятно по привычке, они прекратили разговоры, так как по опыту знали, что громкая речь помогает противнику обнаружить их.

Впереди шел поручик Дончев, за ним заместитель

командира полка и остальные. Замыкала группу Вера. Гражев следовал за ней как тень и не смел поднять глаз, чтобы не видеть ее выбившиеся из-под фуражки волосы, словно магнитом притягивавшие его взгляд. Он поднял глаза только один-единственный раз и успел заметить ее маленькое розовое ухо с золотистым пушком у мочки. Они довольно далеко отстали от других, так что никто не заметил охватившего его смущения.

Поручик Дончев и заместитель командира полка уже дошли до места назначения, когда она, прежде чем повернуть к реке, остановилась и обернулась к нему.

— Что случилось? — спросил он озабоченно.

— Я подумала, что сейчас со мной может произойти какая-нибудь неприятность.

— Не бойтесь, — успокоил он и не без гордости добавил: — Мы все замаскировали так хорошо, что и самый опытный наблюдатель не сможет нас увидеть!

— Спасибо, — ответила она, улыбнувшись ему.

Они вдвоем продолжали путь: она шла впереди, он за ней, почти касаясь головой ее плеча, которое, как ему казалось, вздрагивало от самого слабого прикосновения.

— Извините, — обратился он к ней, — могу ли я спросить вас кое о чем?

— Да, — ответила она, обнажив в улыбке два ряда красивых белых зубов.

— Можно мне узнать, вы... врач?

— Почему вдруг врач?

— Ну, так я подумал, когда вас увидел...

Она тихо засмеялась:

— Разве я похожа на военного врача?

— Да.

— Я военная корреспондентка! — сказала она твердым голосом, в котором прозвучала гордость.

Гражев больше ничего не сказал ей. Они присоединились к другим, выбрали место, устроились поудобней и принялись ждать своей очереди посмотреть через стереотрубу на позиции неприятеля, расположенные за Дравой. Офицеры уже по нескольку раз сменили друг друга у стереотрубы, но не подпускали к ней Веру и Гражева, говоря, что заметили там нечто весьма интересное, чего нельзя терять из виду.

— Товарищ заместитель командира полка, — сказал Гражев, — сегодня утром, когда я был на посту, мне по-

казалось, что на этой башне, которую видно невооруженным глазом... — И он принялся рассказывать так, как будто это были не его соображения, а результаты самого тщательного и продолжительного наблюдения. Он попросил разрешения показать им, и они позволили ему посмотреть в стереотрубу.

— Вон это где! — показал он рукой. — Вы видите башню этой маленькой церквушки?

— Да.

— Оттуда они ведут наблюдение за нами.

Заместитель командира приложил ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от лучей заходящего солнца, и посмотрел в указанном направлении. Некоторое время он пытался разглядеть острый верх башни среди оголенных верхушек тополей, купавшихся в лучах заходящего солнца.

— Да, как будто что-то такое там есть, — негромко сказал он и принялся искать церквушку на лежавшей перед ним карте.

— Это в Нижнем Михоляце! — пришел к выводу поручик Дончев и накрыл своим толстым пальцем черную точку на карте, обведенную синим кругом.

— Да, нет никаких сомнений, — подтвердил заместитель командира полка и кивком предложил посмотреть и другим.

Все пришли к выводу, что Гражев прав. Они еще по нескольку раз посмотрели в стереотрубу, потом быстро обменялись мнениями о необходимости продолжать наблюдение и решили, что пора идти.

Солнце садилось за низкие вербы на противоположном берегу Дравы. Со стороны реки, легкие, как дым, медленно ползли вечерние сумерки.

4

Внизу, в русле пересохшей речушки, скрытые кустами, их ждали две автомашины. Группа медленно направилась к ним. Пройдя согнувшись в окопах метров пятьдесят, все с облегчением выпрямились.

Заработали моторы. Заместитель командира полка дал знак офицерам, и они один за другим уселись в машины. Затем он подозвал к себе поручика Дончева и напомнил ему, что через два дня они приедут снова.

— А пока внимательно наблюдайте!

— Понимаю, товарищ заместитель командира полка.

— В следующий раз и командир полка приедет, — сказал заместитель и подал ему руку.

Гражев стоял в стороне, испытывая какое-то неопределенное чувство. Может, это чувство было волнением, вызванным расставанием с девушкой? Его взгляд невольно остановился на Вере, и он почувствовал, как сердце его беспокойно забилось. Испытывая головокружение, он приблизился к автомашине, в которой она сидела, и улыбнулся.

— А вы не поедете? — спросила она, и в ее голосе он почувствовал сожаление.

— Я не могу.

— Жаль, — сказала она, — мы так хорошо могли бы поговорить в дороге!

Он посмотрел ей в глаза и смело направился к двум своим командирам.

— Товарищ поручик, если можно, прошу разрешить мне съездить в штаб. Мы уже шесть дней не получали почту. Я вернусь завтра утром.

Широкая добродушная улыбка тронула полные влажные губы поручика. Лукавый огонек зажегся в его веселых зеленых глазах. Он смотрел на Гражева, и улыбка не сходила с его губ, что было признаком того, что он колеблется.

Вмешательство заместителя командира полка решило вопрос в пользу Гражева.

— Чего он хочет? — спросил тот и посмотрел на часы.

— Доехать с вами до штаба.

— За почтой, — дополнил Гражев и поспешил избавиться от виноватого выражения, которое появилось на его лице.

— Можно, — согласился заместитель командира полка. — Садитесь!

Быстрым движением Гражев отдал честь и резко повернулся кругом. В несколько прыжков он оказался у автомашины и занял указанное ему место.

Через несколько минут автомобили поползли между низкими вербами по изрытой дороге. Заместитель командира полка сидел на переднем сиденье рядом с шофером. Гражев смотрел на его худой затылок, заросший редкими русыми волосами, и испытывал к нему невыразимое чувство благодарности.

На первом повороте Гражев оглянулся. Освещаемые последними отблесками заходящего солнца, за окном автомашины виднелись землянки, расположенные рядами вдоль берега Дравы; выходы каждой из них смотрели в сторону поля. Было видно, как из всех землянок высовываются серые фигуры солдат и с любопытством поворачиваются в сторону верб, где по лугу, прерывисто гудя, ползли две автомашины, похожие издалека на жуков. Густая сеть окопов и ходов, пулеметных и минометных гнезд соединяла землянки друг с другом и покрывала все пространство между лугами и высоким берегом реки. Казалось, что огромное стадо кротов поселилось здесь, перерыло землю и образовало в ней густую систему ходов, напоминающую своим видом паутину. Гражев обратился к заместителю командира полка:

— Товарищ заместитель, говорят, что мы долго здесь не задержимся...

— Кто говорит?

— Да так... солдаты говорят.

— И что именно они говорят?

— Что скоро мы перейдем в наступление.

— Ну, это другое дело! — сказал заместитель командира полка и добавил: — Что же касается наступления... увидим. Еще рано об этом говорить! — Он помолчал немного, задумался, а потом спросил: — А как там у вас в роте идет просветительная работа?

— Никак, товарищ заместитель командира полка.

— Никак? Это почему?

Гражев пожал плечами. Заместитель командира полка обернулся:

— Как это может быть? Неужели ваш командир... из таких, а?

— Командир у нас хороший... но ничего не поделаешь, товарищ заместитель командира полка... Ребята все необразованные. Да и времени у нас нет — все мы заняты... С тех пор как последний раз вы с нами разговаривали, никто с нами больше не беседовал... Я, конечно, могу и сам, но...

— Хорошо. Приходите завтра ко мне — поговорим, придется вам начать эту работу самому. Вы состоите в какой-нибудь партии?

— Так точно, товарищ заместитель командира полка.

— В какой?

— Ну, в Рабочей партии, конечно.

Снова воцарилось молчание, в котором они втроем слушали тихую песнь мотора. Машина поднялась на вершину поросшего редким лесом холма. Отсюда была видна вся равнина, по которой, словно малюсенькие белые стада, были разбросаны села со своими островерхими домиками, с неизменной башней церквушки среди них. В следующий момент они спустились вниз, и разговор возобновился.

Гражев наклонился к офицеру и сказал:

— Товарищ заместитель командира полка, прикажите, чтобы нам присылали побольше газет. Шлют мало, а мы очень в них нуждаемся!

— Хорошо, прикажу. Регулярно ли вы их получаете?

— С большим опозданием.

— Да, это плохо. Газеты должны поступать вовремя. А есть ли у вас окопная газета?

— Нет, товарищ заместитель командира полка.

— Товарищ Василева, возьми себе это на заметку. В роте поручика Дончева организовать окопную газету. Собери ребят поактивней и покажи им, как это делается. Гражев тебе поможет!

— Слушаюсь, товарищ заместитель командира полка, — ответил Гражев и повернулся к Вере. — Когда вы к нам придете, товарищ?

— Завтра.

— Значит, вместе со мной?

— Да.

Он хотел сказать: «Как я рад!», но испугался своей смелости, которая показалась ему дерзостью, и сказал только:

— Как быстро!

А она стала оправдываться:

— Это моя ошибка, что я до сих пор не побывала у вас. Но надеюсь, что мне удастся искупить свою вину...

Они выехали на широкую и ровную дорогу. По обеим ее сторонам тянулись березовые и буковые рощи. Было еще совсем светло, и они любовались открывавшейся им из окна автомашины картиной.

На одном из поворотов, когда машина резко наклонилась и они оказались совсем близко друг к другу, он успел шепнуть ей на ухо:

— Давно вы знакомы?

— С кем?

— С товарищем Петровым.

Вера посмотрела на него с удивлением.

— Он мой двоюродный брат, — сказала она.

Это были последние слова, которыми они успели обменяться.

Все чаще им стали попадаться солдаты. Пустое и голое поле, где глазу не на чем остановиться, — и вдруг у дороги, около какого-нибудь одиноко стоящего дерева, перед которым торчали обглоданные скелеты брошенных гитлеровских грузовиков, появлялся солдат, встававший при виде проезжавшей мимо машины по стойке «смирно», с винтовкой у ноги и отдававший честь. Постепенно картина оживлялась. По обеим сторонам дороги, в глубине лугов и полей, среди неубранных стеблей кукурузы или в редких буковых и березовых рощицах были видны большие дальнобойные орудия, вокруг которых сновали артиллеристы. Орудия были замаскированы густыми сетями, обмотанные соломой дула торчали над землей, как хоботы слонов, готовых в любую минуту тревожно зареветь. Рядом с ними были устроены глубокие землянки, из маленьких отверстий в крышах которых тонкими лентами струился серый дым.

В Харкане они остановились только на несколько минут. А потом снова отправились в путь. До Драва Саболч было еще три километра.

Неожиданно машина сбавила скорость и остановилась. Гражев приподнялся и огляделся.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Пустяки. Мост поврежден, и придется объезжать эту рощу... Это нас задержит, но зато у нас будет больше времени поговорить.

Испытывая большую радость, он продолжал объяснять ей тихим, ласкающим ухо голосом:

— Саперы чинят мост. Вероятно, немцы взорвали его при отступлении, иначе как могли оказаться разрушенными его мощные основания? Посмотрите, пожалуйста, что делается вокруг... Грузовики, легковые автомашины и орудия! Все разбито и валяется вверх колесами... Вот танк с немецким знаком, он как будто оскалился! Снаряд просверлил его броню... Большой бой был здесь!

Давно уже наступила тихая мартовская ночь, но зоркие глаза Гражева видели все, и он описывал Вере все

до мельчайших подробностей. Прошло уже несколько минут, а он еще продолжал свой рассказ, испытывая радость от того, что она слушает его. Когда он обернулся и увидел ее лицо, на его губах появилась легкая улыбка. Вера спала. Подхваченные легким ветерком волосы закрыли ее лицо, не давая возможности как следует рассмотреть его выражение. Лицо это показалось ему в тот момент прекрасным, исполненным какой-то волшебной силы. «Вот как она выглядит, когда спит», — подумал он и попытался укрыть ее своей шинелью. Но от этого легкого прикосновения она вздрогнула и проснулась.

— Извините, я не хотел вас будить. Холодно, вот я и подумал... как бы вы не замерзли...

А она терла глаза с виноватым выражением, стараясь прогнать остатки сонливости. Улыбнулась ему застенчиво и сказала совсем тихо, как будто обращаясь к самой себе:

— Я и не заметила, как заснула!

— Если вы устали, прилягте. Вы еще можете подремать, пока мы доберемся до места.

— Мне уже не хочется спать!

И, тронув заместителя командира полка за плечо, она сообщила ему, что решила на следующее утро отправиться в роту поручика Дончева и провести там беседу с солдатами о роли и значении окопной печати...

— Замечательно. Я полностью рассчитываю на тебя, Гражев, помогай товарищу!

— Мы уже договорились, товарищ заместитель командира полка. Завтра мы и вернемся вместе.

Они въехали в село. Наступил тот поздний вечерний час, когда тьма и свет борются друг с другом, и в этой борьбе побеждает тьма.

Драва Саболч было маленьким, но аккуратным селом. Улицы широкие и прямые, дома не очень большие, но достаточно просторные для того, чтобы вместить в себя большие семьи их владельцев.

Гражев вспомнил, какая была обстановка в венгерских домах, в которых они останавливались на ночлег во время марша. Венгры люди гостеприимные и принимали их очень радушно. Они отводили солдатам свои лучшие комнаты и стелили такое белоснежное белье, что им, запыленным и вспотевшим с дороги, стыдно было ложиться в постели. Хороши были мягкие пуховые перины и одеяла. Хорошим было и вино, которым их угощали... Одного

нельзя было понять: почему дома венгров так похожи один на другой и почему домашняя утварь совершенно одинакова? Казалось, что все дома были сооружены по одному и тому же проекту, возведены одним и тем же строителем, построены из одного и того же материала. Все те же темные комнатушки, заставленные ненужной дорогой мебелью, стены, увешанные теми же самыми картинами, и все тот же знакомый образ святой девы с младенцем на руках. Нет, ничего не могло быть глупее, чем эта лицемерная религия и этот полуфеодальный строй!

Они подъехали к двери большого серого двухэтажного здания, в котором размещался штаб полка. Шофер заглушил мотор и принялся копаться в нем. Появилась группа солдат. В колонне по три, с лопатами в руках, они медленно прошли мимо и скрылись в темноте, распевая какую-то протяжную песню. Солдаты возвращались с окраины села, где рыли окопы, пулеметные и минометные гнезда. Из соседних домов выглянуло несколько старых венгров, сейчас же быстро скрывшихся в маленьких, погруженных в темноту дворах. Жители этого села уже давно эвакуировались, и только в десяти домах с разрешения командования остались старики, которые должны были присматривать за имуществом.

Гражев распрощался с Верой. Они договорились встретиться на следующее утро, и он отправился по тихим улицам в поисках штабной роты, где надеялся найти место для ночлега.

В штабе

1

Заместитель командира полка не очень хорошо ориентировался в дворовых постройках, но все же без особого труда нашел узкую каменную лестницу и поднялся на первую ступеньку.

Сверху через щели в плотно затворенных ставнях на плитки, которыми был вымощен двор, тонкими лучами падал лимонный свет. Он шел из комнаты на третьем этаже, откуда доносилось несколько мужских голосов. Их обладатели спорили, пытаясь что-то доказать друг другу. «Старый еще работает! — подумал заместитель командира полка. — Я не знаю офицера, который был бы более пре-

дан делу, чем он. Готов умереть, но закончить свою работу в срок. До чего же упорный! Но кто это с ним?»

В полутемном коридоре он остановился. Штабной связной дремал на сундуке в глубине коридора и, заметив заместителя командира полка, испуганно вскочил, как будто тот его уличил в преступлении.

— Кто у командира? — спросил заместитель командира полка на ходу, направляясь к двери.

— Майор Конопицкий и...

Остальные две фамилии он не расслышал, потому что был уже в комнате. Войдя в нее, он встал по стойке «смирно» и отдал честь.

На столе посреди комнаты была разложена карта, над которой склонились четверо офицеров. Они были так поглощены своим делом, что даже не посмотрели, кто вошел, продолжая спорить, указывая пальцами на что-то на огромной расчерченной квадратами карте. И только когда он тихо приблизился и откашлялся, Старый, как называли за глаза командира полка, устало поднял голову и посмотрел на него выцветшими глазами.

— А-а, Петров! Приехали?

Старый протянул ему руку. Потом Петров поздоровался с майором Конопицким и с двумя другими штабными офицерами, приветливо улыбнувшимися ему.

— Вас сегодня здесь не было! — с удивлением в голосе произнес майор Конопицкий и спросил: — А где вы были?

— На передовых позициях, товарищ майор.

— Ах да! Что там произошло?

— Ничего особенного.

— Вот как!

По лицу майора Конопицкого пробежала легкая тень разочарования. Последние два слова он произнес так, будто сожалел о том, что ничего не произошло. В его глазах молодой офицер прочитал скрытую, невысказанную мысль: «Ничего хорошего в этом нет!»

Оба они одновременно склонились над картой. Толстый палец командира показывал районы, которые в данный момент занимали подразделения полка. Полковник пытался вкратце обрисовать схему предстоящего расположения, когда станет необходимым передвижение всего фронта полка, но майор Конопицкий ему возразил, и это положило начало горячему, бесконечному спору. Молодой

офицер слушал их, и ему казалось, что спорят они напрасно.

Старый бывал очень запальчив в споре, он казался непримиримым и не соглашался ни с чем, что противоречило его доводам. Крепкого сложения, слегка сутулящийся, он то склонялся над картой, то резко выпрямлялся, и в этих удивительно быстрых движениях его проявлялась такая энергия, которую трудно было ожидать от человека такого возраста. Его глаза, маленькие и серые, блестевшие, как капли расплавленного металла, сверкали в полумраке и выражали готовность спорить до самого утра, но не сдаваться до тех пор, пока он сам не убедится, что не прав. Он, старый кадровый офицер царской армии, хотя и был воспитан в традициях немецкой военной школы и принес в свое время присягу на верность царю, терпеть не мог надменности и жестокости пруссачества и всем своим существом ненавидел продажную дворцовую клику. Сын ополченца Освободительной войны, он остался верен своему народу и заветам отца: ни разу за все время своей военной службы, после заключения мира и позже, в самые тяжелые и кровавые годы фашизма, не поддавался он никакому постороннему влиянию, сохранил свои руки чистыми, не запятнал их народной кровью, твердо выдержал нажим и не сделался жалким и презренным орудием в руках дворцовой клики и безумного фюрера — ничтожного немецкого ефрейтора из австро-венгерской армии, который вообразил, что может покорить мир и установить господство германских концернов, насадить повсюду немецкий мещанский дух и прусскую военщину. Да, Старый выстоял и сохранил свои руки чистыми, хотя за тридцать лет своей офицерской службы не поднялся выше командира полка. Но он, конечно, не сожалел о том, что не поддался нажиму. Наоборот, в этом он находил известное оправдание тому, что стремления его остались неосуществленными, мечты не сбылись. Более того — теперь он даже испытывал гордость от того, что именно так сложилась его судьба, судьба честного офицера, кровно связанного со своим народом!

И вот теперь ему пятьдесят четыре года, давно пора бы уже быть в запасе, а он оказался еще нужен: ему доверили командовать одним из полков армии, которая бок о бок с Советской Армией воюет с ненавистным ему фашизмом. Он горд и рад, что волна всенародного энту-

зиазма, поднявшаяся после вооруженного восстания, не отбросила его в сторону, как она сделала это с некоторыми из его товарищей, а увлекла его за собой, вновь поставила на ноги, вернула ему мужество, веру и твердость солдата, который всю жизнь мечтал бороться за торжество правды, за народ. Всего за несколько месяцев этой войны он преобразился духовно и физически, помолодел. Казалось, ему снова двадцать четыре года, столько, сколько было ему, когда началась первая мировая война, на которой он столкнулся с пруссачеством и сразу же навсегда почувствовал отвращение к высокомерию, грубости и алчности союзника. Против этого бывшего союзника, а теперь врага он воевал, и ничто не могло погасить ненависти полковника к врагу за то, что тот обманул его своими обещаниями, искалечил духовно и обрек на страдания, продолжавшиеся целых тридцать лет.

Честный старый полковник сегодня еще больше ненавидел врага и был преисполнен стремления нанести ему тяжелый удар, расстроить его планы, лишить его силы, но сам он не осознавал, что в нем еще осталось что-то от пруссачества и немецкой военной школы, мешавшее ему видеть вещи такими, какие они есть, делавшее его иногда почти слепым, превращавшее его в человека ограниченного и неспособного понять, что сегодня нельзя уже воевать, используя ту же стратегию и тактику, которой его учили старые уставы. Он был страстным приверженцем разных готовых формул, испытанных и проверенных приемов, что делало его в вопросах тактики сухим догматиком, и, может быть, поэтому он не видел своих заблуждений и не желал соглашаться с возражениями и доводами младших коллег, особенно советского инструктора, который казался ему слишком молодым, чтобы учить его, как надо воевать.

Но майор Конопицкий совсем не обижался на упрямство старика. Это был спокойный и деловой человек. Он внимательно выслушивал горячившегося полковника и отвечал ему с легкой, едва заметной улыбкой. Высокий и стройный, с русыми, коротко подстриженными усиками, делавшими его еще моложе, майор не вызывал у Старого доверия, и тот слушал его только из уважения к его должности и в силу того, что майор представлял в его полку опытную, овладевшую в боях военным искусством Советскую Армию. Остальные офицеры давно уже поняли,

кто прав в этом споре, и сейчас молча переглядывались в ожидании того, что молодой советский инструктор, в способностях и опыте которого они не сомневались, вынудит упрямого старика отказаться от своей теории. Склонившись над картой, они смотрели, как майор Конопицкий спокойно указывал пальцем в одну точку, тихо приговаривая:

— Сюда... вот сюда, господин полковник!

— Нет, вы ошибаетесь, майор.

— Ни в коем случае! — все так же спокойно и тихо настаивал майор. — Если разрешите, я вам сейчас это докажу... Вот так!

И, еще ниже склонившись над картой и прищурив глаза, он принялся наносить карандашом план обороны. Полковник слушал его внимательно, постепенно убеждаясь, что молодой офицер прав, но, когда был затронут вопрос о расположении частей противника, спор разгорелся с новой силой.

Заместитель командира полка видел, что их взгляды существенно различаются в представлении о том, что может предпринять противник при заходе в тыл артиллерийским позициям после форсирования реки. В силу этого каждый из спорящих твердо отстаивал свою точку зрения. Особенно большие разногласия выявились тогда, когда пришло время обозначить на карте то место, где противник, по-видимому, сосредоточил большие силы и откуда в последнее время осуществлял частые и усиленные разведывательные операции в районах, расположенных по эту сторону Дравы.

— Здесь, на этом месте, сосредоточена крупная группировка противника, — настаивал командир, и его толстый палец уверенно прочерчивал круг около какого-то маленького черного пятнышка.

— Нет! Вот здесь!

— Здесь Нижний Михолац!

— Так точно, господин полковник.

— Но возможно ли, чтобы противник держал там такие крупные силы?

— Возможно. Только что полученные сведения разведки подтверждают это.

Спор разгорелся снова. Заместитель командира полка понял, что положение можно исправить, если сообщить им о результатах сегодняшних наблюдений.

— Вот здесь обнаружено передвижение значительных сил противника! — сказал он, показывая пальцем обведенную на карте синим карандашом точку. — Ночью наши часовые слышали шум моторов, а сегодня я лично наблюдал передвижение войск противника на той стороне реки...

— Ну вот видите! Значит, я прав... Ну что?

Рассказав о том, что он сегодня наблюдал в стереотрубу, и сообщив сведения, полученные от командиров отдельных частей, Петров изложил свои соображения относительно того, что следовало бы предпринять в ожидании предстоящего наступления противника.

— Да, это так, — согласился командир полка. — И в приказе командующего армией говорится, что противник готовится...

— Это верно.

— Но мы-то спорим о другом! Где противник сосредоточил свои основные силы? Я продолжаю придерживаться своей точки зрения. Ну да ладно, отложим этот вопрос до следующего раза. Как вы думаете, господин майор, не затронут ли вскоре и наш юго-западный фланг те атаки, которые противник предпринимает на северо-востоке от Балатона?

— Это и есть самый главный вопрос! — задумчиво ответил майор Конопицкий и принялся ходить взад-вперед по комнате, заложив руки за спину. Но вот он остановился и, обратившись сразу ко всем четверым, сказал: — Я считаю, господа, что нельзя терять времени... В любой момент противник может предпринять наступление и здесь, на Драве. Поэтому мы должны быть готовы! Да, обязательно должны быть готовы ко всяким неожиданностям.

Командир полка кивнул в знак согласия. Он капитулировал перед майором и считал себя обязанным согласиться с ним. Оказывается, этот молодой офицер имеет больший, чем он, боевой опыт и безошибочно разбирается в обстановке.

Была уже полночь, но офицеры все не расходились. Эти суровые люди привыкли мало спать и вообще не заботились о себе. Все были заняты делом. «Наверняка и в штабе дивизии и в штабе корпуса идет такая же напряженная работа. Позвоню-ка я завтра инструктору, когда пойдет сюда, пусть захватит с собой новые карты, полученные из Болгарии!» — решил Петров. Тихо, не замечен-

ный занятыми картой офицерами, заместитель командира полка вышел из комнаты и направился на телефонную станцию.

— Никто мне сегодня не звонил? — спросил он телефониста.

— Так точно, товарищ заместитель командира полка. Вам звонили из Драва Палконя.

— Кто?

— Звонивший не назвал себя. Только спрашивал вас. Сказал, что еще вам позвонит.

— Хорошо. Дай-ка мне Харкан!

Сонный телефонист, с торчащими над губой черными усиками, завертел ручку аппарата.

— Алло-о!..

У него был очень серьезный вид, казалось, он готовился произнести речь.

— Алло! Да! Кто это? Ты, Забор? Дай-ка мне «Вулкан»!

Из телефонной трубки раздался охрипший, невообразимо скрипучий голос.

— Занято! — сказал этот голос с другого конца провода.

Но телефонист не уступал.

— Как только освободится, соедини! — сказал он важно и обернулся к Петрову. — Занято, товарищ заместитель командира полка! Подождите немного. Я сейчас еще позвоню...

Но Петров не стал ждать, пока освободится линия, и ушел. Дело это было не срочное и могло подождать до утра. Кроме того, он чувствовал себя усталым и хотел спать. А утром ему предстояло важное дело: посетить все подразделения полка и поговорить с солдатами, подготовить их к предстоящим действиям.

2

Петров быстро спустился по лестнице и направился к зданию в глубине двора, где находилась его комната. По дороге он неожиданно вспомнил Веру. Мягкая, снисходительная улыбка долго не сходила с его губ.

Для него встреча Веры с Гражевым была одним из тех редких эпизодов, которые не оставляли в его воображении сколько-нибудь отчетливого следа. Он напрягал

память, стараясь вспомнить что-нибудь особенное, на что обратил внимание во время поездки, но ему это не удалось, и снова та же самая мягкая, снисходительная улыбка появилась на его лице... Ну и что, разве он ее опекун? Правда, она приходилась ему родственницей, и отец Веры при расставании просил его заботиться о ней и беречь ее, но... Нельзя же от него требовать, чтобы он оставил свои дела и водил девушку за ручку! Медленно, испытывая чувство усталости, он разделся и улегся. Но заснуть ему не удавалось, и он долго ворочался в постели.

В открытое окно падал мягкий свет, в котором смешались легкие, молочного цвета лучи, шедшие от луны, и более плотные, падавшие из окошка третьего этажа, где уже царила тишина. Петров поднялся, надел шинель и вышел во двор.

Усевшись на кучу старой разбитой домашней утвари, в беспорядке сваленной в углу двора, он предался размышлениям.

Иногда из глубокого мрака прошлого возникают вдруг воспоминания, поражающие нас своей силой. При воспоминаниях о детстве румянец покрыл его щеки.

В памяти молодого человека самые важные события мирно сосуществовали с самыми малозначительными. Он родился в одном из тех маленьких городков глубокой, глухой провинции, где даже получение телеграммы становится событием чрезвычайным. Школьные годы его прошли в скитаниях по чужим домам, в безвкусно обставленных комнатах, пропахших кухонными запахами, сушеными фруктами и дешевым мылом. От этих комнат, обветшалой мебели и покрытых слоем пыли портретов прадедов веяло стариной и забвением. Там человек всегда испытывал чувство одиночества, тоску, подавленность, хотя из соседних комнат иногда и доносилась перебранка хозяев и вздохи старого, расстроенного пианино, на котором училась играть хозяйская дочь.

Позже, в студенческие годы, он оказался в новой среде, среди беспокойных, неугомонных, вечно спешивших молодых людей, которые внесли в его жизнь тревогу, напряжение и ожидание чего-то, что должно произойти. И хотя то, чем он занимался, было сопряжено с опасностью, радостное настроение не покидало его. В своей стихии чувствовал он себя здесь, среди собравшихся в Софию со всех концов его небольшой родины бедных моло-

дых людей, перед которыми стоял требующий решения вопрос: быть или не быть. И впервые жизнь его приобрела глубокий смысл, он поклялся бороться за счастье своего народа: или победить вместе со всеми, или умереть героем. И нарушить эту клятву он не мог.

В концентрационном лагере вместе с другими товарищами он оказался в тяжелых, невыносимых условиях. Но в борьбе между жизнью и смертью он выстоял до конца. Когда пять месяцев назад с гор спустились партизаны, а Советская Армия прошла по стране, большая, полноводная река народного движения увлекла за собой и его...

И вот теперь он здесь, в этой чужой и далекой стране. Вместе с солдатами он прошел тяжелый, полный испытаний путь от Софии до Дравы.

Что им здесь нужно? Имели ли они право прийти из далекой маленькой Болгарии в эту чужую страну? Без сомнений — да! Непрестанно преследуя врага, они пришли сюда, оросив своей кровью горы Югославии, и теперь готовились к последнему и решительному бою. Здесь, на берегу Дравы, решается их судьба, решается будущее их народа.

Какие противоречия могли возникнуть между ними и венгерским народом, этим измученным, испытавшим столько обид народом, безжалостно эксплуатировавшимся графами? Венгерский народ напоминал ему растение, которое начало было засыхать, но теперь, получив свободу, жадно впитывало благотворную влагу свободной жизни.

Медленно, но уверенно Венгрия возрождалась. Графы бежали, и народ чувствовал значение наступивших перемен.

Болгарские солдаты жили в дружбе с венгерскими рабочими и крестьянами. Он не мог вспомнить ни одного случая, который бросил бы тень на эту дружбу. Много раз он видел, как солдаты, расположившиеся на постой в венгерских домах, помогали венграм по хозяйству. И он вспомнил один недавний случай.

На окраине Сигетвара, в полуразрушенном домишке, напоминавшем скорее шалаш, чем дом, жила Эржика с матерью и четырьмя маленькими братьями. Эта Эржика, девочка с кудрявыми, сияющими, словно солнце, светлыми волосами и тонкими ножками, целый день бегала по снегу, одетая в рваное платье, а глаза ее слезились от дыма костра. Каждое утро она подходила к его окну

и простаивала там часами, ожидая, пока он заметит ее.

— Эржика! — кричал он ей. — Эй, Эржика, почему ты стоишь там, входи в дом!

Но она ничего не понимала и продолжала стоять все так же, дуя на покрасневшие от холода руки.

Он позвал ее к себе в комнату. Она испуганно села на стул рядом с гудящей печкой, стараясь спрятать свои развалившиеся башмаки, из которых торчали босые ноги.

— Где твой отец? — спросил он и, поскольку она его не понимала, пояснил свой вопрос жестами.

Она посмотрела на него, и в ее больших светлых глазах он увидел испуг.

— Папа нихт, папа капут.

— Капут?

Она кивнула. На глазах ее выступили слезы. В них появилась знакомая ему детская печаль.

— Немцы забрали, — сказала она на ломаном русском языке.

Несчастный ребенок! Он приласкал ее и дал банку мясных консервов, мармелад и сахар.

После этого случая Эржика стала приходить регулярно, просиживала у него какое-то время и, получив очередную порцию сахара и мармелада, уходила веселая и довольная.

Что было бы с этим несчастным существом, если бы не он? Молодой человек провел ладонью по разгоряченному лбу. В этот момент в каких-нибудь пяти шагах от него в ночном мраке вспыхнули два огонька, и это вернуло его к действительности.

— Кто идет? — одновременно прозвучали два голоса.

Это был патруль. Он ответил им, сердясь на себя за то, что его обнаружили здесь так поздно.

— Сигареты есть, ребята? — спросил он у них.

— Табак, товарищ заместитель командира полка.

— Дайте-ка, сверну одну.

Свертывая цигарку из крупно нарезанного табака, он спросил того, кто стоял поближе к нему:

— Сколько времени, друг?

— Часа три уже, товарищ заместитель командира полка.

Чувствуя, как ночной холод охватывает его, он встал и молча направился в свою комнату.

Здесь на столе его ждали письма и масса всяких бумаг — работа, к которой он, ненавидевший канцелярщину, все еще не мог привыкнуть. Но поскольку дело это не терпело отлагательства и нужно было его завершить, он поработал более часа, копаясь в бумагах и письмах, а потом отправился к телефонисту и попросил связать его со штабом корпуса. Оттуда ему ответили, что инструктор в полк еще не отправился и, вероятно, задержится, а сам он должен принять участие в совещании, на которое заместитель командующего армией вызывал всех заместителей командиров полков корпуса.

— А почему вы мне до сих пор это не сообщили? — разозлился он. — Сколько раз я вам говорил, чтобы вы предупреждали меня заблаговременно!

— Это верно, вы говорили, но это сообщение мы получили только десять минут назад... — начал оправдываться телефонист, но он, не дослушав, сунул трубку в руку связного, сразу же спустился во двор и приказал шоферу приготовить машину.

Через десять минут машина пробиралась уже между окопами и противотанковыми рвами к Харкану, где находился штаб корпуса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВРАГ ФОРСИРУЕТ ДРАВУ

1

Как мучительно долго не наступает рассвет! Как медленно и неохотно уходит ночной мрак! Он ползет над рекой и долго прячется в ветвях густого, непроходимого леса.

Гражев стоял выпрямившись у входа в землянку и смотрел в сторону реки. Небо бледнело, и острые верхушки высоких тополей вонзались, как штыки, в холодный синий свет ночи. Но что неожиданно поразило его, так это землянки, рядами расположившиеся по берегу реки. Он смотрел на них так, будто видел в первый раз. Гражев упрекнул себя за то, что не обращал на них внимания до сих пор и не осознавал того значения, которое они имеют. Здесь, в этих землянках, спали несколько тысяч его то-

варищей, уверенных в том, что с ними ничего не случится, если внимательные часовые стоят на своих постах.

Над его головой захлопал «звонок». Гражев моментально оказался рядом с часовым и спросил:

— В чем дело, Радойков?

— Подойди поближе, Гражев! — В голосе Радойкова слышалась сильная тревога и беспокойство.

Гражев приблизился к нему.

— Зачем ты звонишь?

— Послушай! — сказал Радойков, понизив голос и сделав Гражеву знак молчать.

— А что?

— Ты не слышишь голоса? Они доносятся оттуда, с того берега... как будто разговор, а? И кроме того, слышен шум, как будто кто-то стучит молотком...

— Стучит молотком?

— Да.

— Тебе все это показалось, Радойков!

— Вовсе нет, Гражев. Поверь мне, я слышал совершенно отчетливо!

— Готов спорить, что ты просто трусишь...

— Ей-богу, нет. И не думаю...

— А ты хорошо слышал?

— Да. Говорили по-немецки, а потом послышались удары молотков... Кто-то сколачивал доски!

— Хм, ладно. Я пойду, а ты, если опять услышишь голоса или шум, позови меня снова!

Недовольный тем, что Радойков понапрасну его побеспокоил, Гражев отправился к землянке. Несколько раз он останавливался и прислушивался. Все было тихо. Слышался только легкий плеск волн и тихие шаги Радойкова. Гражеву хотелось спать, и он зевнул. Лучше всего сейчас прилечь! Если произойдет что-нибудь серьезное, Радойков его позовет.

Он вошел в землянку. На стене над нарами висел маленький электрический фонарь. Слабый красноватый свет озарял лица спящих. Гражев бесшумно прошел и сел на нары. Чувствовал он себя очень усталым. Да, время спать.. Утром он поищет Веру!..

Он растянулся на нарах рядом с Велином Кацарским. Тот улыбался во сне, видно, снилось ему что-то очень приятное. Гражев задержал взгляд на его смуглом лице, которому свет фонаря придавал медный оттенок, и по-

вернулся на спину. Сколько времени пролежал он так, терзаемый беспокойными думами и охваченный воспоминаниями, Гражев не знал, но наконец почувствовал, что нить его мыслей прерывается и веки опускаются, словно занавес перед сценой...

Но сон не приходил. Да и как мог он заснуть, когда положение было таким тревожным! Он приподнялся, опершись на локти, стараясь представить себе, что надо будет сделать завтра, когда он встретится с командиром... Но решение не приходило в голову. Но что это? Он вскочил на ноги, как будто подброшенный пружиной. Где-то неподалеку раздался грохот орудий, а вслед за ним послышалась ожесточенная пулеметная стрельба. Гражев быстро натянул сапоги, молниеносно надел китель, нахлобучил фуражку и бросился из землянки. Стрельба усилилась, сопровождаемая протяжным воем, и он понял, что в дело вступили минометы. В следующее мгновение весь правый фланг огласился этим ужасным воем, зловеще прорезавшим тишину раннего мартовского утра и предвещавшим недобрый день. Радойков беспрестанно дергал проволоку сигнального «звонка». Задыхаясь от бега, Гражев ввалился в пулеметную ячейку. Как раз в этот момент несколько ракет разорвалось высоко над их головами, и при ослепительно белом свете он увидел, как сверху по течению Дравы под прикрытием утренних сумерков и тени деревьев по направлению к ним медленно плывут немецкие резиновые лодки и плоты. Как будто получив удар ножом в спину, он застонал и бросился к пулемету. В тот же момент он почувствовал прикосновение холодной, дрожащей руки Радойкова и, не оборачиваясь, прокричал:

— Давай! — Он выпустил пулеметную очередь в направлении плывущих вдали лодок и плотов. — Где ребята?

— Мы здесь, — ответил кто-то срывающимся от волнения голосом, и он узнал голос учителя.

— Ложись! — приказал он и уступил свое место Радойкову. — Огонь!

Минуту стояла тишина, потом дружный залп обрушился на первую лодку, за ним последовала короткая пулеметная очередь. Двое из гитлеровцев, которые гребли лопатами, склонились в сторону и с плеском свалились в воду.

Гражев быстро справился с растерянностью, которая овладела было его товарищами. Он догадался, что они не имеют связи с командиром роты, и приказал одному из солдат связаться с поручиком Дончевым.

В этот момент заговорили артиллерийские орудия. Их выстрелы, как острые ножи, прорезали мрак, и Гражев видел, как от взрывов снарядов становилось светло, затем снова наступала темнота.

Его глаза неожиданно приобрели способность видеть и различать все, даже самые мелкие подробности. Он видел, что лодки все приближаются: они были так близко, что до него доносились команды на немецком языке.

С противоположного берега на их позиции обрушился такой сильный пулеметный огонь, что пришлось даже на некоторое время прекратить стрельбу и укрыться на дне окопа. Вблизи разорвалась мина, и они услыхали несколько преисполненных отчаяния голосов, зовущих на помощь санитаров. Где-то далеко на правом фланге пулеметная стрельба прекратилась, оттуда доносился только писклявый вой мин и грохот орудий. Земля ходила ходуном под их ногами. Гражев решил не отступать ни в коем случае и ждать, пока неприятель высадится на берег, а затем, если не удастся заставить его отступить, вести рукопашный бой, но вернувшийся солдат сообщил ему, что поручик Дончев приказал отступить и занять новые позиции.

— Отступить? — переспросил Гражев, чувствуя, как его охватывает гнев.

— Да.

— Куда отступить?

— Туда, в окопы... за вербы... а если мы не сможем удержаться там, то еще дальше... к Драва Саболч.

— К Драва Саболч?

— Да.

— Этого нельзя допустить. Ни в коем случае нельзя допустить! — Гражев до боли стиснул зубы. В тактике он не разбирался, но знал одно: если они отступят от берега и позволят противнику занять их окопы, то выгнать его будет трудно! Но приказ есть приказ, и не подчиниться ему он не мог... Он приказал взять пулемет и бегом перебраться на новую позицию. Когда они бежали вниз по узкой и крутой траншее в густом мраке, ему казалось, что они находятся в какой-то пещере, где мечутся и кричат, ругаются и перекликаются люди, безуспешно пытающие-

ся найти выход, но нет никого, кто установил бы порядок и вернул им спокойствие. Несмотря на темноту, он увидел страшную картину, которая заставила его вздрогнуть от ужаса: солдаты оставляли свои окопы и бежали назад. Они натыкались друг на друга, ругались, не обращая внимания на командиров, приказывавших им остановиться. «Не сметь! Стойте, трусы!» — кричал Гражев, высоко над головой размахивая своим карабином. Но человеческий поток понес и его. Он бежал, время от времени требуя от своих товарищей, чтобы они следовали за ним и не отставали.

В ту же ночь, предприняв две неудачные контратаки, они были вынуждены отступить от Драва Саболч на новые позиции, где окопались, намереваясь дать противнику решительный отпор.

2

Утро застало их в окопах врасплох. Никто не заметил, когда подошли гитлеровцы. Они узнали об их приближении по сильному огню, обрушившемуся на них. Вражеский крупнокалиберный пулемет расположился в кустах напротив и злобно стрекотал оттуда. На протяжении всего фронта полка шел один из самых ожесточенных боев этой войны.

С беспримерным упорством отделение Гражева противостояло натиску, обрушившемуся на него.

Далеко перед ними лежало село. Они видели дома, занятые гитлеровскими автоматчиками и пехотинцами. Гражев посмотрел в ту сторону. На площади перед маленькой церквушкой с островерхой башней немецкие пулеметчики установили два крупнокалиберных пулемета. В начале широкой улицы, с двух ее сторон, у заборов быстро заняли позиции автоматчики. Одно самоходное орудие пыталось проникнуть в расположение передовых подразделений полка и вызвать панику среди солдат, но точный огонь противотанковых орудий вскоре заставил его отступить.

Со стороны Дравы подходили все новые и новые подкрепления. Не было никаких сомнений в том, что немецкое командование, отдавая себе отчет в значении Драва Саболч, приказало удержать село любой ценой. По тому сопротивлению, которое гитлеровцы оказали в ходе двух

неудавшихся контратак, Гражев понял, что им трудно будет осуществить свой план и вернуть село.

Болгарская артиллерия обрушила на село ливень снарядов. Облака пыли и дыма стояли над домами, заслоняя восходящее солнце. Сердце Гражева сжалось. На его глазах гибло чужое и все же столь дорогое ему село. С этим маленьким, несчастным селом его связывали воспоминания...

Охваченный решимостью не позволить врагу продвинуться вперед ни на шаг, Гражев не заметил, что другие отделения оставили свои позиции и отступили еще дальше. Сжав зубы, он огляделся и понял, что они упустили возможность отойти: гитлеровцы почти окружили их.

Его охватила злость. Он решил сражаться до последнего патрона. Нет, живым он им не дастся, а с мертвым пусть делают что хотят! Гражев прильнул к своему верному пулемету и направил его дуло в сторону темных кустов, из которых доносилось стрекотание проклятого крупнокалиберного пулемета. Он вложил в стрельбу весь свой гнев и всю свою ненависть к немцам. Как рассерженные, жужжащие осы, жалили врагов его пули, и там, где они проносились, наступало смятение, как будто огненный смерч обдавал врагов смертоносным дыханием.

Кожух «максима» нагрелся, и вода в нем закипела, но Гражев продолжал вести огонь до тех пор, пока не убедился, что ненавистный пулемет врага умолк.

Да, старый и разбитый «максим» не изменил ему!

Придя в себя от возбуждения, охватившего его, Гражев обернулся и увидел, что солдаты не отступили. Нет, никто его не оставит, они умрут здесь все как один, но не отступят!

Рядом с ним пристроился большой, массивный, как медведь, Радойков. Он ворчал что-то и после каждого удачного выстрела из своего маленького карабина мрачно констатировал: «Еще один!» И продолжал спокойно и хладнокровно целиться в голову каждого, кто осмеливался высунуться из окопа. За стволом вербы Велин Кацарский перевязывал учителя, раненного в голову. Гражев увидел пожелтевшее и испуганное лицо учителя. Оно было забрызгано кровью. Он улыбнулся ему и спросил:

— Больно?

— Чуть-чуть, — прошептал учитель, и лицо его искривила болезненная гримаса.

— Товарищи, — сказал Гражев, не оборачиваясь, — отходите к лесу. Я останусь здесь, чтобы прикрывать ваше отступление.

— И я тоже останусь! — заявил Радойков.

— Хорошо. Всем остальным немедленно отходить.

— Но ведь это бессмысленно, Гражев, — пытался переубедить его учитель, — разве ты не видишь — все бегут!

— Ты, учитель, помолчи! Займись лучше своей раной! Велин, помоги ему выбраться отсюда! А вы, товарищи, — обратился он к остальным,— тоже отходите. Мы здесь вдвоем с Радойковым... Давай, Радойков!

Гражев вставил в пулемет новую ленту. Но не успел он даже прицелиться, как громовой удар потряс землю. Огонь, как лава, извергаемая огромным вулканом, обрушился на него. Могучая волна подхватила его и потащила куда-то с глухим ревом. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что лежит на дороге. Попытка встать не увенчалась успехом: он был засыпан землей и ветками. Он почувствовал, что задыхается, казалось, тысячи кубических метров земли придавили его. Это состояние, однако, скоро прошло. Постепенно он пришел в себя и понял, что неподалеку от них разорвался снаряд. Пулемет! Что стало с пулеметом? Он пошевелил руками и нащупал рядом с собой чье-то тело. Но кто это? Кто остался с ним? И первая мысль, которая появилась в его затуманенном сознании, была о Петре Радойкове. Убит? Бедный парень! Гражев собрал все свои силы и поднялся. И действительно, в двух шагах от него лицом вниз лежал его друг. Кровь текла из его разбитой головы и впитывалась в землю. Тьма застлала глаза Гражева. Он поднялся и стоял некоторое время неподвижно, устремив взгляд в небо. В этот момент не было ничего более красивого, чем это далекое синее небо с белыми облаками и этим жестоким солнцем, которое, казалось, смеялось над человеческой глупостью.

Внезапно он почувствовал, как его левую щеку обожгла острая, пронзительная боль. Он ощупал это место, и его рука оказалась в теплой, липкой крови. Что это? Значит, он ранен? Мурашки поползли по его телу. Сам того не желая, он снова коснулся рукой щеки. Нет! Он не ранен! Это пустяк, небольшая царапина... В этот момент мина просвистела над ним и взрыла землю в два-

дцати шагах от дороги. Он пригнулся и выждал некоторое время. И на этот раз обошлось! Но что ему теперь делать? Он поискал взглядом своих товарищей, но не обнаружил и следа их. Похоже, что они благополучно отошли в лес. Значит, ему не оставалось ничего другого, как позаботиться о себе, о том, чтобы не попасть в плен. Мысль о плене показалась ему позорной, и он почувствовал, как озноб охватил его тело. Он огляделся в поисках пулемета и понял, что его любимый пулемет разбит и не может больше служить ему. Гражеву стало жалко и пулемет, и самого себя. Но нельзя терять времени. Зеленые мундиры фашистских солдат, словно спины ящериц, замелькали совсем близко. Гражев низко пригнулся, почти прижался к земле и медленно пополз к черной линии на горизонте, где начинался лес.

Дождь пуль и мин сыпался со всех сторон. Каждый раз, когда до него доносился знакомый вой мин, он сжимался, словно червь, ожидающий, что на него вот-вот наступят и раздавят. Он полз из последних сил, и сознание его заполняла одна-единственная мысль: как можно скорее добраться до леса, темнеющая вдали опушка которого казалась ему той спасительной чертой, за которой, если только ему удастся ее достичь, он окажется в полной безопасности.

Да! Еще немного усилий, еще немного боли, и все будет в порядке. Вот оно, спасение, нужно только, если он хочет жить, добраться до леса.

Гражев все полз и полз. Ему казалось, что этому жалкому ползанию не будет конца, что он никогда туда не доберется. Не мираж ли все это, не обманывает ли он себя понапрасну, считая, что там найдет спасение?

«Жить, во что бы то ни стало жить!» Это чувство, внезапно целиком завладевшее им, заставило сердце биться чаще, а мышцы на руках напрячься. И это, может быть, отняло у него последние силы. Он почувствовал, что теряет сознание. Опустив голову и закрыв глаза, он понял, что его усилия закончились плачевно. И как раз в этот момент четыре сильные руки протянулись к нему, подхватили его и потащили. Тело Гражева безжизненно волочилось по земле, но вдруг он почувствовал дуновение свежего и прохладного ветра, и ему стало приятно и невыразимо радостно.

3

Придя в себя, Гражев сразу же понял, что произошло. С поразительной ясностью он вспомнил бой, в котором потерял своих товарищей и был ранен. Два солдата, склонившиеся над ним, обрадовались его пробуждению, а два других сразу же покинули место, где они залегли, спеша поделиться радостью с товарищами. Гражев попытался встать, но силы оставили его, и он опустился на сухие листья и ветки. Несколько минут, проведенные в таком состоянии оцепенения, позволили ему собрать силы. Он приподнялся, опершись на локти, и знаками попросил одного из солдат приблизиться.

— Где мое отделение?

Солдат был из той же самой роты, что и Гражев, он узнал Гражева, но не мог вспомнить, чтобы при отступлении видел кого-либо из его отделения.

— А где командир?

— Поручик Дончев?

— Да.

— Понятия не имею. Говорят, что он дрался где-то за лесом, у траншей противника... Но тебе лучше полежать еще немного. А так, если пойдешь, того и гляди пропадешь где-нибудь. Отдохни, приди в себя, а тогда...

Но Гражев не послушался его. Поблагодарив солдат за заботу, он пошел по тропинке, покрытой обломанными ветками и опавшими прошлогодними листьями. Поддерживая обеими руками голову и пошатываясь, он шел вперед, не разбирая дороги. Артиллерийская дуэль, прекратившаяся на некоторое время, возобновилась с еще большей силой. Снаряды и мины рвались вокруг него, а лес стонал, как будто на него внезапно обрушилась сильная буря. Неумолкающие звуки винтовочных выстрелов и стрекотание пулеметов слились с острым писком мин и грохотом орудий. Доберется ли он до поручика Дончева или будет разорван на куски снарядом или миной? Гражев пытался пробраться через ветви какого-то поваленного дуба и вдруг, сам не зная почему, остановился. Оглушительный грохот потряс землю, какая-то теплая волна подхватила его и бросила на землю в нескольких метрах от того места, где он стоял. Когда в следующий момент он открыл глаза, поваленного дуба, полянки и тропинки уже не было. Гражев продолжал лежать, прислушиваясь

к неутихающим звукам боя. Боль в голове усилилась. Неужели он ранен снова? И на этот раз, может быть, еще тяжелей.

Он не испытывал ни малейшего сожаления о полянке и тропинке, потому что для них уже не осталось места в его сердце. Оно было заполнено волнением и радостью, вызванными тем, что и на этот раз он избежал смерти. Жить, насладиться тем, что ты жив! Но сделать это ему мешали рвавшиеся вокруг мины и снаряды. Нет, больше нельзя ждать ни минуты! Лучше всего ему отправиться сразу же... Надо позаботиться о себе! Оставаясь здесь, он подвергает себя большой опасности...

Не обращая больше внимания на боль в плече и голове, опираясь на какую-то ветку, Гражев заторопился в направлении противотанкового рва. Собрав последние силы, он шел быстро, почти бежал. У поворота, в конце тропинки, его догнали два солдата. Задыхаясь от бега, с исцарапанными и окровавленными лицами, они быстро пробирались между стволами деревьев, и в глазах их отражался ужас смерти, так хорошо знакомый ему. Было ясно, что они оставили позицию и в панике бежали.

— Скорее, товарищ! — издалека закричал ему один из них. — Фашисты в лесу...

Солдат не говорил, а кричал, кричал как безумный, и его взгляд сказал Гражеву больше, чем слова, которыми тот захлебывался.

— Докуда они дошли? — пытался выяснить Гражев.

Солдат не ответил ему. Не останавливаясь, он лишь махнул рукой, как будто хотел сказать: «Не спрашивай меня! Никогда...»

Гражев неотступно следовал за ним и, испытывая гнев, удивлялся тому, что произошло. Но почему все отступают?

Охваченный мрачной решимостью, он остановился. Его догнали еще четверо и так же, как те двое, пробежали мимо, даже не думая останавливаться. Эти тоже были в рваной одежде и без фуражек. Один из них нес на спине пулемет, а остальные — по одному патронному ящику.

— Эй вы, подождите! — закричал Гражев и попытался догнать их.

Рослый усатый солдат, бежавший последним и оглядывавшийся по сторонам, остановился было в нереши-

тельности, но, не дождавшись Гражева, бросился вдогонку за своими товарищами.

— Подожди! — что есть силы закричал вслед ему Гражев и сам испугался своего голоса. — Эй, я тебе говорю! Стой!

Солдат остановился. Гражеву, однако, этого было мало, и он продолжал кричать вслед убегающим:

— Эй вы, если сделаете еще хотя бы один шаг!..

Угроза подействовала на солдат. Они остановились.

— Чего ты хочешь? — спросил тот, который нес пулемет.

— Куда вы бежите?

— Разве ты не видишь? — ответил ему другой. — Отступаем...

Это «отступаем» он произнес так спокойно и невозмутимо, как будто сказал «гуляем». Его лицо и волосы были покрыты грязью и пылью. Со лба стекали струйки пота и оставляли на раскрасневшемся лице грязные следы. Тупое, вызывающее выражение этого лица породило у Гражева сильный гнев.

— Отступаете? — заревел он. — А кто вам разрешил?

Солдат обернулся. В его серых глазах появился было страх, но не надолго, и он спросил глухим, полным злобы голосом:

— А кто ты такой?

— Вот ты сейчас узнаешь, кто я такой. — Гражев сжал кулаки и замахнулся. — Ни шагу назад! Слышите? Ни шагу назад, а то...

Времени для угроз не оставалось. Действовать надо было быстро. Он понял, что убедить их не успеет, и решил прибегнуть к последнему средству, но с отчаянием обнаружил, что у него нет никакого оружия. Его карабин остался у вербы, где его ранило. Выхватить, что ли, карабин из рук солдата, который стоял ближе всех к нему, и заставить их слушаться? Нет, так не пойдет! Что же тогда делать? Если упустить этот момент, то будет поздно и он уже не сможет осуществить задуманное. Не колеблясь уже более, он взглянул на них строго и решительно.

— Пулемет! Быстро давайте сюда пулемет! — приказал он тоном, не терпящим возражений. — За мной, шагом марш!

Пулемет был быстро приведен в боевую готовность. В лесу они заняли очень удобную позицию, господство-

вавшую над всеми тропинками, расходящимися отсюда в разные стороны. В пятидесяти шагах от них виднелась маленькая полянка, к которой, вероятно, и направился враг.

Солдаты, привыкшие подчиняться приказам, успокоились и заняли свои места.

Артиллерия тем временем перенесла свой огонь, и снаряды стали рваться где-то далеко за их спинами. Это свидетельствовало о том, что противник прорвал оборону на широком фронте, ворвался в лес и находится уже близко.

Отделение Гражева было готово к бою. Как обычно, он сам расставил солдат по местам.

Боли он уже не чувствовал. Может, потому, что его дух и воля взяли верх над телом, а может, потому, что рана не была тяжелой.

Минуты текли в напряженном ожидании. Затаив дыхание, солдаты ждали с тревогой в душе. Гражев не отрывал рук от пулемета и внимательно смотрел вперед, готовый сразу же, как только заметит зеленоватые мундиры вражеских солдат, выпустить все пули.

Но, как нарочно, враг не появлялся. Солдаты начали проявлять нетерпение. Это его раздражало, и он зло ругался, не пытаясь сдержать свой гнев.

Спереди, с опушки леса, раздалось несколько винтовочных выстрелов. Послышались и взрывы гранат. Выстрелы раздавались все ближе и все чаще, они стали слышны совсем отчетливо. Весь лес загудел от частой винтовочной стрельбы. Пули со свистом проносились над их головами и вонзались в ветви деревьев с таким знакомым, негромким звуком. С левой стороны из-за ветвей заговорил пулемет, но его приглушенное стрекотание не испугало солдат. Они поняли, что пулемет ведет огонь в сторону неприятеля. «Наши!» — одновременно вырвалось у каждого из них, и они переглянулись, взволнованные. Значит, они не одиноки! Вскоре еще один пулемет застрекотал немного левее, и это заставило ребят вскричать от радости. Эти пулеметы поддерживали один другого и чередовали огонь: когда первый стрелял, второй молчал. Их бодрое стрекотание успокаивало солдат, и они чувствовали, как охвативший было их страх постепенно исчезает.

Из глубины леса донесся глухой шум: казалось, шло стадо коз, ломая своими рогами ветви деревьев. Прежде чем солдаты поняли, в чем дело, из кустов перед ними

выглянуло несколько человек. Затаившись, Гражев сжимал ручки пулемета.

Осторожно оглядываясь по сторонам, из леса вышли два болгарских солдата, потом еще два, еще несколько, а вслед за ними — целая колонна. Да, не оставалось никаких сомнений: командование предприняло необходимые меры и подбросило подкрепление тем, кто остался в лесу. Гражев приподнялся. Солдаты остановились. Мгновенно по всей колонне, словно дрожь, пробежало волнение, вызванное неожиданной встречей. Но никто не залег, все остались стоять, ожидая, что же произойдет дальше.

Молчание было тяжелым, мучительным. Слышался только свист пуль и шипение падающих поблизости мин.

Один из солдат наклонился, чтобы лучше разглядеть их через ветки кустов, и спросил:

— Эй, кто вы такие? — Он сделал два шага вперед и остановился.

— Свои, товарищ! — ответил Гражев и приподнялся.— Есть ли с вами офицер?

— Так точно, господин...

Солдат махнул рукой, и колонна продолжала свое движение, похожая на веревку, которую кто-то тащил между деревьями. Неожиданно показался ее конец, и тогда к ним подошел какой-то сержант.

— Вы из какой части? — спросил он у Гражева.

— Из пулеметной роты, товарищ.

— Это вы оставили позиции? — спросил сержант, и Гражев увидел на его лице усмешку.

«Нет, нет!» — хотел было крикнуть он, но сержант, не дожидаясь его ответа, поспешил за своими солдатами.

Испытывая большое огорчение и обиду, Гражев встал и приказал солдатам следовать за ним.

4

На опушке леса они остановились. Далее тянулось поле, широкое и ровное, посыпанное, казалось, пеплом. Лишь далеко-далеко, где-то у берега Дравы, поднимались небольшие холмы.

Отделение Гражева залегло в небольшом окопе, ожидая приказа. Противник переправил через Драву новые части и усилил натиск на участке полка.

Было видно, как вдали солдаты, делая перебежки, отступали к шоссе, ведущему к Харкану. Гитлеровские автоматчики преследовали отступающих по пятам. Их зеленоватые мундиры сливались с травой, и только блеск солнечных лучей, отражавшихся от касок, выдавал их. Туда были устремлены дула крупнокалиберных пулеметов, и в том месте, где появлялся блеск, сейчас же поднималось облачко пыли.

Немецкая артиллерия делала свое дело. Она обрушила на расстроенные порядки болгарских частей сотни снарядов, которые разрывались с оглушительным треском. Вой мин и грохот снарядов порождали у людей неприятное чувство опасности, которую неизвестно с какой стороны надо было ожидать. Смерть косила людей десятками, поле было усеяно трупами.

В нескольких метрах от Гражева и его солдат была глубокая воронка от авиационной бомбы, такая большая, что в ней легко могли поместиться два солдата, чтобы автоматным огнем оттуда отражать противника и не давать ему продвинуться ни на шаг. Два убитых болгарских солдата лежали рядом с разбитым пулеметом, напоминая о том бое, который шел здесь несколько часов назад. Тела солдат были изуродованы, руки и ноги оторваны.

Гражев хотел встать, чтобы продолжить свой путь, но услышал далекий и глухой рокот, шедший, казалось, из-под земли. Это еще что такое? Он прислушался. Рокот усиливался и с каждой секундой слышался все отчетливей и все ближе. Он шел со стороны берега Дравы и совсем не походил на рокот обычных моторов... Танки? Нет, танки фашисты еще не переправили! И этот рокот не был похож на рокот танков. Гражев поднял голову и тотчас же увидел над черной полосой горизонта группу самолетов, направлявшихся в их сторону.

Самолеты прошли низко, на бреющем полете, и он услыхал треск их пулеметов, обстреливающих бегущих по полю солдат. Гражев стоял во весь рост, не понимая, что происходит вокруг. Он видел, как самолеты сбросили бомбы, которые, как огромные бутылки, полетели на землю, видел, как бомбы падали и взрывались, как вверх взлетали комья земли. Неожиданно он бросился на землю и закрыл глаза. Несколько минут он и его товарищи лежали и ждали того, чего они уже не боялись, поскольку хорошо представляли себе, как это выглядит. Но вот до

них донеслись радостные крики, и протяжное «ура» заставило их поднять голову. Передовые цепи болгарских частей поднялись и бросились в атаку на врага.

— Наши атакуют! — закричал Гражев. — Отбили, значит, лес!

Этого фашисты не ожидали. Они надеялись, что болгары испугаются воздушной атаки и разбегутся.

— Смотрите, товарищи, смотрите! На левом фланге, со стороны леса, там, где этот немецкий пулемет тарахтел только что... смотрите, как бегут... Эх ты!

Гражев направил туда дуло пулемета. Как раскаленные иглы, прошивали пули серую скатерть голого поля. Пулемет пел в его сильных руках. Вцепившись в него, с силой сжав рукоятки, он старался различить в этой серой мгле маленькие бегущие фигуры и осыпал их пулями.

Но вот гитлеровцы оказались вне пределов досягаемости его пулемета. Огорченный, что не может до конца излить свой гнев на ненавистного врага, Гражев вскочил на ноги.

— Вперед, товарищи!

Они спустились в траншею и направились по ней в ту сторону, откуда приближались серые солдатские цепи и доносилось громкое и протяжное «ура».

Неожиданно они наткнулись на отставшее минометное отделение.

— Товарищи, где второй взвод?

Из-за грохота снарядов минометчики не расслышали его вопроса, но по движению губ и выражению лица поняли, что он хотел им сказать. Один из них прокричал ему на ухо:

— Здесь, справа от нас!

— А поручик Дончев?

— Он сзади. — Солдат с любопытством разглядывал маленькое пулеметное отделение. — А вы откуда, товарищи?

— Из леса.

— А-а, значит, это вы недавно...

Разорвавшийся снаряд заглушил его последние слова. Облако пыли и густого, удушливого дыма окутало их мраком. Когда облако рассеялось, оказалось, что они лежат в небольшой лощинке вплотную друг к другу. А когда убедились в том, что все они живы и невредимы, их охватила невыразимая радость.

— И на этот раз обошлось! — сказал повеселевший Гражев, отряхивая землю с кителя. Минометчик устремил на него насмешливый взгляд. Он вдруг вспомнил, о чем собирался его спросить, и сделал рукой знак, чтобы Гражев наклонился.

— Значит, это вы недавно вели огонь оттуда?

— Не знаю, — пожал плечами Гражев. — Может, и мы.

— Противник отступает.

— Это точно?

— Да. Говорили, что ты убит!

Глаза Гражева заблестели.

— Я был только легко ранен.

— А поручику сказали, что ты убит. Видели, дескать, твой труп.

— Ну ладно, ведь я жив!

Они с интересом разглядывали друг друга, как будто встретились впервые. Гражев был бесконечно рад, что он и в самом деле остался цел и невредим. Щеки его покрылись румянцем. Глядя в сияющие большие светлые глаза Гражева, минометчик тихо, почти шепотом, сказал:

— А она искала тебя, корреспондентка...

— Вера! — воскликнул Гражев и провел рукой по лбу, покрытому мелкими каплями пота.

5

Поручика Дончева Гражев нашел как раз в тот момент, когда тот приказывал двум солдатам отвести в штаб полка трех пленных гитлеровских офицеров.

— Гражев! — воскликнул поручик. — Ты жив?!

— Так точно, товарищ поручик.

— Слыхал я о твоем геройстве...

Поручик Дончев хотел добавить еще что-нибудь, сказать какие-то особенные, торжественные слова, но почувствовал, что здесь это будет неуместно, и замолчал. Простой и будничный ответ Гражева обескуражил его, и он подавил в себе чувства, которые его волновали.

Гражев считал, что он не сделал ничего особенного, ничего такого, что заслуживало бы внимания, и ему стало как-то неловко от тех похвал, которыми его встретил поручик. Взволнованный, он пожал протянутую ему руку и увидел, как на широком некрасивом лице поручика Дон-

чева появились красные пятна, словно у ребенка, первый раз в своей жизни произнесшего похвалу.

Гражев подробно рассказал все, что произошло с ним и его товарищами. Поручик Дончев слушал внимательно, и с его губ не сходила веселая, жизнерадостная улыбка. Когда Гражев закончил свой рассказ, поручик дружески похлопал его по плечу и шутливо проговорил:

— Ну, покорил ты сердце девушки!

— Какой девушки?

— Той самой, которая сегодня дважды приходила и спрашивала о тебе, а когда ей сказали, что ты убит, ушла и больше не появлялась...

Гражев ничего не ответил ему. Тихая радость наполнила его сердце, он испытывал гордость, но в то же самое время почувствовал и тревогу за девушку, которая приходила и справлялась о нем. Значит, она беспокоилась о нем! Он должен ее найти и успокоить... Вдруг он зашатался. Что это с ним? Гражев понял, что сил у него едва хватит для того, чтобы удержаться на ногах. Это от усталости и, конечно, от раны. Ведь он потерял немало крови. Но он собрал все свои силы и удержался на ногах, не желая выглядеть в глазах своего командира слабым и беспомощным. Мысль, что Вера не скрыла своего отношения к нему, наполнила его силой и бодростью. Похоже, она долго думала, прежде чем сделать свой выбор...

Около них все чаще начали рваться мины и снаряды. Им пришлось спуститься в маленькое укрытие, наскоро подготовленное солдатами. Расположившись на копне влажного, еще ароматного прошлогоднего сена, они продолжили прерванный разговор.

С большим волнением Гражев слушал рассказ поручика Дончева. От него он узнал, что противник форсировал Драву на широком фронте и теперь пытается окружить целую армию. Саперные части гитлеровцев пытались навести мост, но им это не удалось. Они, конечно, не оставят своих попыток. Но все будет зависеть от того, насколько стойкой окажется болгарская оборона.

— Противник постоянно атакует нас большими силами, и если мы не выдержим его натиск... будет плохо, очень плохо! Понимаешь, Гражев? Мы оставили Драва Саболч; если не удержимся здесь, то гитлеровцы могут овладеть возвышенностями у Харкана и угрожать оттуда Печу. А ты знаешь, что будет, если мы отдадим Печ?

— Мы должны любой ценой выстоять, товарищ поручик!

— Да, должны, — согласился с ним поручик Дончев и сделал решительный жест. — Таков приказ командующего армией! Нам предстоят тяжелые бои, Гражев...

— Мы готовы, товарищ поручик!

Наступившее молчание было для них тяжелым, невыносимым. Они чувствовали, что сказали друг другу не все, что осталось что-то такое, чего нельзя выразить словами, что-то, что было понятно и так. Гражев прислушался к знакомому свисту пролетающего снаряда. И без содрогания подумал: «Вот сейчас! По звуку чувствую, что этот предназначен для нас!» Глухой удар, раздавшийся где-то совсем близко от землянки, повалил его на землю, земля засыпала его, но он сразу же понял или, вернее, почувствовал, что остался в живых и что необходимо уйти куда-то, выбраться отсюда, ни в коем случае не оставаться в землянке. Да, в бою чувствуешь себя уверенней... Гражев вспомнил, что, когда человек постоянно думает о смерти, та находит его быстрее. Меньше опасность в бою, когда, не думая о ней, постоянно находишься в движении, перебегая с места на место.

Преодолевая необычно сильную усталость, Гражев поднялся и встал перед своим командиром по стойке «смирно».

— Товарищ поручик, какие будут приказания?

Поручик Дончев стряхнул землю с рукавов, поправил подсумок и посмотрел на него.

— Отделение готово и ждет ваших распоряжений, — доложил Гражев.

— Хорошо, — произнес поручик тихим, но решительным голосом. — Ты останешься при мне связным, а ребята пусть сами... Позови-ка своего заместителя!

— Он убит, товарищ поручик.

— Тогда пополни свое отделение солдатами из других отделений и займи позицию перед укрытием!

Гражев направился было к выходу, но его едва не сбил с ног какой-то солдат, стремительно ворвавшийся в землянку. Солдат остановился, задыхаясь от быстрого бега, и закрыл глаза. От усталости он не мог говорить и только показывал рукой в направлении Дравы. Поручик Дончев схватил его за плечо и слегка потряс.

— Что случилось, друг?

— То-то-ва-рищ по-по-ручик...
— Ну, говори же!
— Меня послал под-под-пору-учик Ми-ми-те-ев и приказал сказать вам, что... немцы переправились через Драву...
— Как это переправились?
— Автоматчики!
— Автоматчики?
— Так точно, товарищ поручик.
— Это значит, что они предпримут новую атаку!
Голос поручика Дончева прозвучал грозно, подобно звуку воющего снаряда. Не ожидая дальнейших объяснений, он выскочил из землянки и бросился к телефонисту, расположившемуся в близлежащем окопе. Склонившись над телефонистом, он выхватил трубку из его рук.
— Алло! Да, это я... Дай мне «Сириус».
Трубка ходила ходуном в его руке. Но он не выпускал ее, ухватившись за нее что было сил, как тонущий человек хватается за первый попавшийся ему на глаза предмет. Согнувшись на дне окопа, поручик кричал так, что почти заглушил грохот рвущихся поблизости снарядов.
— Да, это я... «Сириус»! «Сириус», это ты? Соедини меня с командиром... Да, да, товарищ майор, немцы переправились через Драву... Уже знаете? Я прошу подкрепления... Нельзя? У вас нет никаких резервов?.. Значит, придется самим... Да, да, понимаю... Трудно придется, но ничего не поделаешь. Да, понимаю, товарищ майор... Есть, товарищ майор... Так точно, товарищ майор...
Поручик Дончев закончил разговор с командиром батальона, но все еще держал трубку у уха, как будто забыл, что ему предстоит делать. А когда выпрямился и посмотрел на Гражева, лицо его было бледным, как у покойника. В этот момент казалось, что не может быть более печальной картины, чем та, которую увидел Гражев: крупное, почти богатырское тело поручика дрожало от волнения. Он сделал несколько шагов, зашатался и мрачно сказал:
— Так, ничего не поделаешь, придется самим... — После этих слов силы, казалось, вернулись к нему. — Гражев! — закричал он. — Иди и передай поручику Митеву, чтобы он действовал соответственно обстановке.
Но Гражев не успел сделать и двух шагов. Оба они одновременно увидели, что солдаты передовой линии бе-

гут назад, увлекая за собой остальных. Лишь некоторые солдаты, наиболее опытные и смелые, остались на месте и продолжали вести бой.

Произошло то, чего больше всего боялся поручик Дончев. Вот он, самый страшный момент боя! Солдаты бежали назад и падали, скошенные автоматным огнем противника. Поле вокруг покрылось телами убитых. Что делать?

Вдруг откуда-то выскочил стройный офицер и, размахивая поднятой рукой с зажатым в ней пистолетом, закричал изо всех сил:

— Стой! Ребята, стойте! Вперед! Вперед!

Все узнали в этом офицере заместителя командира полка.

Солдаты смутились. Те, кто бежали первыми, остановились и залегли, а те, которые были еще далеко и продолжали бежать, приблизившись к нему, быстро оглянулись и, пристыженные, повернули обратно, залегли рядом со своими товарищами и открыли огонь.

Вдали, там, где виднелась широкая и пыльная дорога, ведшая к Драва Саболч, появились первые гитлеровские автоматчики. Они перебегали по одному или по два и огнем своих автоматов сеяли ужас среди обороняющихся. Солдаты не решались поднять голову из выкопанных ими мелких окопов или снарядных воронок и, растерянные, не знали, что предпринять.

Гражев подполз к заместителю командира полка. По выражению его лица Гражев понял, что он решил действовать, что сейчас наступает решающий момент.

— Поручик Дончев! — закричал молодой офицер и выпрямился, не обращая внимания на то, что пули со свистом проносятся мимо.

— Я здесь, товарищ заместитель...

— Приготовить гранаты!

— Слушаюсь... — ответил командир роты и тоже приподнялся. — Приготовить гранаты! — приказал он и взял две из кучки, сложенной на дне окопа.

То же самое сделал и Гражев. Он поднялся и встал между обоими командирами. Их пример увлек и других солдат. Рота приготовилась отразить атаку противника. Удастся ли им его задержать или придется отступить?

— Ложись! — скомандовал заместитель командира полка.

Все залегли. Наступили самые тяжелые минуты ожидания следующей команды.

Гитлеровские автоматчики приближались. Они вытянулись в длинную цепь и шли во весь рост, не пригибаясь, поливая поле перед собой огнем своих автоматов.

Артиллерия противника прекратила обстрел. Слышался далекий гром — это за Дравой рвались снаряды болгарских гаубиц. Два тяжелых противотанковых пулемета на обоих флангах, пришедшие на помощь гитлеровским автоматчикам, злобно плевались пулями, но они не казались опасными. Неизвестно почему, никто сейчас не обращал на них внимания, как будто то были не пулеметы, а две болтливые сплетницы, бросающие свои слова на ветер. Внимание всех было привлечено к автоматчикам: от того, удастся ли отразить их атаку, зависел исход сегодняшнего боя.

До Гражева доносилось спокойное, размеренное дыхание заместителя командира полка, который залег в окопе и ждал, преисполненный решимости, придававшей его лицу строгое выражение. Скорее бы уж! Их терпение было на исходе... Он увидел, как заместитель командира полка расставил руки, как будто хотел взлететь, приподнялся и закричал:

— Гранатами их, ребята!

Огромный блестящий диск, показавшийся больше солнца по своим размерам и блеску, возник перед их глазами и ослепил их. Гражев понял, что заместитель командира полка бросил первую гранату. Он отвернулся от нестерпимо яркого света и увидел недалеко от себя потное, покрытое грязью лицо гитлеровца, ползшего к их окопу. Взгляды их встретились, и Гражев тотчас же понял, что означает этот холодный блеск голубых глаз врага. Гражев быстро поднялся и бросил гранату. Яркое сияние, оглушительный грохот... и земля заходила под ним ходуном. Когда он открыл глаза, то увидел, что фашист неподвижно лежит лицом вниз.

В одном из окопов солдаты вели рукопашный бой с гитлеровскими автоматчиками, которым удалось вклиниться в оборону. Он видел, как смелые ребята быстро расправлялись с непрошеными гостями, уничтожая их у своих окопов.

Гражев поискал взглядом поручика Дончева.

Картина, которая предстала перед его глазами, надолго и отчетливо запомнилась ему.

Стоя во весь рост перед группой автоматчиков, которые хотели взять его в плен, поручик Дончев угрожающе размахивал руками. У его ног лежала связка гранат, одна из тех связок, которые солдаты делали сами для борьбы с врагом. Какой смелости и какого хладнокровия требовало это! Но поручик Дончев обладал и тем и другим... Глядя на его богатырскую фигуру, гордо возвышающуюся перед вражескими автоматчиками, Гражев понял замысел храбреца, этого удивительного человека!

И вот раздался оглушительный гром. Прозвучал только один раскат, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы уничтожить врага. И там, где была группа вражеских автоматчиков, остались лишь лужа крови да куски человеческого мяса.

Сигнал к переходу в контратаку был дан.

Впереди бежал заместитель командира полка. Он размахивал высоко над головой пистолетом и кричал во весь голос:

— Вперед... Ура!

Сначала за ним последовали только двое: поручик Дончев и Гражев. Но этого оказалось достаточно, чтобы увлечь и остальных. Солдаты бросились за своими командирами.

Клич «ура», сначала робкий и нерешительный, несся теперь со всех сторон и заливал поле, как воды реки, вышедшей из берегов после обильного дождя.

— Ура-а-а! — кричал Гражев, стараясь быть среди первых.

Рота поручика Дончева перешла в контратаку.

Отступление

1

Ночь принесла с собой тяжелые минуты испытания духа и воли солдат.

Одна за другой потерпели неудачу все контратаки, целью которых было отбить Драва Саболч, и на всем фронте установилось то неопределенное положение, когда никто не знает, что принесет следующий миг. Враг проч-

но обосновался в селе, и от намерения выбить его оттуда пришлось отказаться.

Со стороны Дравы все еще доносился хриплый рев немецкой артиллерии. Настойчивость и упорство, с которыми она вела жестокий, убийственный обстрел, страшили солдат, заставляли их быть готовыми ко всяким неожиданностям. С воем, который казался им более зловещим, чем вой мин, снаряды пролетали высоко над их головами и падали далеко в тылу, в расположении дальнобойной артиллерии, разместившейся за леском. Время от времени вели огонь и два орудия на левом фланге, но их голоса казались тихими и беззлобными. Прислушиваясь к ним во время затишья, солдаты негромко, но крепко ругались, а когда со стороны дороги, ведшей к Харкану, фашистским орудиям отвечали скрытые там гаубицы, говорили, ободряя друг друга: «Вот так-то! Молодцы, ребята! Наши артиллеристы шутить не будут!» Солдаты сидели в тесных окопах, наскоро вырытых лопатами и ножами в рыхлой и влажной лесной земле, и мечтали о том времени, когда прогонят врага за Драву и не позволят ему больше форсировать реку.

Отделение Гражева вместе с солдатами, присоединившимися к нему накануне, расположилось в кустах под развесистыми сухими ветвями старого, векового дуба. Поручик Дончев приказал им ползком добраться до окопов передовой линии и до утра оборонять позиции у леса, где опасность неожиданной атаки врага в ночное время была наибольшей.

Было темно и холодно. Днем шел дождь со снегом, и земля сделалась мокрой и раскисшей. Шинели пропитались водой, и солдаты чувствовали, как холод все больше охватывает их, проникая до самых костей.

Напрасно всматривались они в чернильно-черную, непроглядную ночь — уже на расстоянии пяти шагов ничего нельзя было различить. Они не переговаривались и не спрашивали друг друга ни о чем, объяснялись только знаками, ориентировались по звукам, по бряцанию оружия и амуниции. С севера дул холодный ветер, обжигая их лица и причиняя этим невыразимые страдания.

На каком расстоянии от них находился противник? Если судить по выстрелам и коротким, но частым пулеметным очередям, гитлеровцы были не более чем в три-

дцати — пятидесяти шагах, на краю поля, где начинался лес. А судя по тому, что один немецкий крупнокалиберный пулемет разъяренно строчил немного правее их, почти в самом лесу, как будто какой-то великан с треском грыз сухие ветви деревьев, можно было вполне обоснованно предположить, что гитлеровцы заняли и часть леса, удобно расположившись там. Солдаты прислушивались к повторяющимся через одинаковые промежутки времени пулеметным очередям и думали, не выражая своих мыслей вслух, что рано утром, еще до того, как окончательно рассветет, этот старый дьявол наделает им много неприятностей. Вот проклятый! Если они до завтрашнего утра не справятся с ним, то потом будет уже поздно...

Гражев, усталый, страдающий от ран, замерзший, лежал на дне окопа. Неясное представление о том, что ему придется совершить еще этой ночью, не позволяло сомкнуть глаз. Сон своими безжалостными пальцами смыкал его веки, но он не поддавался ему из опасения, что заснет и упустит тот момент, когда надо будет действовать. Рядом с ним, завернувшись в шинель, сидя дремал Велин Кацарский. Он вздрагивал во сне, как ребенок, которому рассказали страшную сказку. Усатый Илия Вучков, лучший солдат отделения и опытный первый номер пулеметного расчета, улегся у пулемета, пряча в ладонях своих огромных рук огонек сигареты, которую жадно докуривал. Неподалеку от него все ворочался, пытаясь устроиться поудобней, худощавый и смуглый парень. Он что-то бормотал себе под нос и каждый раз, когда снаряд с воем пролетал над их головами, говорил с деланной веселостью: «Ошибся адресом, приятель! Тебе чуть-чуть подальше!» Он смеялся, желая этим показать, что совершенно спокоен, но Гражев знал, что именно эта бесконечная и ненужная бравада как раз и является самым верным признаком того, что он боится.

Два оглушительных взрыва последовали один за другим где-то неподалеку, а вслед за ними один из снарядов разорвался так близко, что солдаты проснулись и задвигались. Кто-то, лежа рядом с Гражевым, принялся ворочаться и ругаться, что его, дескать, разбудили и теперь он не может заснуть. По голосу Гражев узнал рыжеволосого Петра Динева, того самого, с которым сцепился утром при отступлении.

— Не оставят они, проклятые, нас в покое этой

ночью! — проворчал Динев и приподнялся. — Что ты скажешь, Гражев?

— И мне так кажется. Но ты спи!

— Да разве здесь заснешь? Ведь я не каменный и не деревянный! До сна ли в такое время? — Динев говорил недовольным, ворчливым тоном. — Думаешь, мне очень приятно слушать этот собачий лай и притворяться спящим? Кончилось мое терпение, Гражев, и если мне разрешат сделать то, что я задумал, увидишь, что будет.

— А что будет?

— Тогда посмотришь!

— А все-таки, если поточнее?

— Все, — заявил сердито Динев и разошелся: — Я подползу к этому змеиному гнезду и одной ручной гранатой прикончу всех. Прекратится наконец это шипение. Потом я заберусь подальше и возьму «языка».

Гражев подумал, что Динев, пожалуй, смог бы осуществить свой замысел. За несколько часов, проведенных вместе, Гражев хорошо узнал этого солдата и понял, что он за человек. Но он не решался дать Диневу свое согласие, не доложив обо всем поручику Дончеву и не получив разрешения. И как ни уверял Динев, что он обязательно возьмет «языка», а если надо, то и двух, и вернется в окопы живым и невредимым, Гражев решительно воспротивился этой затее, считая ее рискованной.

— Подожди, Динев, пока еще рано! — сказал он, не зная, как поступить. — До этого еще дойдет дело, только... попозже или... завтра. А сегодня перед нами стоит другая задача.

— Но ведь сейчас самый удобный момент, Гражев! Видишь, наступило затишье. Я подожду, пока артиллерия заговорит снова, и потихоньку ползком проберусь туда. Никто меня и не заметит! Проберусь к ним и бац — вот вам груша! Сам увидишь. А все остальное предоставь мне!

— Нет! Необходимо предупредить поручика!

— Да он потом узнает. Нам нечего скрывать от него...

— Понимаю, но... сейчас это невозможно!

— Почему?

— Да так. Поздно уже. Послушай!

— Ну?

— Слышишь, как этот дьявол опять заговорил?

И в самом деле, справа, теперь с новой позиции, почти сзади них, снова послышалась пулеметная очередь. Сразу

же вслед за этим с другой стороны леса крупнокалиберному пулемету начал вторить еще один, но его тонкий голос был робок и нерешителен.

— Им удалось пробраться нам в тыл, — прошептал Гражев и беспокойно заерзал.

— Вот видишь! — мрачно ответил ему Динев.

— Буди ребят! — приказал Гражев. — Всем занять свои места!

Один за другим все были разбужены. Вучков уже повернул дуло своего пулемета вправо. Второй номер расчета готовил новую ленту.

Короткое затишье, которое Гражев правильно истолковал как признак того, что противник готовится к ночной атаке, кончилось. С противоположного берега Дравы заговорила артиллерия. Через каких-нибудь пять минут весь лес заполнился грохотом орудий. Падающие мины и снаряды ломали ветви, крушили и выворачивали с корнем деревья, вырывали в земле глубокие воронки. Лес стонал и гнулся, как будто бы свирепая буря, не терпящая преград на своем пути, вознамерилась снести его с лица земли. Черная неласковая ночь наполнилась гулом внезапно обрушившейся на нее стихии. Словно швейные машинки, стрекотали в ночи пулеметы, прошивая огненными нитями черное полотно тьмы. Канонада продолжалась, и напрасно пытался Гражев определить, с какой стороны доносится это тихое прерывистое стрекотание пулемета, ведшего по ним огонь.

Вучков сжимал рукоятки пулемета. Он приходил в упоение от уверенного разъяренного рева своего пулемета и сжимал их с еще большим исступлением, переходящим в ярость. Острые свистящие иглы летели туда, где, по-видимому, располагался вражеский крупнокалиберный пулемет. Видя, что их любимый пулемет цел и находится в уверенных руках, солдаты испытали облегчение и радость.

— Давай, Вучков!

— Заткни глотку этому паршивцу!

Гражев прижал к себе карабин, ожидая удобного момента, чтобы выбраться из окопа незамеченным.

Враг усилил огонь, сосредоточив его на той части леса, где они находились. И то, что никто из них не был до сих пор убит или ранен, казалось неправдоподобным. Но если они останутся здесь, то их могут обойти с тыла, и тогда им придется отступать в очень тяжелых, неблагоприят-

ных условиях. А он во что бы то ни стало хотел избежать потерь.

Эта ночь была похожа на ад. Земля ходила ходуном под их ногами; орудийные выстрелы и разрывы снарядов пронзали темноту, словно молнии; воздух, раскаленный и тяжелый, дрожал. Камни, земля и ветви деревьев со всех сторон летели на дно окопа, и очень часто солдаты оказывались засыпанными ими. Двое из солдат уже получили тяжелые контузии. Да, положение их было тяжелым!

«Подождать еще немного и, как только условия позволят, сразу же вперед, — думал Гражев, вглядываясь в непроницаемую темноту перед собой. — Долго ли еще будет продолжаться канонада?»

Он знал, что, как только орудия перенесут свой огонь в глубину расположения болгарских частей, сразу же начнется атака. С противоположной стороны, оттуда, где на опушке леса находятся окопы противника, поднимутся зеленоватые фигуры и, пользуясь ночным мраком, поползут вперед, охваченные злобным желанием окружить их.

— Сколько времени? — тихо спросил он лежащего рядом с ним солдата.

— Наверное, полночь, — дрожащим голосом ответил тот, стуча зубами.

Это был один из новых солдат. Гражев добродушно улыбнулся и подумал, что нет ничего удивительного в том, что паренек боится. Коснувшись в темноте руки парнишки, он мягко сказал:

— Ну что, боишься?

— Страшно! — ответил паренек. — Когда слышишь этот рев и видишь все это, страшно становится, товарищ Гражев, — доверительно признался он. — В бою нет времени думать, нет времени бояться, но когда вот так ждешь часами, как сейчас, страшно становится, братец, еще как страшно!

— Верно, страшно! — согласился с ним Гражев.

Он еще раз пожал парню руку и сказал твердо, но успокаивающим тоном:

— Ну ничего, привыкнем. Как ты думаешь?

— Конечно, привыкнем.

— Смотри, Гражев, трассирующие пули! — прервал их разговор кто-то.

— Смотри, и ракеты тоже!

Яркий красный свет превратил ночь в день, и они увидели справа от себя, там, откуда раздавалось стрекотание вражеского пулемета, темную полоску кустарника. Ветки деревьев процеживали свет, и высоко над лесом, как кисть винограда, висела гитлеровская осветительная ракета. Маленькие светящиеся зернышки медленно падали вниз и освещали всю местность, в то время как орудия надрывали свои глотки, а пулеметы захлебывались лаем. В двадцати шагах от них упал снаряд. Страшной силы взрывная волна отбросила Вучкова вместе с пулеметом в сторону. Гражев услышал рядом с собой чей-то стон. Новая ракета ослепительно ярко осветила лес, и он увидел рядом с собой Кацарского. Тот держался обеими руками за голову и стонал от боли.

— Ты ранен?

— Да.

— Перевяжите его, товарищи! — приказал Гражев и устремился туда, куда взрывная волна отбросила Вучкова.

Он нашел его в полумраке распростертым рядом с пулеметом.

— Вучков! — тихо позвал Гражев и тронул его за ногу. — Эй, Вучков!

Но Вучков оставался неподвижен, и Гражев с ужасом понял, что тот мертв. А пулемет? Что, если и он вышел из строя? Что они тогда будут делать? И Гражев представил себе, каким печальным будет их конец, если они лишатся и пулемета.

В это время второй снаряд разорвался рядом с ними и засыпал их землей и ветками. Они опустились на дно окопа. Гражев пытался привести в порядок пулемет. Не прошло и нескольких секунд, как рядом с ними разорвались еще два вражеских снаряда: один слева, другой справа.

Артиллерийская вилка! Вот сейчас их накроют... Гражев знал, что враг ведет по ним прицельный огонь. Сейчас вражеские артиллеристы внесут поправку в расчеты и пошлют им еще четыре снаряда, потом снова внесут поправку, и потом... последний снаряд угодит прямо в них.

«Эх, псы паршивые, учуяли нас!» — выругался он.

По пулеметной стрельбе и по сведениям, полученным от своих разведчиков, противник определил их местоположение. Вероятно, передовые цепи противника подошли

совсем близко, так что разведчики могли подползти и обнаружить их. Следовательно, им не оставалось ничего другого, как сменить позицию.

Подхватив Кацарского под мышки, они осторожно поволокли его. Первым полз Гражев, за ним Динев и еще двое с пулеметом, а потом остальные солдаты с Кацарским. Тяжелым, мучительным было это отступление, и солдаты уже решили, что не хватит сил дойти до своих. Гражев все полз и полз. Он часто оборачивался к товарищам и просил их поспешить. Но те не могли двигаться быстрее, потому что Кацарский потерял много крови и без посторонней помощи двигаться не мог. Тело его безжизненно обмякло, и он тихим, еле слышным голосом просил солдат оставить его и дать спокойно умереть, а самим двигаться дальше.

— Молчи! — сказал ему один из солдат. — Потерпи еще немного, теперь уже скоро...

Весь лес был искорежен артиллерийским обстрелом. Поваленные деревья преграждали им дорогу. Гражев пробирался между острыми колючими ветками, полз мимо воронок; его исцарапанные лицо и руки болели и кровоточили. Рядом с ним, обливаясь потом, не переставая ворчать, полз Динев, таща на своих крепких плечах тяжелый пулемет.

Несколько разноцветных ракет осветили вдруг лес. Стало видно, что перед ними находится глубокая воронка от тяжелого снаряда. Гражев остановился у ее края. Он дал знак Диневу приблизиться и подождать остальных.

— Отдохнем немного! — приказал Гражев.— Притаимся, чтобы враг нас не заметил.

— Правильно, спустимся вниз. Так будет лучше! — согласился Динев и пополз к воронке. — Иди сюда, Гражев! Смотри, как здесь хорошо!

— Поместимся ли мы здесь все?

— Поместимся и еще останется место! Пожалуйста, готовая могила! — грустно пошутил Динев и помог двум товарищам подтащить Кацарского. Жизнь в раненом еле-еле теплилась. Гражеву с трудом удалось нащупать его пульс.

— Товарищи, — сказал Гражев, — вы вдвоем отнесите его в укрытое место, вот в тот ров, и сразу же возвращайтесь. Мы будем ждать вас здесь.

Никто не возразил ему. Все понимали, что больше не следует отступать, что они и так достаточно далеко отступили. Пулемет противника находился теперь далеко справа и больше не казался таким опасным. К тому же слева от них оказалось другое их отделение, а справа и сзади — тоже свои солдаты. Значит, они отступили благополучно, потеряв одного человека убитым и одного раненым. Вскоре удалось восстановить связь со своими.

Солдаты быстро подготовили пулемет и заняли свои места. Из шести человек в отделении осталось четверо, считая командира. Этого все-таки вполне достаточно для того, чтобы делать свое дело! Ведь были случаи, когда одному человеку удавалось противостоять целому взводу.

Начало светать. Густой и неподвижный мрак постепенно становился все более редким и прозрачным. Этому способствовали и артиллерийские выстрелы, разрывавшие ночной покров словно ветхую тряпку. В этот предрассветный час бой предстоял ожесточенный, неистовый. Противник, по-видимому, решил начать давно уже готовившуюся атаку.

2

Они заняли заранее вырытые другими солдатами окопы.

Бой разгорался все более. Грохотали орудия, свистели мины. Пули и осколки так и сыпались вокруг них, и почти невозможно было определить, где враг, а где свои. Не было такого клочка земли, на который не обрушился бы ливень огня и железа. Немцы, как видно, решили не жалеть боеприпасов и залить все пространство перед собой огненной лавой!

Как раз в тот момент, когда Гражев подумал, что сейчас со стороны леса, где появились первые гитлеровские части, враг начнет атаку, его внимание привлек гул авиационных моторов. Самолеты, выстроившись в несколько рядов, летели со стороны Харкана. Их было много. По гулу моторов и по силуэту их блестящих на солнце фюзеляжей он понял, что это советские самолеты, еще до того, как увидел опознавательные знаки. Он напряг зрение и убедился, что не ошибся: на хвостовом оперении и крыльях алели пятиконечные звезды. Самолеты летели совсем низко. Медленно, но уверенно двигались они в сторону

Дравы, туда, где поднимались белые облака дыма, за которыми таилась вражеская артиллерия.

Гражев не мог видеть того, как самолеты обрушили на позиции врага свой груз, но услыхал сильный и глухой грохот, донесшийся с той стороны. Грохот повторился несколько раз, и вскоре самолеты такими же стройными рядами пролетели в обратном направлении.

Похоже было, что атака врага захлебнулась. Гражев поискал взглядом те два куста, из-за которых незадолго перед этим подал голос гитлеровский пулемет.

— Возьми-ка немного левее! — сказал он Диневу.

— Левее? Туда, где эти два куста, что ли?

— Верно.

— Хорошо. Смотри, как я их сейчас опрыскаю.

Динев прицелился, и в следующий момент оттуда, где затрещали кусты, послышалось хриплое стрекотание.

— Смотри-ка, — рассмеялся Динев,— пытается кусаться! Ну-ну, не думай, что ты один умеешь.

Началась пулеметная дуэль, вызвавшая перестрелку по всему фронту. Одновременно с двух сторон — и с их, и с вражеской — заговорили пулеметы, началась беспорядочная, не соответствующая никаким правилам ведения боя стрельба.

— Псы! — мрачно процедил сквозь зубы Динев.— Сил у них побольше, чем у нас. Но отсюда, пусть делают что хотят, им меня не вытурить.

— Ты все же не высовывайся так! — посоветовал ему Гражев.— А то смотри, в два счета получишь по ушам!

— Не бойся. Не впервой...

— Знаю, знаю, но все же!

— Постой-ка! — резко повернулся к нему Динев.— Скажи мне, Гражев, какое сегодня число?

— Если не ошибаюсь, девятое.

— Двое суток прошло с начала немецкого наступления?

— Ровно двое.

— Значит, сегодня девятое марта? — с некоторым сомнением спросил Динев.

— Да, девятое марта.— Гражев вопросительно посмотрел на него.

— Сегодня день моего рождения, Гражев. Сегодня мне исполнился двадцать один год.

— Ну, тогда я поздравляю тебя, Динев.

Гражев пожал его руку, широкую мозолистую рабочую руку с длинными сильными пальцами, которые до боли сжали его руку, как сжимали напильник и молоток в токарном цехе. Поздравили Динева и остальные товарищи. В маленьком неглубоком окопчике сразу же установилась дружеская, сердечная атмосфера, всех охватило праздничное настроение.

— Надо было бы вас угостить, да нечем. Обещаю вам, товарищи, что потом, когда мы их прогоним, я раздобуду вина и мы выпьем... за мое и за ваше здоровье!

Гражев похлопал его по плечу:

— Счастлив бывает человек, когда ему двадцать один год, правда?

— Я не только поэтому счастлив, товарищ Гражев!

— Очень хорошо тебя понимаю. А у тебя там, дома, осталась девушка?

— А что, разве это грех?

— Нет, конечно. Я только хочу сказать, что это настоящее счастье.

— А у тебя разве его нет?

— Чего?

— Такого... счастья...

Гражев посмотрел на него с удивлением:

— Не понимаю, о чем это ты, Динев.

— О той девушке, которая расспрашивала о тебе, о военной корреспондентке.

Лицо Гражева просветлело.

— Вера!

Он и забыл о ней! Ему стало радостно и одновременно досадно от того, что он до сих пор не догадался разузнать, где она.

Гражев задумался о том, как бы ему разузнать что-нибудь о Вере, сообщить ей, что он хочет ее видеть, и получить от нее записочку, чтобы убедиться, что она жива и здорова. Но ход его мыслей прервал какой-то солдат, ввалившийся в их окоп.

Обильный пот стекал по его лицу, оставляя грязные следы. Глаза солдата горели. По их выражению было видно, каких усилий стоило ему добраться сюда сквозь огонь боя.

— Что у вас слышно, товарищ? — спросил его Гражев, когда тот сел рядом с ним.

Солдат помедлил немного, перевел дыхание. В таком

бою он участвовал впервые. С минуту он с детским любопытством рассматривал маленькую группу, потом в нескольких словах сообщил, что поручик Дончев, пославший его, приказывает им оставаться здесь до тех пор, пока не отойдут остальные подразделения роты.

— Хорошо, товарищ,— сказал Гражев,— мы и так решили не отступать. А вы еще держитесь?

— Держимся.

— Надо держаться.— Гражев немного подумал и спросил: — А как чувствует себя поручик Дончев?

— Хорошо.

— Так. А ты, значит, при нем связным?

— Так точно.

— Значит, можешь мне кое-что рассказать?

— Могу, товарищ!

— Какое настроение в роте? Мы со вчерашнего дня отрезаны от остальных и ничего не знаем. Держатся ребята?

— Держатся. Немного устали только и проголодались. Но говорят, что скоро подвезут горячую пищу.

— Мы тоже устали и тоже голодные, но ничего не поделаешь! — ответил Гражев и посмотрел в глаза связного, закрывающиеся от усталости.— Давно ли ты служишь, парень?

— Год.

— Ну ладно. Отдохни немного, а потом возвращайся и передай поручику, что я получил его приказ. Передай ему, что двое из отделения убиты и мы остались вчетвером. А что касается еды, то, как только ее подвезут, пришлите и сюда немного. С прошлой ночи крошки во рту не было...

Он оставил связного отдыхать и подошел к Диневу. Динев смотрел в сторону тех двух кустов, откуда незадолго до этого застрекотал вражеский пулемет, заставив его прекратить начатую дуэль. Вероятно, Динев решил отомстить за тяжелую обиду.

— Предоставь это мне, а сам отдыхай! — сказал ему Гражев.— И отпразднуй спокойно свой день рождения.

— Я его уже отпраздновал.

— В самом деле? Скольких уже уложил?

— Четверых,— не без гордости в голосе ответил Динев.— Подожди, сейчас уложу еще одного, я уже полчаса за ним охочусь. Внимание! — Чуть-чуть склонив голо-

ву и прищурив глаза, Динев прицелился в кусты, туда, где зашевелились ветки.— Секундочку... Готово!

Послышался негромкий крик, и что-то темное осело на землю. Вот так же метко целясь, за два часа Динев уложил четверых гитлеровцев, а сейчас пришел черед пятого. Добившись такого успеха, Динев отодвинулся от пулемета, уступив свое место Гражеву.

— Есть у тебя сигареты? — спросил Динев связного в окопе.

— Только две. Немного помялись, но курить можно.

— Дай-ка одну.

Они с наслаждением закурили. Глотая теплый табачный дым, а затем выпуская его в ладони, чтобы он не поднимался над окопом и не послужил ориентиром для вражеских минометчиков, Динев мрачно произнес:

— Ну сегодня, друг, я доволен.

Молодой солдат смотрел на него с большим интересом.

— Да, доволен. Сегодня у меня день рожденья, и я хорошо отпраздновал его. Убил пятерых фрицев. Ты-то хоть одного уже убил?

— Пока нет. Я только вчера прибыл из штаба полка.— Во взгляде парня читалось преклонение, граничащее со страхом.— Я просился у поручика в роту, но он оставил меня при себе связным.

— Ты обязательно должен убить врага, иначе совесть твоя не будет чиста. У того, кто не убил хоть одного врага, совесть не может быть чистой. Правильно, товарищи?

— Правильно,— согласился один из двух солдат, лежавших рядом с ним и жевавших корешки какой-то травы.

— Вот видишь, парень. И так тебе скажет каждый, кто знает гитлеровцев.

— Когда мы отправлялись на фронт,— продолжал тот же солдат, придвинувшись к ним,— на фабрике состоялся митинг. Нам дали наказ не возвращаться без победы. Мы с товарищем помним этот наказ и не осрамимся. Правда, Пенко?

Второй солдат кивнул головой, продолжая смотреть в направлении Драва Саболч. Над селом еще вился дым.

Все знали, что после короткого затишья гитлеровцы снова пойдут в атаку. С педантичной последовательностью, как будто руководствуясь расписанием, они повторяли атаку за атакой, и хотя каждая атака оказывалась

отбитой, тем не менее они продвигались шаг за шагом вперед.

— Ну, мне надо идти, пока они не начали снова,— сказал связной.— До свидания, товарищи! — Он махнул рукой и, смешно нагнув голову, как будто нюхал землю, начал медленно выбираться из окопа.

— Будь здоров, друг. И помни: еще сегодня убей хотя бы одного фашиста!

Они видели, как ловко солдат перемахнул через бруствер окопа и оказался в противотанковом рву, потом выпрыгнул из него, пригнулся и пополз быстро и смело, выбирая укрытые и удобные места, похожий на кошку, которая осторожно, чтобы не запачкать свои лапки, пробирается по грязному двору. Некоторое время они смотрели ему вслед, а потом как-то сразу забыли о нем, потому что враг начал очередную, уже пятую за этот день атаку.

Позже, во время отступления, Гражев наткнулся у какого-то куста на несчастного паренька. Он лежал на спине, лицо его было обращено к небу, а застывшие мертвые глаза выражали глубокое сожаление о том, что ему приходится умирать, так и не убив хотя бы одного гитлеровца.

3

Отбив пять следовавших одна за другой исключительно ожесточенных атак, в которые враг бросал весьма крупные силы, полк закрепился на некоторое время на занимаемых им позициях. Роте поручика Дончева удалось собраться в поле перед усадьбой Седен, где она расположилась по обе стороны от постройки в ожидании следующей атаки противника.

Наступившее короткое затишье никого не могло обмануть. Все знали, что враг перегруппировывает свои силы, чтобы через некоторое время начать новую, еще более ожесточенную атаку, которую надо будет отразить во что бы то ни стало.

Поручик Дончев расположился в развалинах маленькой усадьбы. Он ждал распоряжений командира полка. Но вместо связного, которого он направил в штаб, к нему ползком пробрался Гражев. Появление его совсем не удивило поручика, и он жестом пригласил Гражева в единственную уцелевшую комнатку. Гражев остановился в нерешительности, но поручик, глядя на его покрытое

кровью и пылью, осунувшееся и заросшее лицо, снова махнул ему рукой и строго сказал:

— Садись!

Гражев пристроился на одном из разбитых стульев.

— Ну как дела? — устремил на него взгляд поручик.— Рассказывай!

— О чем, товарищ поручик?

— Обо всем, что знаешь... Где твое отделение?

— Все еще там, в лесочке...

— Хорошо...— кивнул поручик Дончев. В это время в комнату вошел один из офицеров штаба полка с измятым листом бумаги в руке.

Поручик не стал спрашивать его, где связной: он знал, что произошло с пареньком. Выбравшись из разрушенного дома, связной пытался проползти под дождем пуль, но остался лежать с вытянутыми вперед руками, так и не осуществив своего желания выполнить порученное ему дело. Поручик Дончев встал. И по тому, что он совсем не удивился и совершенно спокойно отнессся к появлению штабного офицера, присланного командиром полка со специальным приказом, от которого, возможно, в данный момент зависело все, Гражев, понял, что в этот день вся тяжесть обороны занятых позиций ложится на их роту.

Поручик Дончев протянул руку пришедшему офицеру.

— Вы принесли приказ? — спросил он.

— Приказ, товарищ поручик.

— Так я и думал. Дайте-ка мне его! — Он взял смятый лист, быстро развернул и прочитал шепотом: — «Не отступайте ни на шаг до нового приказа...» Так! Хорошо...

Гражев увидел, как кровь вдруг прилила к крупному лицу поручика. Но ни одна мышца на лице его не дрогнула. Только пальцы, шелестевшие бумагой, выдавали волнение.

— Хорошо,— повторил Дончев.— Передайте командиру, что я получил его приказ! — И он пожал руку молодому офицеру, который отдал честь и вышел.

Поручик Дончев свернул лист и бережно положил его в карман кителя. Он вернулся на свое место, но не сел, а остался стоять. Может, он хотел что-то сказать Гражеву, но не находил в этот момент слов.

— Ты хочешь мне еще что-то сказать? — спросил он наконец.

— Так точно, товарищ поручик.

— Что?

— Мое отделение еще не получило пополнения.

— Ни одно из отделений не получило пополнения. И нет никакой надежды на то, что в скором времени получат. Будем вести бой теми силами, которыми располагаем. Резервы, хотя мы и ждем их, подойдут не скоро... Ясно?

— Ясно, товарищ поручик, только...

— Что еще?

— Ребята не ели со вчерашнего дня...

— А разве они не получили сухой паек?

— Получили, но... некоторые съели его еще вчера, а другие потеряли при отступлении...

— Еды нет. И с этим придется подождать!

— Может, хоть воды нам пришлете?

— Займусь я этим. Водовозы тоже не появляются. Пока довольствуйтесь той водой, которая у вас есть.

— У нас никакой нет, и ребята умирают от жажды.

— Ясно. Потерпите. Как только привезут воду, я сразу же распоряжусь доставить ее вам. Все ли у тебя в порядке?

— Так точно, в порядке.

— Патронов у вас хватает? А гранат? Экономьте боеприпасы, а то подвоз затруднен... Ты-то сам как?

— Да ничего.

— Изменился ты, я гляжу. Как себя чувствуешь?

Поручик Дончев еще раз вгляделся в лицо Гражева. Оно было серым и морщинистым, словно высохшее яблоко. Губы растрескались, кровь застыла на них. Неузнаваемым, страшным было его лицо. Только глаза, большие и красивые, светились негасимым огоньком и блестели от влаги, которая вдруг выступила на них.

— А ты... ты не болен? — повторил свой вопрос поручик Дончев и в тот же момент подхватил Гражева, не дав ему упасть.

— Да нет, я здоров... Это просто так, от усталости, сейчас пройдет... Как только я выйду на свежий воздух... Могу я идти, товарищ поручик?

— Можешь, Гражев. Точно выполняй мои приказы! — Поручик Дончев взглянул на свои маленькие ручные часы.— Сейчас двадцать одна минута третьего. Через три-

дцать две минуты они в соответствии со своей системой должны начать новую атаку. Время не ждет, Гражев!

На прощание Гражев пожал руку командиру. Поручик Дончев задержал руку Гражева в своей, долго не отрывал взгляда от его глаз, а потом резким движением заключил в свои мощные объятия.

— Ну, будь жив и здоров!

И тут же, быстро повернувшись, вызвал к себе связного и приказал немедленно передать командирам взводов, чтобы те явились к нему. Гражев знал, что резкость поручика Дончева объяснялась его желанием скрыть волнение, проявления которого он стеснялся, считая, что это недостойно офицера, привыкшего воевать и на каждом шагу смотреть смерти в глаза.

Гражев покинул маленькую полуразрушенную комнатушку в приподнятом настроении. Встреча с командиром ободрила его. Он дошел до конца длинного здания, от которого осталась только одна стена. За ней в полной боевой готовности лежали солдаты. Среди них было много друзей и товарищей Гражева.

— Товарищ подпоручик,— обратился Гражев к одному из них,— ну как вы здесь, держитесь?

— А, Илия! Ты ли это? Давненько мы не виделись!

— С позавчерашнего дня.

— Да, верно, с позавчерашнего дня. А мне кажется, будто прошла целая вечность. А у тебя-то как дела? Я слыхал, что тебе дают звание сержанта. Это правда?

— Не знаю. От вас впервые слышу,— соврал Гражев, который знал это от связного поручика Дончева, но считал неудобным говорить на эту тему.

— Неважно. Ведь это правда. Поздравляю тебя!

— Сердечно благодарен, товарищ подпоручик. Ну, мне пора. Меня ждут.

— Да, иди,— сказал подпоручик.— Фашисты скоро начнут.

— Ну что же, милости просим!

Гражев вышел из-за стены и остановился. Дальше начиналось поле, и он не мог идти во весь рост. Враг заметит его и начнет стрельбу. Гражев нагнулся и пополз.

Когда он полз, пули взрывали землю со всех сторон вокруг него. Похоже было, что его заметили, потому что пули взвизгивали все ближе и ближе. Он остановился и забрался в воронку от снаряда. Гражев не имел представ-

ления, сколько пролежал там, но, почувствовав, что отдохнул немного, поднял голову и пополз еще быстрее. До немецкой атаки оставалось мало времени, и если он не успеет преодолеть в срок оставшееся расстояние, атака застигнет его здесь.

Отделение Гражева разместилось в маленьком розовом домике на левом фланге. Артиллерийский обстрел разрушил крышу и одну стену, но оставшиеся три стены вполне надежно защищали их. Он приказал своим товарищам установить пулемет у окна, выходящего на юг, и во что бы то ни стало не давать противнику преодолеть пространство, которое просматривалось с этого удобного, защищенного места.

До этого одиноко стоящего розового домика, похожего издалека на цветущий в открытом поле мак, оставалось еще шагов пятьдесят. Гражев полз, испытывая чувство досады от того, что не предусмотрел мер, которые облегчили бы его судьбу в том случае, если гитлеровцы ударят с левого фланга сильнее, чем в других секторах. Эх, учиться ему еще и учиться!

Неожиданно вокруг засвистели пули, и он замер. Он почувствовал, как что-то обожгло бедро. Ему стало жарко. Он весь сжался и замер. Что же будет дальше? Значит, его снова обнаружили. Вот проклятые, не дали добраться! До домика оставалось еще пятнадцать шагов. Он видел, как товарищи машут ему руками, чтобы он спрятался за куст, но не мог и пошевельнуться. Все тело охватила слабость. Он посмотрел на куст, и тот показался ему таким красивым и таким желанным, что он долго не сводил с него глаз. Но как добраться до него?

Его товарищи поняли, что ему не укрыться от этого огненного дождя, и открыли огонь по позициям врага, чтобы отвлечь внимание противника. Но и это не помогло. С еще большим ожесточением гитлеровцы продолжали стрелять по Гражеву из пулеметов и минометов. Ему не оставалось ничего другого, как собрать последние силы и броситься за куст, в глубокую межу.

Это как бы послужило для противника сигналом возобновить стрельбу. Они открыли огонь по домику. Им ответили и другие пулеметные отделения, и завязалась острая перестрелка. Все подумали, что затишью пришел конец, что гитлеровцы начали свою атаку. Но это было не так. Неизвестно почему, противник прекратил стрельбу

так же неожиданно, как и начал. У Гражева мелькнула мысль, что это какая-то хитрость. Он подождал еще немного, но потом понял, что путь ему открыт и, пока есть возможность, надо ею воспользоваться. Он вскочил и побежал к домику. Проскользнув между сухими ветками кустов, окружавших домик, словно терновый венец, он оказался внутри.

4

Справа и слева от них находились автоматчики, залегшие за разрушенной стеной.

Бой разгорелся с прежним ожесточением. Маленький розовый домик посреди поля горел и был окутан дымом. Гитлеровцы захватили его, но воспользоваться им не могли. А продвинуться дальше им не давали соседние пулеметные отделения.

Сколько времени продолжалось это ожидание атаки, Гражев не мог сказать. Было невыносимо жарко и душно. Все испытывали жажду. Они были лишены воды с самого утра. Вражеская артиллерия, обрушившая на них дождь снарядов, не давала водовозам возможности добраться до них. Губы Гражева растрескались, он не переставал облизывать их распухшим языком. Усталость сковывала его мышцы, и он чувствовал, как последние силы покидают его. Кроме жажды, которая воспринималась как острая, пронизывающая, непреодолимая боль, его мучил и голод. Когда он ел последний раз? Гражев попытался припомнить, и на память ему пришел вечер накануне гитлеровского наступления, когда он с товарищами весело проводил время в своей землянке за стаканом вина, принесенного из Печа. С тех пор он и его товарищи съели только по небольшому кусочку хлеба, и Гражев чувствовал, что если они сейчас не подкрепятся, то не продержатся до утра, до того времени, когда им доставят пищу.

Вскоре гитлеровцы начали новую, уже шестую или седьмую атаку. На этот раз враг направил свой удар в центр, на усадьбу, в которой находился командир роты. Вероятно, они располагали сведениями о подразделениях полка, находящихся по обе стороны узкого и длинного здания, потому что бросили в атаку свои лучшие силы, которые до сих пор приберегали.

— Смотрите, фрицы снова атакуют! — воскликнул один из залегших за кучей кирпичей солдат.

— Сообщили, что им подбросили новые силы.

— Кто сообщил?

— Ну кто мог это сделать, кроме связного поручика Дончева?

В это время гитлеровцы появились и в глубине поля. На его темно-сером фоне показались знакомые всем маленькие зеленоватые фигурки. Раздалось несколько голосов: «Автоматчики!» Сразу же из-за холмов за Харканом заговорила артиллерия, и снаряды завыли над головами. В ответ открыла огонь немецкая артиллерия. И через несколько минут началась ожесточенная артиллерийская дуэль, всегда предшествовавшая атаке.

Подпоручик Митев дал знак, и они начали стрельбу по позициям врага.

Ветки деревьев гнулись под напором смертоносного огня. Гражев испытывал радость, видя, что гитлеровцы, расположившиеся в противотанковых рвах напротив, затихли, не решаясь выглянуть оттуда.

Он забыл о голоде и жажде, только, сам того не замечая, все облизывал запекшиеся губы. Ему казалось, что пламя, охватившее его изнутри, разгорается, заполняет грудь, стискивает горло и душит его. Взор застлала какая-то пелена, подобная летнему мареву, и перед глазами появились огненные круги.

Кто-то назвал его имя. Он повернул голову и, с трудом ворочая распухшим языком, спросил, кому он нужен.

— Отзовись! — услыхал он чей-то голос.

— Здесь я. Что случилось, товарищ?

— Спрашивают тебя.

— Пусть тот, кто спрашивает, подойдет сюда!

Из-за развалин в конце двора показалась чья-то небольшая фигура. Человек пригнулся, лег на живот и пополз к нему. Кто это еще? Гражев постарался подавить чувство слабости, продолжая наблюдать за тем участком поля, который простреливался из его пулемета.

Неожиданно кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и едва не вскрикнул от неожиданности. Рядом с ним была Вера. Их глаза встретились. По бледному лицу девушки он понял, что она несколько ночей не спала.

Вера приподнялась и принялась снимать с плеч небольшую, крепко привязанную к спине котомку. Гражев увидел, что девушка хорошо экипирована, как будто приготовилась в далекий и продолжительный путь. На поясе

у нее висела походная фляжка. Ловким движением она сняла ее и протянула Гражеву.

— Что это?

— Пей и не спрашивай! Это тебе и... товарищам.

Гражев взял фляжку и с жадностью сделал несколько глотков. Вода. Эта обыкновенная долгожданная тепловатая вода была спасением для него и его товарищей.

— А это?

— Хлеб и колбаса. И немного брынзы. Я узнала, что вы не ели, и поэтому...

— Спасибо за заботу!

Он сжал ее руку и жестом показал, чтобы она залегла рядом. Невдалеке от них замелькали головы автоматчиков, их каски блестели, как разбросанные по полю куски стекла. Откуда-то со двора послышался сиплый голос поручика Дончева, приказывавшего приготовить для отражения атаки гранаты.

— Не покидай меня! — шепнул он Вере, пытаясь улыбнуться, но тут же строго добавил: — Если они прорвут цепь и проникнут во двор, не оставайся здесь. Уходи к высоте!

Она кивнула, и он понял, что ему никогда не забыть выражения ее глаз в этот миг.

Он поднялся и последовал за первыми шеренгами солдат, ринувшихся в рукопашный бой.

Через несколько минут она потеряла его из виду.

5

Оставшись одна во дворе усадьбы, Вера в первый момент не могла понять, что делается вокруг нее. Она стояла у разрушенной стены коровника и с ужасом смотрела на происходящее, не зная, что предпринять. Отважные ребята бросились на гитлеровских автоматчиков с гранатами в руках. Ослепительные вспышки, сопровождаемые грохотом взрывов, от которых колебалась земля, вывели ее из состояния растерянности. На том месте, где только что была зеленая саранча, повис тяжелый дымовой занавес; ветер разрывал его на клочья и разносил их по всему полю.

Вера не знала, что делать. Ей хотелось принять участие в этом тяжелом бою и как-то помочь своим. Глупо было стоять так! Она увидела неподалеку, у груды разва-

лин, тела нескольких убитых солдат и бросилась туда. Погибшие были совсем молодыми ребятами, но рассматривать их у нее не было времени. Теперь Вера знала, что делать, и без промедления принялась осматривать их оружие. Выбрав автомат, она крепко сжала его в руках и побежала к забору. Там залегли несколько солдат, ждавших, когда первая группа вражеских автоматчиков подойдет совсем близко. Солдаты не обратили на нее внимания. Но когда она вместе со всеми начала стрелять, причем довольно метко, некоторые солдаты обернулись в ее сторону. В их взглядах мелькнуло удивление: кто эта девушка, которая стреляет из автомата?

Гитлеровские автоматчики, двигавшиеся цепью, перебрались через ограду усадьбы прямо напротив них. Цель фашистов не оставляла сомнений: приблизиться и уничтожить болгарских солдат автоматным огнем.

— В окоп! — прозвучала команда.

Солдаты бросились к ближайшему окопу.

— За мной, товарищ! — потянул ее кто-то за руку, и она побежала вместе со всеми.

Автоматный огонь врага загнал их в окоп. Снаружи остались двое убитых и один тяжелораненый.

Спрыгнув в окоп, Вера упала на колени, но автомат из рук не выпустила. При падении она ударилась о ствол разбитого пулемета, но сейчас у нее не было ни минуты времени на то, чтобы посмотреть на рану, причинявшую ей сильную боль, и, может быть, перевязать. Как раз в этот момент граната с сухим треском разорвалась за ними на краю окопа, засыпав их землей. Она почувствовала жар взрыва и запах взрывчатки. Рядом с ней сидел солдат, сжимая в руках две гранаты. Быстро выпрямившись, он широко замахнулся, бросил одну из гранат в группу автоматчиков и так же быстро пригнулся. Последовал оглушительный грохот, и они увидели, как уцелевшие автоматчики бросились врассыпную.

— Осторожно! — предупредил солдат.

Все пригнулись.

Их снова обдало струей горячего воздуха и запахом взрывчатки. Последовал второй взрыв, еще более сильный и оглушительный, и они поняли, что и вторая граната сделала свое дело. Но врагов было много, и некоторым из них удалось прорваться. Тогда солдаты выскочили из окопа навстречу автоматчикам.

Начался рукопашный бой. Вера увидела, как один из гитлеровцев схватил за горло солдата, бросавшего гранаты, и хочет вонзить в его грудь нож. Без промедления Вера нажала на гашетку автомата и короткой очередью свалила врага. Спасенный солдат, еще не совсем пришедший в себя от удушья, бросил на нее благодарный взгляд. Тут же он кинулся на стоящего спиной к нему фашиста, целившегося из пистолета в маленькую группу солдат, окруживших трех пленных автоматчиков. Вера увидела, как он повалил гитлеровца на землю и сильным ударом мощной руки раздробил ему челюсть. Охваченная воодушевлением, она подбежала к разрушенной стене дома, укрылась за ней и выпустила подряд две очереди по другой группе атакующих фашистов, прорвавшихся через линию обороны. Двое из этой группы свалились как подкошенные. Остальные трое залегли и открыли по ней огонь. Она прижалась к стене и ответила им тем же, но промахнулась. Гитлеровцы подходили все ближе и ближе. Опасность того, что они, выручая своих товарищей, окружат и уничтожат или захватят в плен болгарских солдат, становилась все более реальной. Что же делать? Вера уже расстреляла весь автоматный диск. Двое из ползших к ней фашистов не двигались: она их прикончила. Но третий все приближался. Автоматными выстрелами он сразил двух болгарских солдат. Она представила себе, что будет, если она не помешает ему подобраться к их расположению: он будет целиться спокойно, хладнокровно и каждым выстрелом убивать по одному болгарскому солдату. Необходимо было немедленно что-нибудь предпринять. Она огляделать вокруг и увидела поблизости от группы пленных гитлеровцев брошенный автомат. Словно орлица, готовая растерзать когтями каждого, кто угрожает ее птенцам, бросилась она к нему. Но воспользоваться этим автоматом ей не пришлось. Донесшийся издалека выстрел парализовал гитлеровца, и он остался лежать в луже крови, с застывшей на лице гримасой.

Со стороны забора во дворе появилась группа болгарских солдат, пришедших на помощь своим собратьям. Они заметили подползающего фашиста и метким выстрелом отомстили за своих погибших товарищей. Среди пришедших был и Гражев. Он очень спешил. По выражению его глаз Вера поняла, что все это время он думал о ней.

— Вера! — закричал он и схватил ее за руку.— Ты ранена?

— Нет.

— Но что это с твоим коленом?

Она посмотрела и увидела кровь.

— Да, в самом деле, немного досталось,— ответила она и попыталась улыбнуться.

Вспомнив о своем поврежденном колене, Вера сразу же почувствовала острую боль. Нагнувшись, она приподняла край юбки. Чулок был разорван, а колено оказалось опухшим и окровавленным. От боли она закусила губу.

— Я совсем забыла... А сейчас так больно, ох!

— Дай-ка я тебя перевяжу.

— Не надо.

— Но в рану может попасть грязь.

— Хорошо, я пойду к фельдшеру. Подожди меня, я сейчас вернусь.

Вера поспешила, прихрамывая, к забору, где находился перевязочный пункт.

Когда она вернулась, выражение ее слегка побледневшего от потери крови лица было бодрым и веселым. Гражев смотрел на девушку с нескрываемым восхищением.

— Пойдем-ка туда! — показал он на разрушенную стену.— Здесь нас может задеть какая-нибудь шальная пуля.

Они расположились в пулеметной ячейке, куда уже вернулись товарищи Гражева.

Бой утих. И эта атака не принесла гитлеровцам успеха. Обе стороны понесли тяжелые потери.

Перед ними расстилалось поле, покрытое трупами. Раненые протягивали руки, взывая о помощи.

Враг молчал. Все было спокойно, наступила тишина. И эта глубокая тишина, от которой они отвыкли, казалась неправдоподобной.

6

По дороге к штабу полка Вера догнала группу пленных фашистов, которую конвоировали два болгарских солдата. Конвоиры относились к пленным по-человечески. Не останавливаясь, группа продолжала свой путь по шоссе в направлении к Харкану. Вера окинула ее взгля-

дом и подумала, что в конвоирах нет необходимости: пленные выглядят такими жалкими и беспомощными, и если им приказать, они наверняка сами явились бы туда, куда скажут.

Обменявшись несколькими словами со знакомым офицером из штаба, Вера быстро пошла вслед за пленными и догнала их у края поля, где начиналась маленькая березовая роща и дорога делала поворот. Она поравнялась с болгарским солдатом, который беззаботно шел позади, как будто это были не пленные, а стадо овец. Солдат что-то жевал, всем своим видом показывая, что он совершенно спокоен и занят своими мыслями. Она всмотрелась в его полное, румяное лицо и, встретив невозмутимый взгляд солдата, спросила:

— А ты, товарищ, не боишься, что кто-нибудь из них убежит?

Солдат посмотрел на нее недоверчиво, но понял, что она шутит, улыбнулся и пробормотал себе под нос:

— Смеешься ты, что ли? Пусть бежит, если не лень! Скатертью дорога! — Он кивнул на широкую пыльную дорогу, показал на винтовку на своем плече и еще раз улыбнулся, желая, вероятно, этим сказать: «Ладно, мы свое дело знаем... Будь спокойна!» Вера уловила хитрый огонек в его глазах. Этот крестьянин с мозолистыми, тяжелыми ладонями и толстой, красной шеей был преисполнен чувства уверенности в своих силах.

— Хороший улов, ничего не скажешь! — показала она на понурые спины шедших перед ними фашистов.

— Придется ему потрудиться, еще попотеет,— сказал солдат, не переставая жевать.

— Кто?

— Известно кто, он, фриц! — ответил солдат добродушно и покачал головой.

— Почему, товарищ?

— Потому что будет работать, работать по восстановлению разрушенного... Или ты думаешь, что мы все так оставим, а?

Вера дружески улыбнулась ему в ответ. Остроумие простого крестьянина, который высказал вслух то, что думали и она и другие, покорило ее своей бесхитростностью. Вера улыбнулась солдату еще раз, и тот воспринял это как заслуженную награду за свое остроумие и проницательность.

Она пошла вперед, внимательно присматриваясь к идущим. Никогда в жизни не видела она более жалких существ, чем эти пленные! Это были не люди, а какое-то подобие людей — таким, по крайней мере, было ее первое впечатление. Как они изменились! Это уже не были те надменные, высокомерные голубоглазые и светловолосые псы-рыцари, парадным маршем, прусским шагом прошедшие четыре года назад по ее маленькой родине. Всего несколько часов назад эти люди с пренебрежением думали о болгарах и были целиком поглощены одной мыслью: убить как можно больше болгарских солдат, чтобы осуществить свою цель — захватить высоту, установить там пулеметы, за одну ночь перерыть всю землю и соорудить сеть окопов, блиндажей, пулеметных и минометных ячеек. Но теперь от их высокомерия и надменности не осталось ничего, и она видела перед собой только их сгорбленные спины и опущенные головы.

Вера прошла мимо них со смешанным чувством ненависти и отвращения. Некоторые пленные были рады тому, что произошло с ними. Вера заметила в их глазах радостный блеск. Лучшего они и желать не могли. Наконец-то война для них кончилась!

Группа пленных осталась далеко позади. Медленно двигались они по изрытой дороге навстречу плену, который уготовила им судьба. Им некуда было спешить, то, что им предстояло, было неотвратимо. Вера медленно шла по обочине шоссе, чувствуя, что ее колено снова начинает болеть. Время от времени, когда какая-нибудь шальная пуля с тонким писком пролетала над ее головой и зарывалась в землю, Вера останавливалась. Шум боя постепенно утихал, слышались только далекие выстрелы дальнобойной немецкой артиллерии, расположенной по ту сторону Дравы. Вдруг из-за поворота дороги, чуть не столкнув ее в придорожную канаву, выскочила машина. Вера вздрогнула, испуганная. Машина сбавила скорость и продолжала свой путь к Харкану. Вере удалось, однако, рассмотреть лица пассажиров, сначала смутившихся, а потом приветливо улыбнувшихся ей.

Скоро она забыла об этом эпизоде. Ее внимание привлекла санитарная повозка, медленно ехавшая перед ней по дороге. Стоны, доносившиеся из повозки, заставили ее ускорить шаги, и, несмотря на сильную боль в колене, Вера догнала ее. Маленькая вислоухая черная лошадка,

беспрестанно перевозившая раненых, совсем выбилась из сил и сейчас еле-еле тянула тарахтящую повозку. Вера поравнялась с ней и увидела идущего с самого краю, почти по обочине дороги, молодого санитара. Она помахала ему рукой в знак приветствия, на что тот ответил устало и неохотно.

— Как он стонет! Наверное, это тяжелораненый?

Санитар кивнул в ответ.

— Кто это?

— Подпоручик,— ответил санитар. У него вдруг появилось желание говорить, и он принялся объяснять: — Знаете, он ранен в живот... Очень тяжелое ранение! Мне кажется, что он не выживет... Бедный парень! Такой молодой и красивый... Мне становится его жалко, когда я вспоминаю, как он просил оставить его там и дать умереть спокойно!

Некоторое время Вера шла за повозкой, прислушиваясь к стонам раненых, но потом почувствовала потребность побыть наедине с собой. Она замедлила шаг, поджидая, пока повозка удалится. К счастью, повозка свернула влево на дорогу, ведущую к лесу, в котором находился полковой лазарет.

Рассказ санитара о раненом молодом подпоручике произвел на Веру грустное впечатление. Она шла в подавленном состоянии и даже не заметила, как оказалась во дворе маленького домика лесника, где располагался штаб полка. Неожиданно она столкнулась с заместителем командира полка, который только что вернулся с передовых позиций. У него был озабоченный вид, какой бывает у человека, который долго не может забыть пережитого. Увидев ее, он преградил ей дорогу и с удивлением в голосе воскликнул:

— Вера! Что с тобой случилось? Почему ты хромаешь?

В его голосе она услышала больше озабоченности, чем, по ее мнению, требовалось, и почувствовала досаду. «Ведь я уже не ребенок»,— подумала она и попыталась его успокоить. Но он настоял на своем и осмотрел ее колено. После того, как он обнаружил рану, выражение озабоченности на его лице сменилось тревогой.

— Иди на перевязку! — настаивал он.

Вера принялась возражать:

— Ничего страшного со мной не случилось, пустяки... Упала и ударилась!

— Но у тебя колено распухло!

— Сделаю компресс, и все пройдет.

— Нет, надо показать врачу!

— Но, товарищ Петров...

— Я тебе приказываю, Вера!

Больше она не возражала. Сочла благоразумным терпеливо выдержать всю его заботливость, которая начала ее тяготить. А он, заметив ее огорченный вид, принялся утешать девушку:

— А что я скажу твоему отцу, если с тобой что-нибудь случится?.. Подожди, не возражай! Сначала выслушай, а потом... Ты прибыла сюда не просто так, а с определенной задачей. Выполняешь ли ты свои обязанности? Делаешь ли то, что нужно? Представь мне отчет, чтобы я знал, что ты до сих пор сделала!

Вера опустила голову. Он и в самом деле прав: до сих пор она сделала очень мало из того, что должна была сделать. Может, ей и удалось бы сделать больше, но гитлеровцы форсировали реку и помешали ей выполнить задуманное. Он увидел виноватое выражение ее лица и, решив, что на сегодня с нее хватит, строго сказал:

— Иди и ложись! Я пришлю фельдшера, чтобы он сделал тебе перевязку... Ну, ступай и без моего разрешения не смей покидать штаб!

Опустив голову, она со слезами на глазах медленно направилась к одной из построек, где находился ее уголок. Смущенный и даже немного раскаявшийся в своей строгости, он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за стоявшими в ряд повозками, вокруг которых расположились ездовые, о чем-то спорившие и шумевшие. Так он стоял несколько секунд, а потом повернулся и быстро направился в штаб.

7

Командир полка, заложив за спину руки, расхаживал по маленькой комнате одиноко стоящего в лесу дома и рассеянно слушал споривших офицеров. Он еще не высказался, сохранив за собой право выступить последним. Все присутствующие говорили о значении разработанного плана, и почти все высказывали одно и то же мнение:

необходимо немедленно и решительно начать осуществление этого плана, иначе они рискуют потерять те позиции, которые надежно удерживают в своих руках с утра.

— В данный момент наше положение весьма благоприятно,— сказал полный низкий штабной офицер, очертив толстым пальцем дугу на разостланной перед ними карте.— Я считаю, господа, что мы должны немедленно предпринять контрнаступление и захватить инициативу...

— Вот это правильно! — решительно произнес майор Конопицкий, сидевший в углу комнаты. Он курил трубку и был окутан облаками синеватого дыма.

— Но у нас мало для этого сил! — возразил другой штабной офицер, худощавый и тщедушный, со смуглым морщинистым лицом, трудно различимым в полумраке комнаты.

В их спор вмешался заместитель командира полка.

— И все же контрнаступление необходимо предпринять! — заявил он, и в голосе его прозвучала твердость.

— Мы и предпримем его, когда получим подкрепление.

— Подкрепление мы не получим, только напрасно будем ждать. Нет никаких резервов!

— Что же тогда делать?

— Рассчитывать остается на собственные силы! —решительно сказал заместитель командира полка и повернулся к начальнику штаба: — Сообщите в дивизию и попросите, чтобы нас поддержала артиллерия!

— Слушаюсь!

Из облаков дыма появился майор Конопицкий. Все так же спокойно и деловито он подошел к столу и склонился над картой.

— Полк расположен здесь. Как вы видите, это весьма удобные позиции, которые мы надежно удерживаем. Отсюда мы можем начать наступление во всех направлениях. Если мы их потеряем... Впрочем, мы не смеем их потерять! Иначе... иначе просто будет плохо... Понятно?

Два штабных офицера кивнули в знак одобрения, а заместитель командира полка не спускал глаз с его красивого лица.

— Следовательно,— продолжал майор Конопицкий,— чтобы осуществить наш план...

— ...Мы должны предпринять контрнаступление по всему фронту,— подхватил заместитель командира.

— Да. И в этом случае мы можем надеяться, что инициатива перейдет в наши руки. А потом...

— ...Все будет зависеть от нас...

— Правильно,— закончил майор Конопицкий и описал рукой круг.— А что касается помощи, мы скоро ее получим. Через день-два подойдут гвардейские минометы и артиллерия.

— «Катюши»?

— Да, если вы не возражаете, «катюши». Полчаса назад лейтенант Щербаков передал мне сообщение из штаба, что генерал-майор Лукачев приказал направить на наш участок фронта десять гвардейских минометов. Но в ожидании их мы не должны бездействовать. Мы должны собственными силами предпринять контрнаступление и отбросить противника, как это предусмотрено планом. Что вы скажете, господин полковник?

Старый резко остановился, как будто пробудился от глубокого сна, и с удивлением посмотрел на него. Все это время он провел в раздумье, забыв о присутствии других. Казалось, он еще не вполне очнулся и, борясь с усталостью, прилагал немалые усилия, чтобы вернуться к действительности.

— Говорите, говорите! — произнес он рассеянно.— Я слушаю.

Но никто уже больше не хотел говорить, и на некоторое время воцарилось молчание, слышались лишь раскаты орудийной стрельбы и грохот разрывающихся снарядов — вражеская артиллерия напоминала о себе.

— Следует все-таки отметить, что силы противника слабеют,— неожиданно прервал молчание полный офицер.— А что делалось вначале!

— Похоже, что они выдохлись. Да и наши ребята научились воевать!

— Верно! Дерутся они теперь хорошо...

— Самое главное, что нам удалось их задержать! — заметил заместитель командира полка.— Иначе, представляете себе, какая опасность нависла бы над всем южным фронтом?..

— Да! Это самое главное, и оно не останется незамеченным историками Отечественной войны,— добавил майор Конопицкий.— В этих боях болгарский солдат показал себя храбрым воином!

Заместитель командира полка отвел взгляд. От этой похвалы русского, пусть и заслуженной, ему стало неловко. Он знал, что русские зря не похвалят, а особенно этот майор Конопицкий, вместе с которым они воевали уже давно.

Неожиданно Старый быстро приблизился к сидящим и, глядя на них своими серыми, удивительно подвижными глазами, торопливо, как будто выстреливая слова из пулемета, проговорил:

— Ну хорошо, давайте посмотрим, что надо сделать! — Он не употребил слова «план», но всем было ясно, что он готов его выслушать.

С большим вниманием Старый следил взглядом за пальцем штабного офицера, показывавшим путь каждой из частей полка. Старый спокойно и терпеливо выслушал до конца рассказ о всех преимуществах плана, ни разу, вопреки своей привычке, не прервав говорящего, и пришел к выводу, что этот план совсем неплох. Так он буквально и сказал: «Этот план совсем неплох», и все восприняли эти слова как проявление им своего упрямства и нежелания согласиться с чужим мнением до тех пор, пока он не убедится окончательно в его правильности. Но эти слова означали также, что он почти наполовину уже принял этот план, и можно было предполагать, что, поспорив несколько минут, он согласится и с остальной частью плана и одобрит его целиком. Он внимательно дослушал изложение плана до конца и сложил губы в улыбке, обычно свидетельствующей о том, что возражений у него больше нет.

— Ну хорошо,— согласился он наконец и встал рядом со столом. В его глазах горели яркие огоньки, а мышцы увядшего старческого лица застыли, и это делало его лицо похожим на маску. В этот момент никто из присутствующих, знавших его настойчивость, не сомневался в том, что вслед за несколькими минутами глубоких размышлений последуют приказы, которые окажутся решающими для исхода предстоящего сегодня и в течение нескольких следующих дней боя. Старый оглядел всех подряд и, встречаясь взглядом с каждым, читал, казалось, их мысли. Наконец он обратился к своему заместителю:

— Петров, передайте во все подразделения полка, чтобы там были готовы принять боевой приказ! А вы,— повернулся он к двум штабным офицерам,— проследите

за тем, чтобы штаб был готов к продвижению вперед сразу же, как только это потребуется. До настоящего времени мы были слишком удалены от частей. Это было оправдано, пока мы отступали. А теперь... теперь нам предстоит наступление, и мы должны быть ближе к ним. По местам, товарищи!

Офицеры откозыряли, и каждый из них занялся выполнением возложенной на него задачи. В комнатушке остался только Старый. Он принялся беспокойно ходить из угла в угол, словно запертый в клетку лев, ждущий освобождения из плена. Из угла комнаты, скрытый полумраком и клубами дыма, наблюдал за ним майор Конопицкий, с наслаждением куря свою трубку.

Передав по телефону командирам всех батальонов и рот приказ командира полка, заместитель командира поспешил к низкой деревянной постройке в глубине двора, где находилась Вера. Уставшая, долгое время лишенная сна и отдыха, она спала теперь, не слыша канонады и шума боя. Он остановился у ее постели и вгляделся в ее бледное лицо. Разбудить Веру или пусть отдохнет еще немного?

Произошло, однако, то, чего он и ожидал. Вера заворочалась во сне, потянулась, открыла один глаз, потом другой и устремила свой взгляд на него. Некоторое время она не понимала, во сне или наяву все это происходит, потом быстро встала и начала поправлять волосы. Она, кажется, никак не ожидала, что проснется здесь, и теперь, когда прошло охватившее ее поначалу удивление, смотрела на него смущенно и виновато.

— Давно вы здесь, товарищ Петров? — спросила она сконфуженно, как будто боясь, что чем-то обидела его.

— Нет, только что пришел,— мягко ответил он, сожалея о резком тоне, каким говорил с нею два часа назад при их встрече.— Собирайся в дорогу, Вера!

Вера посмотрела на него с удивлением. Прислушавшись к грохоту боя, она только теперь поняла, что произошло, пока она спала.

Дрожащими руками она принялась торопливо собирать свои вещи, в беспорядке бросая в чемоданчик все, что подвернется под руку. Петров едва заметно улыбнул-

ся. Да, он был прав, сомневаясь в ее способности справиться с этим самостоятельно, и хорошо сделал, что зашел предупредить ее. Ведь, что ни говори, перед ее отцом он взял на себя определенные обязательства в отношении девушки.

— Не спеши, время есть! — постарался он успокоить ее, но она встревожилась еще более.

— Что случилось, товарищ Петров? Куда мы отправляемся?

— Мы отправляемся вперед,— ответил он все с той же едва заметной улыбкой.— Через пятнадцать минут полк переходит в наступление!

— Тогда и я...— еще больше засуетилась она, но он удержал ее:

— Ты подожди здесь, Вера! Поедешь вместе со мной в машине... Сейчас я пришлю связного, чтобы он захватил твои вещи!

— Но я и сама могу...

— Выполняй то, что я тебе приказываю!

Она поняла, что и на этот раз ей придется подчиниться, но это не огорчило ее. Впервые она поняла, что без его помощи не могла бы сделать ни шагу, и почувствовала уважение к нему за заботу, которая теперь уже не тяготила ее, а воспринималась как что-то вполне естественное и нормальное.

— Все ясно, Вера? Ну, жди! — вывел ее из задумчивости его голос.— До свидания!

Молодой человек быстро вышел из комнаты. Вскоре со стороны двора, где стояли машины и были привязаны лошади, послышались неясные звуки разговора, а потом громко прозвучал решительный голос: «Запрягай лошадей, ребята!» Это был голос командира полка, собиравшегося в дорогу. Он, по-видимому, отдал приказ начать наступление. По звукам пролетающих снарядов, по свисту пуль, вообще по шуму возобновившегося боя Вера поняла, что полк перешел в наступление по всему фронту. Она встала, поправила перед осколком разбитого зеркала, укрепленным на одной из полок, волосы и, прихрамывая, вышла во двор. Начало темнеть, и в сумраке раннего мартовского вечера силуэты людей и животных вырисовывались как смутные видения сна,

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОЕВАЯ ДРУЖБА

1

В ту же ночь они добрались до Драва Саболч.

Весь следующий день и всю ночь шумно шел проливной дождь, наполнив бурными потоками пересохшие русла речек. Он залил водой окопы и до нитки вымочил солдат. Завернувшись в плащ-палатки, они терпеливо ждали восхода солнца. Дно окопов покрыла липкая и тяжелая грязь, шинели отяжелели от влаги. Скверное время! Солдаты провели ночь на ногах, без сна, и лица их казались теперь суровыми, мрачными, строгими. Они молчали, угрюмые, и на каждую попытку завязать разговор отвечали сердито.

Было холодно и ветрено. Высоко над ними в синеющем небе, словно стадо испуганных овец, бежали в беспорядке растрепанные облака. Размокшая, пропитавшаяся водой земля дышала тяжело. Мгла ползла к вершинам холмов и отступала в глубь темных лесов. Воздух сделался тяжелым, непроницаемым для звуков, и грохот взрывов, раздававшихся за Дравой, был хриплым и глухим, как будто доносился откуда-то издалека.

Здесь, у шоссе, которое вело к Драва Саболч, окопы были неглубокими и тесными. Но солдаты чувствовали себя в них хорошо защищенными. Перед ними возвышалось твердое каменное покрытие дороги, а всего в трех шагах за ним находились вражеские окопы. Солдаты были бдительны и готовы к любым неожиданностям. Опыт научил их быть осторожными и не высовываться из окопов чаще, чем это необходимо. Они знали: за любопытство придется, возможно, заплатить жизнью.

Странное зрелище представлял собой этот участок фронта! Окопы были расположены близко один к другому, их разделяло только шоссе, и солдаты слышали даже тихие покрикивания фашистов и их ругательства. Ночью, когда полк остановился, прямо в темноте было выбрано для окопов это место, и солдаты не могли предполагать, что на рассвете снова окажутся лицом к лицу с ненавистным врагом. В молчании, в мрачной озабоченности тем, что им предстояло, они взялись за лопатки и принялись

копать землю. Весь день и всю ночь ждали они, когда прекратится дождь, и, поняв, что это произойдет не скоро, набрались терпения...

Но вот ветер разогнал облака, и из-за пелены ночи показалось веселое и улыбающееся солнце. Медленно и торжественно наступало утро. Залитая светом даль сверкала. Темные тени и яркие солнечные пятна, словно волны, пробегали по полю. Далеко за Дравой небо, очистившееся от туч, сливалось с вымытыми дождем сизыми очертаниями гор.

Как тяжела, как невыносима тишина! Все чувствовали это, и не один солдат испытывал тайное желание нарушить ее выстрелом. Черт побери! Скорей бы уже начинался бой, пусть он будет самым жестоким, только бы пришел конец этому мучительному ожиданию!

Внезапно до них донеслись радостные крики, смех и шутки. Началось всеобщее оживление. Непонятно как, но оно передавалось от окопа к окопу и овладело всем полком. Стало известно, что этой ночью, во время затишья, когда солдаты, укрывшись плащ-палатками, слушали сердитый шум дождя, на помощь им незаметно подошли советские автоматчики, артиллерия и «катюши». Эту новость, как секрет, солдаты передавали друг другу на ухо. Новость молниеносно облетела полк, и все, до последнего рядового, знали подробности: братушки готовились еще сегодня обстрелять село из своих «катюш». Предстоит бой, в котором фашистам несдобровать... Ну, сегодня им достанется! Наибольшее оживление царило там, куда подошли советские солдаты. Это произошло на левом фланге, где находился Гражев со своими товарищами. Они встретили советских солдат такими радостными криками и таким громким «ура», каким, наверное, их деды встречали некогда русских солдат на Шипке. Советским солдатам уступили место. Их усадили на только что принесенную сухую солому. Охваченные радостью, все даже забыли, что находятся на передовой линии: громко говорили, смеялись и шутили, как будто находились на свадьбе, где вино лилось рекой. Болгары угощали своих гостей сигаретами, очень понравившимися советским солдатам, с любопытством рассматривали их, и улыбки не сходили с покрытых пылью, небритых лиц.

— Где «катюши»? — нетерпеливо спрашивал какой-то молодой солдат.— Скоро мы их услышим?

Этот вопрос был задан смуглому широколицему советскому солдату, сжимавшему в зубах маленькую глиняную трубку и улыбавшемуся открытой, непринужденной улыбкой.

— Вон там! — показал советский солдат на лесок за ними. — Подождите немного... Вы их услышите! Скоро услышите!

За небольшим буковым лесом в течение ночи сконцентрировалась советская артиллерия, ждавшая приказа, чтобы засыпать гитлеровцев снарядами.

Советский солдат рассматривал лицо своего собеседника. Осунувшееся от усталости и бессонных ночей, оно было тем не менее красивым и понравилось ему.

— Как тебя зовут?

— Илия.

— Илья? Смотри-ка, наше имя!

— Ведь мы славяне. А тебя как зовут?

— Артюшка. С Урала я. Ты слыхал об Урале?

— Слыхал, слыхал. Кто не слыхал об Урале!

— Да, широка наша страна... Ну, давай, братец, закурим!

Он снова набил свою трубку. Скоро она задымилась в его зубах, и его широкое, резко очерченное лицо потонуло в густых облачках дыма, сквозь который виднелись небольшие, узкие и продолговатые глаза с затаившейся в них улыбкой.

Откуда-то появился молодой старший сержант. Он быстро шел пригнувшись и проскользнул в окоп совсем незаметно. Его лицо, покрытое юношеским румянцем, выражало большую озабоченность.

— Артюшка! — позвал он, увидев советского солдата.

— Я, товарищ сержант.

— Ищу тебя, черта, полчаса, а ты здесь тары-бары разводишь. А ну, давай быстро к ротному. Он приказал, чтобы ты к нему немедленно явился.

— Сейчас, товарищ сержант. Мы здесь с друзьями так хорошо беседовали, а вы вдруг: «Давай, Артюшка, ротный тебя зовет...» Я сию минуту вернусь, друг! — сказал он болгарину, как бы оправдываясь, и поспешил к лесочку.

Гражев и сержант, оставшись вдвоем, долгое время молчали. Гражев с любопытством рассматривал пришедшего, не решаясь завести разговор первым.

— Ну что? — спросил его сержант, улыбаясь.— Вместе будем воевать?

— Конечно будем, товарищ сержант!

— Хубаво! [1] — сказал по-болгарски сержант. Он выучил несколько болгарских слов, которые употреблял совершенно не к месту. Но это не мешало ему часто употреблять их.— Хубаво! А ты давно на фронте?

— Недавно, с декабря.

— Да, недавно.

Сержант задумался. На него нахлынули воспоминания, и казалось, он не мог справиться с буйным потоком мыслей. Почесав нос, он сказал:

— А я давно. С самого начала войны. Я был на Украинском фронте. Мы отступали на восток... через Украину. Киев, Кривой Рог, Ростов-на-Дону, а потом Волга... Ох, болело мое сердце, когда мы оставляли родные места!

Неожиданно у него возникло желание рассказать, многое рассказать о себе и о своих переживаниях. Но он не находил слов, чтобы выразить муку и страдания того времени, когда они отступали. Слова были все какие-то нескладные, неподходящие, и язык отказывался их произносить. Гражев внимательно слушал сержанта, стараясь понять по этим отрывочным предложениям все то, что волновало его собеседника. Он смотрел в глаза сержанту и по выражению этих синих, чистых, как небо, глаз, в которых была тоска по чему-то потерянному, мог понять больше, чем из сказанных слов.

Сержант родился в селе под Кривым Рогом. Во время отступления его часть быстро прошла через его родные места, и ему не удалось повидаться со своими родителями. Нельзя было задержаться ни на минуту! Враг напирал, а они все отступали и отступали... До каких пор? Пока верховное командование не скажет: «Стой!» Дошли до Волги, и каждый понял: дальше отступать нельзя! Ни шагу назад! Сражаться до последней капли крови, но не дать врагу переправиться через реку... В Сталинграде каждый из них поклялся умереть, но не отдать город немцам! Это было зимой 1942 года... Тяжелые, отчаянные дни и ночи... И кровавый, жестокий бой за каждую улицу, за каждое здание, за каждую пядь земли... Сколько его товарищей погибло! Но они, живые, остались вер-

---

[1] *Хубаво* — красиво (*болг.*)— *Прим. ред.*

ны клятве, которую дали Родине: не отступать из города и не позволить врагу переправиться через реку! Сталинград олицетворял для них Советский Союз, Родину! И они сдержали свою клятву. Враг попал в западню, и они погнали его, как раненого зверя, в его берлогу... Возвращались они той же самой знакомой дорогой... Ростов-на-Дону, Кривой Рог, Киев... Он хотел повидаться со своими старыми родителями, но на том месте, где стоял их маленький дом, там, у реки, под цветущими вишнями, нашел только дымящиеся развалины... При отступлении гитлеровцы подожгли село и убили многих его жителей... Его мать и отца они расстреляли за помощь партизанам, а младшую сестру угнали в Германию... Он спешил, его товарищи ушли далеко вперед, и надо было их догонять... Не было у него времени на то, чтобы на могиле родителей обронить хотя бы одну слезу, он лишь стиснул зубы и поклялся отомстить... В бою он первый бросался вперед и убивал любого фашиста, который оказывался на его пути... Но их кровь не успокаивала его, а, наоборот, будоражила еще больше... Нельзя было вернуть потерянное! Ничто не могло заменить материнскую любовь и отцовскую заботу... За геройство, проявленное в боях, он был награжден орденом и получил звание сержанта... При форсировании Днепра он снова проявил геройство, и ему присвоили звание старшего сержанта. Да, он очень ценил полученные награды, потому что они были даны ему командующим фронтом... Это награды его Родины, которая заменила ему и мать и отца... Бои продолжались... Теперь путь вел на запад... Кишинев, Плоешти... потом София, Белград, а теперь они здесь... Да, длинный путь прошли они в эту войну.

Закончил сержант свой рассказ совершенно неожиданно и просто. К нему вернулось его былое спокойствие, и присущий ему русский юмор, с каким он встречал все жизненные невзгоды, не замедлил проявиться.

— Ну,— поднял он голову и похлопал Гражева по плечу,— закурим, что ли?

— Закурим, товарищ сержант.

— Дай сигарету. Скажи, будем воевать вместе, а?

— Будем, товарищ сержант.

— Хубаво. А потом все по домам. У тебя есть девушка?

— Да,— кивнул головой Гражев и почувствовал, как его бросает в жар.— А у тебя есть?

Синие глаза сержанта заблестели.

— Ага... И еще какая! Она здесь, поблизости, в соседнем полку, в медсанбате.

Он глубоко затянулся дымком сигареты, задержал его на некоторое время в легких, а потом выпустил маленькими колечками. Он делал это с большим удовольствием, словно ребенок, который пускает мыльные пузыри и радуется, видя, как они благополучно поднимаются вверх и ветер уносит их. Несколько минут он молчал, увлеченный сигаретой, а потом махнул рукой, прогоняя последнее синеватое колечко, еще висевшее над его головой, и сказал:

— До войны она работала на стекольном заводе. Хорошая работница. Ударница. Я ее очень люблю! Еще когда мы познакомились, я обнаружил, что она красавица. Это было на заводских спортивных соревнованиях. На ней было белое платье с красной лентой через плечо... Я ее увидел издалека и сказал себе... Эй, не меня ли ты ищешь, товарищ Кононенко? — повернулся он к рослому солдату, который, пригнувшись, приближался к ним.

— Да, товарищ сержант. Вас вызывает лейтенант Васильев.

— Хорошо, Кононенко. Иди и скажи товарищу лейтенанту, что я сейчас приду. А с вами мы поговорим позже. Времени хватит. До вечера, если не начнем, я еще подойду.

Он протянул Гражеву руку и быстро ушел. Гражев смотрел вслед ему и видел, как старший сержант пружинистой и свободной походкой шел мимо сидящих в окопе советских и болгарских солдат. Было что-то милое, располагающее к себе в этом так много пережившем молодом человеке. Гражев был охвачен сильным волнением. Он почувствовал, что его будущее неотделимо от будущего и этого сержанта, и всех советских людей, ставших ему такими дорогими, такими близкими!

2

Бой за Драва Саболч начался рано на рассвете.

Артиллеристы капитана Шульгина спокойно и терпеливо сидели у орудий, курили свои трубки и смотрели

через густо переплетенные ветви старых буков на начинающее светлеть небо. Перед ними на опушке, скрытые зеленью леса, дремали танки майора Антонова, вокруг которых в ожидании приказа суетились солдаты. То тут, то там между деревьями мелькали серые фигуры советских и болгарских автоматчиков, которым надоело валяться без дела на влажной траве. Майор Антонов, капитан Шульгин и один из болгарских офицеров, командир батальона, собрались на совещание. На разложенной перед ними на походном столике потрепанной карте капитан Шульгин чертил цветным карандашом маршрут наступления и договаривался о помощи, которую артиллерия должна была оказать танкам и пехоте.

Наконец-то после пяти дней тяжелых боев полк, поддержанный советской артиллерией, «катюшами» и автоматчиками, переходил в наступление. Штаб армии направил в этот сектор обширного фронта и танковый батальон под командованием майора Антонова. Майор сам расставил танки и теперь ждал, когда придет установленное для атаки время и стальные машины двинутся к селу. Того же, судя по радостному волнению в голосе, которое он безуспешно старался скрыть, очень ждал и командир батальона. Этот крупный, пышущий здоровьем человек, склонившись над картой, с явным удовольствием рассматривал разбросанные на ней черные пятна, обозначавшие отдельные кварталы села.

— Уже скоро...— посмотрев на часы, почти шепотом сказал он, повернувшись к двум другим офицерам.

— Да! Еще десять минут! — подтвердил майор.

В это время зазвонил телефон. Все обернулись в ту сторону, где телефонист, расположившийся в кустарнике, пытался разобрать то, что говорил чей-то голос на другом конце провода. Ни один мускул не дрогнул на лице майора Антонова, когда твердыми, решительными шагами он подошел к телефону и взял трубку. В сумерках раннего рассвета все увидели, как лицо его вдруг просветлело, как бы засияло, а глаза заблестели. Он передал трубку телефонисту и твердыми, уверенными шагами вернулся на свое место.

— Ну что, товарищ майор? — встретил его вопросом капитан Шульгин.

— Начинаем наступление, капитан.

В это время послышался сигнал телефона, располо-

женного у одного из орудий. Пружинисто и проворно, словно молодой спортсмен, готовящийся к соревнованиям, капитан Шульгин побежал туда. Из его слов стало ясно, что командир советской части, подполковник Крюкин, давал последние распоряжения. Капитан Шульгин бросил телефонную трубку в руки солдата и быстро отошел в сторону.

— По местам! — приказал он и достал из кармана кителя вату, чтобы заткнуть уши.

Все пришло в движение. Артиллеристы быстро заняли свои места. Наводчики еще раз проверили прицелы. Все повернули голову к капитану Шульгину, ожидая его команды.

Левая рука капитана, на которой блестел циферблат часов, была согнута в локте, а правая высоко поднята над головой. В слабом утреннем свете движение стрелок было плохо заметно, приходилось напрягать зрение. «Три минуты, две, одна...» Слова рвались с губ, стиснутых до боли. Сердце его билось неудержимо, словно маленький медный колокольчик.

Танкисты тем временем сбросили с танков зеленые ветки. Голос майора Антонова, приказавшего экипажам занять свои места, прозвучал строго и сурово. Капитан Шульгин на какой-то миг обернулся и увидел, как майор, прежде чем опуститься в башню танка, натягивает на уши кожаные колпачки ларингофона. Капитан улыбнулся ему, желая этой улыбкой сказать: «В добрый час, товарищ майор!» Майор ответил ему тоже улыбкой.

— Помни, о чем мы договаривались, капитан! — сказал он шутливо и скрылся в танке. Оттуда его голос прозвучал глухо и сдавленно, как со дна глубокой пропасти: — Экипаж, к бою готовься!.. Водитель, вперед марш!

Капитан Шульгин на миг закрыл глаза и быстро открыл их снова.

— Огонь! — скомандовал он и почувствовал, что им овладевает спокойствие, которому мог бы позавидовать даже самый хладнокровный солдат.

Огонь открыли все орудия. Зеленая стена деревьев заколебалась, задрожала и застонала на тысячу голосов. Где-то справа раздалось тонкое завывание «катюш». В бледном сумраке их огненные нити будто когтями царапали небо. Засвистели пулеметы, закрякали минометы, и их шум слился с грохотом артиллерии.

Двинулись танки. Следом, под прикрытием танков, медленно шли автоматчики. Поднялась из окопов и пехота. Длинные цепи разорвались, и вскоре артиллеристы увидели, что пехотинцы, делая перебежки, устремились вслед за танками, но отстали и тотчас же отказались от намерения искать за ними защиту. В самых первых рядах возвышалась крупная, богатырская фигура их командира, и его сильный голос был подобен звукам боевой трубы.

Пехотинцы шли во весь рост, не обращая внимания на пули и мины противника. Капитан Шульгин смотрел на них с восхищением и нервно, без всякой необходимости теребил ремешок своей фуражки.

— Вот молодцы, идут, как на учении! — сказал он и сделал рукой знак наводчикам.

Одно за другим вздрагивали дула орудий. Раздавался грохот, а затем свист. Капитан снова махнул рукой. Снова вздрагивание дул орудий. Снова грохот и снова свист. Лес наполнился дымом и грохотом. После каждого взмаха руки капитана лес дрожал, как больной, охваченный жестокой лихорадкой.

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь!.. Стоп!

Танки приближались к селу. В бинокль капитан Шульгин видел белые облачка дыма, вырывавшиеся из дул их орудий. Из окраинных домов, превращенных гитлеровцами в укрепления, враг вел по ним ожесточенный огонь. Но это не смущало ни танкистов, ни автоматчиков, укрывавшихся за танками. Как только снаряд попадал в какой-нибудь дом и стены его рушились, пехотинцы врывались внутрь и начинали с врагом рукопашный бой.

Залпы «катюш» сотрясали село. В той его части, которую еще удерживал враг, несколько домов горели, зажженные артиллерийскими снарядами. Длинные языки огня вздымались вверх, над ними стояли столбы дыма.

Танки ворвались на улицы села. Трещали вражеские мины. Противник вел огонь из-за каждого угла, из каждого окна, с каждой крыши. Впереди шел танк майора Антонова. Командир поминутно предупреждал об опасности.

— Экипажи, внимание! — звучал его голос в ларингофонах. — Противник применяет фаустпатроны.

Враг, засевший в одном из полуразрушенных домов на его пути, все еще оказывал сопротивление. Из окошка подвала он вел огонь трассирующими пулями. Одна из

них задела край смотровой щели и рикошетировала. Это рассердило майора. Ну, псы, держитесь! Он нагнулся вперед, посмотрел через толстое смотровое стекло и скомандовал:

— Водитель, к дому... дави!

Танк на полной скорости помчался вперед. С силой, которой они сами не ожидали, танк вломился в дом. Кирпич крошился под его гусеницами. Облако пыли закрыло смотровую щель, и майор ничего не мог разобрать. Танк мчался через широкий двор, вдоль и поперек изрытый окопами. Повсюду валялись трупы немецких солдат. Их было несколько десятков. Вдруг кто-то постучал по люку башни. Это еще что за шутки? Майор тотчас же вспомнил рассказы о войне в Абиссинии. Плохо вооруженные абиссинцы бросались на танки, как пантеры, взбирались на них и отворяли люки, чтобы ножами перерезать экипаж. Майор прильнул к смотровой щели и увидел, что на танк забрался советский автоматчик. Одной рукой он обхватил орудие, а другой, в которой был автомат, размахивал, показывая в направлении одного из домов.

— Вперед, товарищ майор!

Майор развернул танк. Но в тот же момент советский солдат повис на дуле, и по лицу его побежала струйка крови. Пуля попала ему в голову. Тяжело раненный, автоматчик тем не менее не отказался от борьбы. Он спустился на переднюю часть танка и охватил покрепче рукой дуло орудия. Майор видел его лицо. Сначала бледное, оно затем слегка потемнело и приобрело цвет передержанного в печи хлеба. Солдат не хотел признать себя побежденным, и его глаза горели огнем, свидетельствовавшим о тех колоссальных усилиях, которые он прилагал, чтобы не упасть. Через грохот боя до майора донесся его хриплый, приглушенный, но решительный голос:

— Вперед, товарищ майор!

Танк медленно пополз в направлении, которое указывал солдат. Из орудия его вырывались огонь и дым.

Майор Антонов ясно и четко произносил свои команды, но испытывал чувство неловкости от того, что на танке находился человек, нуждавшийся в его помощи. Что делать? Он отстал от своих товарищей и не мог остановиться. Возвращаться обратно также было нельзя: враг отрезал путь к отступлению. Через смотровую щель он увидел, что солдат без движения лежит на танке под са-

мым орудием. Правая его рука еще сжимала автомат, но левая безжизненно свесилась. «Да, конец! Это уже смерть!» Но майор никак не мог успокоиться. Ему казалось жестоким и чудовищным продолжать бой с трупом на танке. Героизм этого солдата взволновал майора. Вот он каков, новый советский человек! Ничто не в силах остановить его, он готов идти даже на смерть для достижения поставленной цели...

Сильный удар потряс танк, и майор с трудом удержался на сиденье. Стрелок, привстав на своем месте, махал ему рукой и растерянно кричал что-то бессвязное. Майора обдало запахом густых паров бензина. Он понял или, вернее, инстинктивно почувствовал, что в танк угодил фаустпатрон. Майор быстро поднялся и увидел, что стрелок, раненный в плечо, корчится от боли. Языки огня лизали его лицо и быстро ползли вверх к башне. Едва придя в себя от удара, майор Антонов собрал все свои силы и, напрягая мышцы, потащил стрелка. Нельзя было терять ни минуты! Сильно нажав плечом на люк башни, он открыл его и выбрался из танка. Вслед за ним из люка высунулся и радист. Вдвоем они вытащили из танка стрелка и отнесли его за какую-то стену. Там они его перевязали.

Неожиданно майор Антонов почувствовал острое желание закурить. Он зажег сигарету и протянул ее радисту: «Возьми, это успокаивает!»

Скрытые стеной, они ждали затаив дыхание и, обливаясь потом, настороженно осматривались. Откуда появятся немцы? Они отстали от своих товарищей и теперь со всех сторон были окружены врагами. Вряд ли им удастся незаметно выбраться отсюда до наступления ночи. Стоит шевельнуться, как их обнаружат и обрушат на них артиллерийский и пулеметный огонь. Что же делать? Не оставалось ничего другого, как ждать помощи. Если на них нападут, они будут защищаться до последнего патрона и умрут достойно, как и пристало советским солдатам.

Полный решимости, майор Антонов ждал, сжимая в руке автомат. Но вот он увидел, что по улице в их направлении идет один из танков. Приблизившись, танк остановился. Командир танка выскочил из башни с криком: «Наш командир жив!» Этот крик вселил в майора новые силы. Значит, они спасены! Он вскочил на ноги и

попал в объятия пришедших им на помощь танкистов. Высвободившись из них, он посмотрел вдаль. Вслед за подошедшим танком через дворы и развалины разрушенных артиллерийским обстрелом домов к ним шли и остальные боевые машины. Майору показалось, что в их движении нет той четкости, какой он учил их в периоды затишья. Да, вот что бывает, когда нет командира! Без промедления он бросился к танку.

— Вы оставайтесь здесь и ждите, — сказал он командиру, — а я займу ваше место!

Он оказался в танке в тот самый момент, когда третий из идущих танков загорелся, пораженный бронебойным снарядом. Майор не видел этого, но догадался о случившемся по лицам своих товарищей, оставшихся снаружи. Он прильнул к смотровой щели. Сейчас или никогда! И командиры всех танков услышали его голос в своих наушниках:

— Водитель, вперед!.. Экипаж, готовься к бою!

Танк майора двинулся через развалины, за ним последовали остальные.

— К центру села! — приказал майор.

«Наш командир жив! Наш командир жив!» — передавали друг другу водители танков, стараясь не отставать от него.

Стальные машины шли через развалины и пожарища. Издали они были похожи на огромных черных жуков. За ними, не выдержав темпа и отстав, двигались автоматчики, находя укрытие в воронках от артиллерийских снарядов, в окопах, брошенных неприятелем, за полуразрушенными стенами зданий, в любом защищенном месте, откуда можно было нанести удар по врагу. Немного сзади, длинной цепью, растянувшейся по всему полю, делая перебежки, наступали пехотинцы. Со стороны леса доносился грохот артиллерии, вой минометов, стрекотание пулеметов. На правом фланге полка гремели «катюши», и солдаты, слыша их голоса, смелее устремлялись вперед.

Ожесточенный бой продолжался.

3

Задача отделения Гражева заключалась в том, чтобы захватить два крайних дома в селе, закрепиться там и ждать прихода командира. Выполняя приказ поручика

Дончева, отделение двигалось за одним из наступающих танков. Гражев смотрел на своих товарищей, и ему казалось, что в морщинах их лиц затаилась невыразимая печаль. Неужели они боятся того, что им предстоит? С этими людьми, с товарищами, большую часть которых он знал с самого начала войны, он все это время был вместе, они делили радость побед на сербском фронте, тяготы трудного перехода через Югославию, вместе переправлялись через Дунай и воевали здесь, в Венгрии. Но почему в их глазах он обнаружил то нескрываемое волнение, которое было красноречивее слов?

Они шли молчаливые и сосредоточенные, каждый из них счел бы неуместной любую попытку начать разговор сейчас, когда решается вопрос жизни и смерти. Со всех сторон рвались снаряды и мины, свистели пули. Убитые и раненые падали вокруг, земля ходила ходуном под ногами, а грохот орудий и вой «катюш» еще больше утверждал их во мнении, что наступила тяжелая минута. Гражев поднял голову и встретил взгляд бегущего рядом с ним солдата. Это был один из тех двух рабочих, которым их товарищи по фабрике дали на митинге наказ не возвращаться без победы.

— Стреляют швабы, плохи с ними шутки, — улыбнулся он Гражеву.

— Ну и наши им спуска не дают! Послушай только, как воют «катюши»...

Они приблизились к селу. Из двух крайних домов, которые они должны были захватить, враг вел отчаянный огонь. Один из танков повернул в направлении домов дуло своего орудия и послал туда два снаряда. Солдаты увидели, как вздрогнуло огромное стальное тело танка и одновременно над домом поднялось облако красновато-серой пыли. Из дома ответили еще более частой стрельбой. Неожиданно танк содрогнулся, словно раненое животное, и застыл на месте. Гражев, который был совсем рядом с ним, почувствовал запах гари, смеси паров бензина, масла и плавящегося железа, руки его обдало жаром, и прежде чем он понял, что произошло, один из танкистов, в дымящемся комбинезоне, выскочил наружу с криком: «Горим! Танк подожгли!» Вслед за ним, держась обеими руками за голову, из танка выбрался еще один человек, весь обожженный и стонущий от боли, в дымящемся костюме. Пламя уже охватило танк. Продолжая

держаться руками за голову, танкист бросился обратно, повторяя: «Там остался наш товарищ! Наш товарищ горит!» Ошеломленный случившимся, почти потеряв от страха рассудок, он совсем не обращал внимания на пули. Прежде чем Гражеву удалось удержать его и напомнить о необходимости поберечься, в танкиста угодил осколок разорвавшейся поблизости мины, и он, все еще держась обеими руками за голову, свалился на землю.

Гражев сделал своим товарищам знак залечь в стороне от горящего танка. До двух окраинных домов оставалось еще пятьдесят метров. Но в той тяжелой ситуации, в которую они попали, эти пятьдесят метров показались ему долгими километрами. Как они доберутся туда? Да и доберутся ли вообще? Не будет ли их попытка безумной дерзостью?

К ним приближались солдаты их роты. Ребята делали короткие перебежки, используя любую ямку, любое углубление в земле, чтобы укрыться там и, дождавшись удобного момента, снова броситься вперед. Немногим удалось добраться до назначенного места. Многие из них пали, сраженные пулеметами и минометами врага. Поле было усеяно трупами, казалось, что смерть неутомимо размахивает своей невидимой косой. Гражев слушал неумолкающий грохот боя, не зная, что предпринять. Но вот один из его солдат получил ранение, и это вывело Гражева из замешательства. Солдат был ранен в голову, никто не решался прийти ему на помощь. Огонь со стороны села такой ожесточенный, что головы не поднять. Солдаты лежали по одному в пяти шагах друг от друга и ждали удобного момента. Как ему помочь? Оттащить назад и передать санитарам, чтобы те его перевязали, было невозможно. Что же делать? Им предстояла атака. Через несколько минут надо будет подняться и атаковать вот эти два дома. Приказ поручика Дончева совершенно ясен. От того, овладеют ли они двумя этими домами или нет, зависел дальнейший ход боя. Значит, они оставят раненого здесь, а сами бросятся в атаку, а потом, когда подойдет пехота, санитары подберут его. В конце концов что значит жизнь одного человека по сравнению с жизнями тысяч!

Гражев поднял голову. Один из двух домов горел, подожженный артиллерийским снарядом. Густые облака дыма скрывали врага. Между солдатами и домом на рас-

стоянии двадцати шагов находилась ограда, разрушенная минами и снарядами. Раньше Гражев не замечал ее, а теперь увидел, и счастливая улыбка озарила его лицо. Они спасены! И его охватило такое чувство, какое, вероятно, охватывает тонущего в море человека, когда волна выбрасывает его на какую-нибудь маленькую скалу, окруженную со всех сторон бушующей водной стихией. Низкая, поднимающаяся над землей всего на несколько сантиметров, эта ограда все же могла служить им удобным прикрытием. Оттуда удобнее всего было броситься на штурм, используя ручные гранаты, и захватить два дома с минимальными потерями.

— Внимание, товарищи! — закричал он. — Слева, справа по одному к ограде, которая перед нами... Бегом, марш!

Один из двух солдат, одновременно поднявшихся на обоих флангах, был убит прежде, чем ему удалось выпрямиться. Второй невредимым добрался до ограды и залег за ней. Но другие солдаты были в нерешительности, боялись последовать их примеру. Положение было серьезным. Гражев мог упустить удобный момент для того, чтобы поднять всех одновременно. Но что же делать? Думая только об одном, он вскочил на ноги и бросился вперед:

— За мной! Вперед! Бегом, марш!

Он бежал не останавливаясь. И ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть, следуют ли за ним его товарищи. Добравшись до ограды, он, задыхаясь, без сил свалился на землю. Рядом с собой он услыхал чье-то тяжелое, сдавленное дыхание. Он огляделся и увидел, что не одинок. Около него залегли два солдата. Неужели только двое? Он поискал взглядом остальных и обнаружил их неподалеку. Сколько же их добралось до ограды? Он пересчитал солдат и, охваченный волнением, понял, что половина убита или ранена по дороге. Значит, он располагал всего четырьмя солдатами! Сам он был пятым... И все-таки это успех! Пусть и впятером, но они пойдут на штурм. Ведь им оставалось преодолеть совсем немного, каких-нибудь тридцать метров. Он сказал про себя: «Каких-нибудь тридцать метров», повторил эти слова несколько раз и горько усмехнулся, поняв, что его попытка самовнушения оказалась безуспешной. «Каких-нибудь тридцать метров!» Это звучало как насмешка. Да и как, в самом деле, преодолеть им это расстояние, которое гитлеровцы поливали

огнем? Он понимал, что это почти невозможно. Но это нужно было сделать! Невозможное нужно сделать возможным. И они сделают, хотя каждый из сантиметров этих «каких-нибудь тридцати метров» означал смерть!

4

В следующую минуту, когда стрельба приутихла и они поднялись, чтобы идти на штурм, он, перескочив через ограду, с удивлением обнаружил, что вместе с ними на обоих флангах поднялось еще несколько отделений. Это вернуло ему смелость, и движения его снова стали уверенными.

На бегу он увидел где-то в стороне сержанта Шумихина. Его фигура мелькнула и сразу же исчезла, как будто бы земля разверзлась и поглотила его. Но ни убитых, ни раненых среди них не было. Значит, сержант жив и после боя сможет встретиться со своей любимой из медсанбата соседнего полка. Гражеву стало так хорошо, что он чуть не закричал от радости.

Он быстро прижался к стене дома. Рядом с ним были его товарищи.

— Приготовить гранаты! — скомандовал он и сам отцепил висевшую на поясе гранату.

Им нужно было разделиться на две группы. Одна будет штурмовать дом через окна, а вторая — через двери, ведущие во двор и сад. Потом они соберутся внутри и решат, что предпринять дальше.

— Динев, ты возьмешь на себя левое окно, а ты, Митре, вместе с Васькой — правое! Я же с ним, — он показал на четвертого солдата, — вход! Тогда фрицам несдобровать... Ну, вперед!

Двое солдат вскарабкались на спины своих товарищей и схватились за карнизы окон. Один из них приготовил гранату, но еще не успел бросить ее внутрь, как оттуда донесся оглушительный грохот, потрясший дом. Кто-то опередил его, бросил целую связку гранат. Но кто?

Не теряя ни секунды, двое солдат влезли в разбитое окно. Остальные сразу же последовали за ними. Гражев и еще один солдат бросились к входу. Враг, однако, молчал. Похоже было, что гитлеровцы оставили дом. В дверях Гражева встретил Динев, с головы до ног покрытый осыпавшейся штукатуркой.

— Товарищ Гражев, в соседней комнате русские солдаты...

— Значит, это они бросили гранаты!

— Они, товарищ Гражев. Они влезли через окно с противоположной стороны...

В этот момент где-то рядом прозвучала пулеметная очередь. Они бросились внутрь дома и закрыли дверь. Фашисты вели по ним огонь из окна соседнего дома. Из маленькой комнатки в глубине дома им сразу же ответил автомат.

— Братушки! [1] — крикнул Динев. — Слышишь, Гражев?

— Пошли к ним!

Их встретил высокий и стройный советский солдат с большой рыжеватой головой, густыми бровями и черными длинными усами. Он стоял на пороге в узком дверном проеме и был похож на великана, нарисованного неопытным художником, старавшимся вложить в малое полотно как можно больше содержания.

— Кононенко! — закричал Гражев. — Здравствуй, товарищ Кононенко!

В глазах великана мелькнуло подозрение, которое быстро сменилось любопытством и удивлением. Он открыл рот, показав два ряда крупных здоровых зубов.

— А, товарищ, вы ли это?

Своей огромной, тяжелой и крепкой рукой с широкой ладонью он удивительно легко сжал небольшую руку Гражева.

— Здравствуйте!

Кононенко закрывал своими широкими плечами всю дверь, и они не могли видеть, что происходит в комнате. Гражев услыхал доносившиеся оттуда возбужденные голоса, ругательства, потом автоматную очередь и чей-то голос:

— Кононенко! Эй, Кононенко! Что ты там делаешь?

— Ничего, товарищ сержант. Разговариваю.

— С кем, с чертом, что ли?

— Нет, товарищ сержант! Я разговариваю с товарищами, с болгарскими солдатами.

---

[1] *Братушки* — название русских солдат, существующее со времен освобождения ими Болгарии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.— *Прим. ред.*

— Иди сюда! Ты мне нужен... О, наши товарищи! — с удивлением воскликнул молодой сержант, появившийся из-за широкой спины Кононенко.

— Сержант Шумихин! Здравствуйте, товарищ сержант!

— Здравствуйте, здравствуйте!

Они обнялись. Потом, не разжимая объятий, несколько секунд смотрели друг другу в глаза.

— Ну? — первым нарушил молчание сержант Шумихин. — Что я вам говорил? Помните?

— Помню, товарищ сержант.

— То-то. А сейчас — за дело! Враг попытается нас контратаковать. Мы должны быть готовы. Сколько у вас людей?

— Вместе со мной — пять.

— Хубаво. Кто командир?

— Я, товарищ сержант. Поступаю в ваше распоряжение и готов выполнять ваши приказы.

Лицо сержанта оставалось невозмутимым. Он быстро ощупал взглядом лица собравшихся вокруг него солдат, как бы оценивая, кто чего стоит, и приказал:

— По местам, товарищи! Двое расположатся в той комнате, что побольше, и возьмут под контроль левый вход со стороны сада. Остальные останутся со мной!

Гражев поставил Динева и еще одного солдата покрепче на указанное место, а сам с остальными своими солдатами присоединился к группе сержанта Шумихина.

Эта группа состояла из девяти советских солдат. Теперь вместе с Гражевым и его ребятами она увеличилась до четырнадцати человек. Это не много, но достаточно для того, чтобы оборонять дом и отбивать контратаки врага, явно готовившегося вернуть утраченные позиции.

Прошло уже полчаса с тех пор, как они заняли дом, а пехота все не подходила. По настойчивости же, с какой наседали гитлеровцы, можно было предположить, что они получили подкрепление и приказ немедленно контратаковать и выбить их из двух этих домов. Можно ли допустить такое? Дома были захвачены ценою больших жертв и усилий, и, если не удастся их удержать, командование им этого не простит. Нет, ни в коем случае нельзя отдавать завоеванные позиции! Наоборот, отбросив фашистов, они должны предпринять новую атаку и расширить прорыв!

5

Штурм соседнего дома осуществлялся по плану, тщательно разработанному сержантом Шумихиным при помощи Гражева. Они разделились на две группы. В первую группу, которой планом отводилась главная роль, вошли два болгарских и два советских солдата. Руководство этой группой было доверено Гражеву. Позже в эту группу вошел и Артюшка, изъявивший желание быть вместе с Гражевым. Вторая группа была оставлена в резерве. В нее вошли все остальные солдаты, а командовал ею сержант Шумихин. Задача этой группы заключалась в том, чтобы прикрывать атаку первой группы и обеспечивать безопасность ее правого фланга, что было необходимо в связи с тем, что дом находился в правой половине широкого двора.

После того как все приготовления были завершены, а оружие проверено самым тщательным образом, они пожелали друг другу успеха и первая группа выбралась из здания.

Преодолеть двор оказалось очень трудным делом. Стоило первому солдату появиться на маленьком, покрытом листовым железом крыльце, как гитлеровцы открыли невероятно ожесточенный пулеметный и винтовочный огонь. Какой-то момент солдаты, растерянные и ошеломленные, колебались, но, когда поняли, что огонь не ослабевает, а, наоборот, усиливается, они один за другим выбрались из дома и, рассредоточившись, залегли в саду. Гражев прополз, прижимаясь к земле, по дорожке и нашел укрытие между двумя грядками. Он испытывал головокружение, отнимавшее силы и способность ориентироваться. В каком направлении продолжать движение? Может быть, он сбился с пути и дом остался левее?

Шагах в десяти от себя он заметил какую-то ограду из досок, за которой виднелся соседний двор, пустынный и изрытый снарядами. Неожиданно дрожь прошла по его телу. Он увидел, как там, около ограды, из густой зелени тянется чья-то рука с зажатой в ней гранатой. «Конец мне!» — подумал Гражев и прижался лицом к земле. Но, вместо того чтобы полететь в его направлении, граната разорвалась за оградой. Приподнявшись, Гражев увидел стоящего во весь рост у ограды Артюшку. Тот первым добрался до нее и сейчас собирался перескочить во двор.

Один из гитлеровских солдат целился в него из окна. Гражев дал автоматную очередь, и фашист за окном упал. Артюшка быстро обернулся, увидел Гражева, улыбнулся и помахал ему рукой. Он взобрался на ограду и собирался уже спрыгнуть в соседний двор, когда два фашиста, неизвестно откуда взявшиеся, преградили ему путь. Артюшка оказался в невыгодном положении. Один из гитлеровцев направил на него винтовку и жестом предложил сдаться. Но Артюшка или не понял, или не хотел понять этого жеста. Он посмотрел на фашиста своими маленькими насмешливыми глазами и сказал только одно слово: «Что?» Фашист замахнулся винтовкой и уже готовился опустить на голову Артюшки тяжелый приклад, но неожиданно раздавшийся выстрел свалил врага на землю. Прежде чем второй немец успел опомниться, еще один выстрел уложил и его. Рядом с Артюшкой сразу же очутились два болгарских солдата, с поразительной быстротой перевалившие через ограду. Оба они были из деревни и еще детьми научились легко и свободно перепрыгивать через чужие заборы. Втроем солдаты залегли за кучей камней, принесенных сюда немцами, вероятно, для того, чтобы служить прикрытием, и открыли из пулемета огонь по группе врагов, которые пытались прийти на помощь своим товарищам.

Из дома все еще стреляли по Гражеву, преграждая ему путь к ограде. Сколько времени Гражев полз, он не мог сказать точно. Судя по преодоленному им расстоянию, никак не меньше полутора часов.

Сильный грохот заставил Гражева забраться в ближайший куст шиповника и застыть там. Решив, что прошло уже достаточно времени, он осторожно выглянул наружу. Из окна соседнего дома поднималось облако белого дыма, смешанного с пылью. Кто-то махал ему оттуда рукой, давая знак приблизиться. Гражев встал и побежал. Одному из советских солдат удалось пробраться через отверстие в стене дома, проделанное снарядом, и захватить фашистов врасплох в тот момент, когда они были заняты установкой миномета. Он швырнул гранату и уничтожил их.

— Где товарищи? — спросил его Гражев.

— Вот они идут, товарищ сержант, — ответил ему советский солдат, стирая ладонью пот с лица.

Подошли и остальные солдаты. Гражев осмотрел весь

дом, оставил в нем одного солдата, а с остальными четырьмя поспешил на помощь Артюшке и его товарищам.

Направляясь через сад к забору, они увидели, что сержант Шумихин и остальные ребята оставили дом и идут через затоптанные грядки. Гражев помахал им рукой, но сержант ответил ему только сдержанной улыбкой.

— Идите, товарищи, идите, не теряйте времени. Мы сейчас!

В соседнем дворе группа Артюшки вела с гитлеровцами тяжелый и неравный бой. Артюшка и его товарищи засели в окопе, расположенном посреди двора, и открыли оттуда огонь по врагу. Но фашисты притащили откуда-то минометы и обстреливали солдат с небольшого расстояния.

Артюшка не пал духом. Он снял с пояса все гранаты, разложил их перед собой, как торговец булочками раскладывает свой товар, и ловко принялся бросать одну за другой во вражеский окоп.

— Держись, Артюшка! — закричал Гражев. — Помощь идет!

Не оборачиваясь, Артюшка строгим тоном предупредил его:

— Поосторожней, бьют из минометов!

Когда Гражев перескочил через ограду, одна из мин разорвалась неподалеку, почти совсем засыпав его землей и песком. Он очнулся только через несколько минут.

Забор рядом с ним трещал под тяжестью тел многих людей, которые одновременно перелезали через него. Значит, сержант Шумихин со своими солдатами уже здесь!

Гражев увидел вокруг себя множество людей, но не мог разобрать их лиц: все еще не пришел в себя после взрыва мины. Но он все же встал и бросился вслед за бегущими солдатами. В середине двора он свалился в какую-то яму и сразу же понял, что находится в окопе у своих.

— Ты ранен? — спросил его кто-то, и Гражев почувствовал, как чья-то рука поддерживает его, не давая упасть.

— Не знаю, товарищ... может быть...

— Смотри-ка, кровь! Ты и в самом деле ранен. В голову!

— Я ничего не чувствую.

— Это от возбуждения. Дай-ка я тебя перевяжу!

Гражев почувствовал на своем горячем лбу чью-то теплую, заботливую руку, закутывающую его голову во что-то мягкое. Ласковый, тихий голос говорил ему на ухо:

— Хорошо, что легко. Тебе повезло!

— А? Что ты говоришь?

— Разве ты не слышишь?

— Я оглох.

— Ну ничего, это пройдет. Полежи-ка здесь!

Гражев без возражений улегся на землю и некоторое время лежал неподвижно. Из забытья его вывел страшный грохот и вой. Получив подкрепление, фашисты предприняли новую попытку выбить их из двора.

Гражев пришел в себя. Где он находится? Он напряг память и вспомнил, как они пробегали через двор маленького домика с садом, где грядки были затоптаны еще прошлой осенью, как перебрались через какой-то деревянный забор и очутились в глубоком и удобном окопе, оставленном противником. Наступил самый тяжелый момент боя, и времени на размышления не оставалось. Гитлеровцы с гранатами лезли со всех сторон, пытаясь пробраться в окоп и завязать штыковой бой.

Сержант Шумихин толково руководил обороной, проявляя при этом поразительную храбрость. Он стрелял из автомата, бросал гранаты и отдавал распоряжения. Он был одновременно и здесь и там, и всюду чувствовался его внимательный взгляд, выискивавший врага, и его твердая рука, одним выстрелом исправлявшая положение.

Напрасно Гражев пытался представить себе, каков будет исход этого тяжелого боя. Бой в этом дворе был чем-то совершенно самостоятельным, не связанным с боями на других участках.

За крошечный, жалкий кусочек чужой земли бились и проливали свою кровь более двадцати человек. Никто не знал, чем кончится этот бой, но каждый понимал, что если он не уничтожит противника, то будет уничтожен сам.

— Эй, швабы! — кричали болгарские солдаты. — Мы вас отсюда выкурим!

Гитлеровцы отвечали им на своем языке.

Советские солдаты были более сдержанны. Они от всего сердца смеялись над словесной перепалкой, но иногда и сами вступали в нее.

— Фриц! Эй, фриц, а ну-ка покажись!

— Русиш! Русиш!

— Что говорят эти скоты?

— Ты думаешь, я понимаю, что они там болтают на своем собачьем языке? Да пошли они к черту!

— Эй, фриц, хочешь повидаться со своей бабушкой?

Но вместо ответа из соседнего окопа прилетела граната и плюхнулась под ноги солдатам. Один из них схватил ее и вернул щедрому дарителю.

— На, возьми! Не нужны нам такие подарки. Научись бросать их получше.

Граната с сильным треском разорвалась в соседнем окопе в тот момент, когда немцы пытались швырнуть ее повторно. Послышались крики, стоны, сердитые голоса. Затем полетела еще одна граната, а за ней — целая серия. Начался отчаянный бой. Грохот. Треск автоматов. Взрывы гранат. Ко всему этому добавились крики раненых и стоны умирающих.

Это был сущий ад. Неизвестно было, откуда ждать беды. Тяжелые минуты испытания воли и духа! Не было боевых линий, не было окопов и ячеек противника. Все смешалось, как в кошмарном сне. Окопы располагались близко друг к другу и пересекались, так что неизвестно было, кто твой сосед — свой или враг.

— Артюшка! — закричал Гражев и хотел взять своего друга за руку, но тотчас же отпрянул.

Он увидел глаза гитлеровца, ползшего к нему. В этих зеленых, кошачьих глазах, сверкавших из-под каски, он распознал огонь дикой, животной ненависти и жажду мести. Фашист смотрел на него как загипнотизированный, застыв на месте и не двигаясь. Похоже было, что от страха, вызванного тем, что его обнаружили, он забыл, для чего оставил свой окоп. «Черт тебя возьми!» — выругался Гражев и бросил гранату, прежде чем фашист успел заметить, что солдат держит ее в руках. В тот же самый момент гранату бросил еще один солдат. Обе взорвались одновременно, и это послужило сигналом. Обе стороны поднялись и бросились в рукопашный бой.

Гитлеровцев было больше. Гражев оказался один против четверых сразу. Но он не испугался. Троих он уложил из автомата. Остался только один. Они оказались лицом к лицу. Вокруг них шла ожесточенная борьба. Борющие-

ся яростно, словно звери, впивались друг в друга зубами, хватали за горло и душили, тянули за волосы, уши и носы. Кто-то повалил Гражева на землю, придавил коленом и принялся душить. Костлявые, цепкие пальцы впились ему в шею, и он почувствовал, что теряет сознание. Но в тот же момент сквозь туман, застилающий глаза, увидел, как Артюшка, уже расправившийся с тремя врагами, спешит ему на помощь. Он не видел, как Артюшка ударил фашиста по голове, но почувствовал, что воздух хлынул ему в горло и дышать стало легче. Артюшка помог ему подняться с земли. Но тут со стороны улицы злобно застрекотал, заплевал пулями крупнокалиберный пулемет. Тогда они плечом к плечу бросились к ближайшему полуразрушенному зданию и скрылись в нем. Но здесь их ждало новое испытание. В соседней комнате уже расположился один гитлеровец, так что чувствовать себя здесь в безопасности солдаты не могли. Что делать? Времени на размышления не оставалось. Выхватив нож, Гражев бросился к стене и начал пробивать в ней дыру. Достаточно будет небольшого отверстия, чтобы бросить в соседнюю комнату гранату и уничтожить врага. Но оказалось, что и фашист не зевал. Послышался глухой скрип. Похоже было, что немцу пришла в голову та же идея. Гражев вздрогнул и еще быстрее, с остервенением заработал ножом. Значит, все будет зависеть от того, кто первый пробьет стену... Жизнь или смерть! Стиснув зубы, он что есть сил работал ножом. Наконец-то! Он отвернул крышку гранаты, быстро рванул чеку и через отверстие в стене просунул гранату в соседнюю комнату. На, фриц, получай дорогой подарок! Послышался резкий грохот. Гражев обернулся, его покрытое потом лицо выражало торжество. Артюшка между тем раздобыл где-то пулемет и уже расписывал своими обычными узорами стены расположенной напротив маленькой церквушки. Там, в ее островерхой башне, притаилось несколько гитлеровцев, державших под обстрелом улицу, которую надо было перейти ребятам.

В соседних дворах также шел рукопашный бой. Подоспевшая пехота занимала окопы противника. Гражев и Артюшка пересекли двор и вышли на улицу. По ней со стороны площади в их направлении двигалось несколько танков. Они шли напролом через груды развалин, рушили оставшиеся от домов стены и сносили с лица земли доми-

ки, вселяя страх и ужас в гитлеровцев, пустившихся наутек к другому концу села.

Во дворе бой закончился. Оттуда вышел с ног до головы забрызганный кровью Кононенко, а с ним его товарищи. Кононенко трудно было узнать. Взлохмаченные волосы, израненное, покрытое грязью лицо. Глаза его все еще горели возбуждением боя.

— Где сержант Шумихин? — таков был первый вопрос, который задал ему Гражев.

Кононенко остановился и исподлобья глянул на него.

— Вон там,— ответил он мрачно.

— А что он там делает? Почему не идет сюда?

— Он лежит там, — сказал Кононенко, показывая рукой в сторону двора. — Он погиб!

У Гражева опустились руки. Он не произнес ни слова, только окинул взглядом пустой двор, будто изрытый кротами, усеянный телами убитых, касками, винтовками и всевозможным оружием.

Да, жестоким и тяжелым был бой! Но они победили в этой битве, победили, заплатив жизнями многих своих товарищей, жизнью прекрасного человека.

Сержант Шумихин! Милый парень, не увидится он больше с любимой девушкой, которая служит в соседнем полку. Он погиб за свою Родину, которую любил больше всего на свете.

Маленький Сталинград

1

До села было еще далеко, но Вера уже почувствовала, что погружается в тревожную атмосферу боя. Высоко над головой в раскаленном небе рвались снаряды гитлеровских зениток и маленькие, рваные облачка колыхались, словно темные занавеси, раздуваемые ветром. Ослепительное солнце мешало ей увидеть самолеты, и Вера напрасно напрягала зрения, пытаясь рассмотреть их блестящие тела, но по шуму моторов поняла, что они уже сделали свое дело и теперь возвращаются на аэродромы. До нее докатился грохот разрывов бомб, сброшенных с самолетов на южную часть села, где еще держались гитлеровцы.

Шоссе, ведшее из Харкана в Драва Саболч, было изрыто снарядами и минами. Это, однако, не мешало движению: непрерывный поток грузовиков и подвод двигался в направлении к фронту, подвозя снаряжение и боеприпасы. Вера шла по краю дороги, у самого кювета, стараясь сохранить спокойствие, которое пришло на смену охватившему было ее на короткое время волнению.

Но картина, открывшаяся перед ней, как только она вошла в село, совершенно поразила ее. На маленькой площади перед церковью лежали убитые гитлеровские солдаты. Трупы лежали там, наверное, уже давно, и лица убитых истлели, конечности отвалились. Мимо, не обращая на трупы никакого внимания, проходили солдаты, обменивались шутками и остротами. Какой-то солдат-толстяк, наверное из интендантской службы, остановившись у полуразрушенного домика, аккуратно резал перочинным ножом колбасу и спокойно жевал ее, время от времени украдкой посматривая на Веру. Девушка прошла мимо не останавливаясь. Несколько мин просвистело у нее над головой и разорвалось во дворе соседнего дома. Она вбежала в первые попавшиеся на ее пути открытые ворота.

Вера никак не ожидала, что именно здесь она встретит товарищей Гражева. Но не успела она еще прийти в себя, как увидела высокого, худого солдата, который махал ей рукой, выглядывая из какого-то подобия медвежьей берлоги, устроенной под грудой развалин:

— Эй, Вера, иди сюда!

Его лицо почернело и покрылось слоем пыли, но глаза сияли радостью. Вера тотчас же подошла к нему.

— Учитель! А где Илия?

— Здесь... Точнее, был здесь, но сейчас отсутствует.

— Куда он ушел?

— По делам... Но почему ты стоишь снаружи? Быстро залезай к нам! Иначе того и гляди швабы тебя подстрелят... — Не успел учитель закончить фразу, как раздался знакомый им уже свист. Значит, враг заметил их. Долго раздумывать нельзя было, и она забралась к нему в берлогу.

— Ну что, стреляют? — спросил кто-то и поднялся из темноты ей навстречу.— О-о! Смотри-ка, кто к нам пришел в гости! Добро пожаловать, товарищ! — Она протянула в темноте руку и пожала сильную и широкую ладонь говорившего.

— Спасибо, Динев. Как вы поживаете?

— Как видишь. Сидим в этой дыре и ждем подходящего момента... — Динев засмеялся своим громовым басом. — Из-за этих псов сидим мы в вонючей берлоге, скоро задохнемся здесь как крысы. Ну да ничего не поделаешь, приходится терпеть... Голову даю на отсечение, что еще до вечера мы отсюда выберемся и расположимся с удобствами где-нибудь на верхнем этаже. А пока, ничего не попишешь, придется ютиться здесь, но вы еще увидите, как хорошо мы устроимся потом: и на пуховых перинах будем спать, и чистыми одеялами укрываться, как в самом роскошном отеле Венгрии. Ну, что слышно нового, товарищ?

— Ничего особенного, Динев. Фашисты отступают...

— Это я вижу. Но скажи мне, как обстоят дела там, на родине? Какие новости? Мы здесь уже две недели газет в глаза не видели, не знаем, что делается на белом свете...

— Самых последних новостей и я не знаю, товарищ. Но кое-что могу вам сообщить. В Софии состоялся большой Всеславянский конгресс. В нем участвовали представители всех славянских стран... Но эта новость старая!

— Рассказывай! Рассказывай! Когда нет свежего хлеба, мы и сухарям бываем рады. Верно ведь, товарищи?— обратился он к окружающим, и Вера только сейчас разглядела в темноте, что они не одни: вокруг них собралось около десяти солдат, жадно ловивших каждое ее слово.

Вера огляделась. Они находились в маленьком подвале деревенского дома, оставшемся почти целым в этом море огня. Поскольку это было единственное достаточно надежное сооружение, которое можно было использовать, отделение Гражева выбрало его в качестве укрытия от вражеских мин и снарядов. У окна, превращенного в амбразуру, они поставили пулемет, за которым расположились два солдата. А там, где раньше была дверь, теперь засыпанная землей, они проделали отверстие, через которое наблюдали за противоположным домом, где расположились отступившие гитлеровцы. Их задача заключалась в том, чтобы не дать врагу контратаковать роту с фланга. Позже они получили новый приказ — атаковать сильно укрепленный гитлеровцами дом и захватить его.

Два часа назад специально присланный связной передал Гражеву распоряжение поручика Дончева: пробраться через груды развалин на командный пункт роты и явиться к нему для получения нового, специального задания. Гражев оставил своим заместителем учителя и объяснил каждому, что тот должен делать, если фашисты предпримут атаку в его отсутствие. В соответствии со специально разработанным планом отделение должно было оставаться здесь и продержаться до наступления ночи, а в том случае если Гражев задержится, то и до утра следующего дня, когда он вернется. Распоряжения Гражева выполнялись учителем самым неукоснительным образом, и, что было особенно важно, все понимали, какое большое значение имел вызов его к командиру роты. В отсутствие своего командира ребята сами чувствовали необходимость в еще более строгой дисциплине.

Вскоре глаза Веры привыкли к темноте, она начала различать предметы, находившиеся в комнате. Она сидела на наскоро сколоченных из досок и покрытых соломой нарах, служивших, вероятно, местом сна для нескольких солдат сразу — такими широкими они были.

Рядом с ней сидел чернявый невысокого роста солдат, имя которого в первый момент она не могла вспомнить. Она напрягла память, стараясь вспомнить, как же его зовут. И наконец вспомнила. Велин Кацарский! Вера несколько раз повторила это имя, и оно напомнило ей что-то милое и дорогое. Погрузившись во внезапно нахлынувшие воспоминания, она обнаружила, что этому человеку она обязана очень многим. Ведь это у него была картина, изображавшая Петефи, которая так взволновала ее и произвела такое сильное впечатление. Потом она спросила, чья эта картина, и, сама на зная почему, посмотрела на него, на Илию. С неудержимой силой охватили ее воспоминания, взволновали. Илия, милый, где он сейчас?

После этих бессвязных и туманных дум она пришла к выводу, что ей не остается ничего другого, как примириться с необходимостью ждать. Она дождется его, увидится с ним, потом вернется туда, откуда пришла, и продолжит свое дело с новой энергией. Незаметно для нее самой глаза ее закрылись, и она почувствовала, как по всему телу разливается тяжелая усталость. Она опустила голову, прислонилась к стене и задремала.

2

Разбудила ее сильная пулеметная стрельба. Казалось, что кто-то тяжелым молотком забивает гвозди около самого ее уха. Вера вскочила, сонная, и вскрикнула от испуга. Первая мысль, мелькнувшая в ее сознании, была: «Где я нахожусь?» Она сразу же поняла, что враг напал на них и что она находится в подвале, где уже два дня располагается отделение Илии. «Илии здесь нет!» — подумала она и впервые испытала такой страх, какой может испытывать только человек, находящийся на палубе тонущего в океане корабля.

Но ожесточенная пулеметная стрельба, доносившаяся оттуда, где было окошко, служившее амбразурой, вывела ее из этого состояния обреченности и вернула к действительности. Значит, враг предпринял контратаку! В темноте она видела мелькание расплывчатых, словно на экране кинотеатра, силуэтов, их непонятные и быстрые движения. В минуты затишья до нее доносились громкие и растерянные голоса солдат, слышались их ругательства. Самым громким и самым растерянным был голос учителя, командовавшего отделением. Вера встала и сделала в темноте несколько шагов, но услышала чей-то сердитый голос:

— Лежите, товарищ, не мешайте!

Она вернулась на прежнее место и забилась в угол.

Вдруг кто-то рядом с ней тяжело задвигался, потом в подвал хлынули солнечные лучи. Значит, еще был день!

Солдат высунулся наполовину, а потом снова опустился в подвал и закричал радостным голосом:

— Товарищи, фрицы бегут!.. Они удирают из дома... Товарищи, ура!..— Он снова высунулся наружу, закрыв своим телом вход, и Веру окружил мрак. Она почувствовала рядом дыхание солдат, готовившихся оставить подвал. А что будет с ней? Неужели ее оставят здесь одну? Нет, она не хочет оставаться одна... Боится она, что ли, остаться одна в этой темной яме? Нет, не боится, но будет лучше, если она пойдет за солдатами.

— Товарищи, — обратилась она с решительностью, которой никто из них в тот момент не смог оценить,— надо ли, чтобы я оставалась здесь, вместо того чтобы помогать вам? Дайте мне оружие, товарищи!

— Оружие? — переспросил кто-то не без удивления в голосе. — Нет у нас оружия, товарищ!

— Что же тогда делать?

— Подождите немного, пока найдется что-нибудь подходящее... Эй, у кого есть лишний пистолет? Дайте товарищу хотя бы пистолет!

— Ни у кого нет пистолета. Подождите, товарищ, вот выберемся отсюда, так найдем столько оружия, что вы не будете знать, какое выбрать... Эй, товарищи, дайте дорогу!

— Выходите поскорее!

— Вперед, товарищи!

— Ура!..

— Ура-а!..

Один за другим солдаты выбирались через отверстие из подвала и под прикрытием огня своего пулемета короткими перебежками устремлялись к соседнему дому. В нем, однако, еще находились гитлеровцы. Завязалась короткая, но ожесточенная схватка, в которой солдаты потеряли двух человек ранеными и одного — убитым.

Остальные солдаты под командованием учителя быстро перебежали под огнем вражеских пулеметов и минометов. Вера, не знавшая до этого момента, чем им помочь, незаметно для себя оказалась вовлеченной в бой. Когда пулеметчики схватили пулемет и побежали к дому, она взяла два патронных ящика и последовала за ними. Когда она шла, сгибаясь под тяжестью ящиков, то заметила обращенный на нее взгляд учителя; улыбнувшись Вере, учитель одобрительно сказал:

— Еще немного. Потом, когда мы устроимся на месте, будет веселее!

— Как я рада, товарищ! Вот удивится Илия, когда вернется! Мы без него сделали все, что нужно!

Но времени на разговоры у них не было. Учитель, как командир отделения, должен был распределить обязанности между солдатами. Он побежал вперед, а она последовала за ним, почти не отставая.

Около самых дверей здания она споткнулась обо что-то твердое, потеряла равновесие; патронные ящики потащили ее за собой, но ей удалось удержаться, и она оперлась на колено, на то самое колено, которое повредила раньше и которое еще не зажило. Острая боль пронзила ее. Но на смену ей пришло чувство радости: в двух шагах

от нее блестел совершенно новый автомат. Она схватила его, как неожиданно найденное сокровище, прижала к груди и продолжала идти, неся и патронные ящики.

Когда она вошла в дом, отделение уже расположилось там и солдаты заняли все ключевые позиции.

У окна был поставлен пулемет, рядом с ним расположился дежурный наблюдатель. Один из автоматчиков забрался на чердак и через специально сделанное в крыше отверстие наблюдал за действиями врага.

Солдаты курили, сидя на полу. Вокруг них в полном беспорядке валялась домашняя утварь. Вера пробралась между сундуками и шкафами и присела около них.

— Ну, — спросил ее один из солдат,— достали ли вы в конце концов оружие?

— Достала, товарищ.

— То-то же! И запомни навсегда: на войне никто тебе не даст оружия, его добывают в бою...

Все дружно рассмеялись, и Вера почувствовала, что краснеет, но не от стыда, а от чувства гордости. Как это правильно! Она завоевала это оружие, не испугавшись смертельной опасности. Разве она не заслужила этой похвалы?

Солдаты были утомлены и один за другим стали засыпать. Вера осмотрелась. Она была единственной женщиной среди этих огрубевших мужчин, с покрытыми пылью, давно небритыми лицами. Но это совсем не смущало ее, наоборот, чувствовала она себя уверенно и легко. Когда придет Илия, он, наверное, будет очень удивлен, но в то же время и обрадован тем, что найдет ее среди своих товарищей такой, какой и должна быть его любимая: простой, прямодушной, лишенной чувства надменности и превосходства над этими обыкновенными, простыми людьми, рабочими и крестьянами. И стремление еще сильнее слиться с ними, устранить последние различия, существующие между ней, девушкой из интеллигентной семьи, и людьми из народа, охватило ее, и впервые в жизни Вера почувствовала подлинное удовлетворение и гордость за сделанное ею.

— Я буду очень рада, если мне удастся остаться с вами подольше,— сказала она своему соседу, сидевшему в задумчивости и сосредоточенно смотревшему в одну точку на полу.

— А в чем дело?— спросил он ее. — Разве ты не можешь остаться подольше?

— Наверное, нет. А мне очень хотелось бы!

— Тогда оставайся. Кто тебе не дает?

— Не могу. — Она вздохнула. — Заместитель командира полка товарищ Петров не позволяет...

— Не позволяет? Смотри-ка! А почему?

Вера взглянула соседу в глаза. Он смутился, виновато заморгал серыми глазами и, чтобы скрыть свое смущение, спросил:

— Ты где служишь, товарищ?

— В штабе полка.

— А что у тебя там за должность?

— Военный корреспондент.

— Ну, тогда другое дело! — обрадовался солдат. — Тогда ты там нужна. А то я... подумал было, что ты... где-нибудь... в интендантстве или санитаркой...

До вечера они продремали. Зная, что нужно быть готовыми к любой неожиданности, они не теряли бдительности. Но когда день за окном наконец угас, они поняли, что сегодня больше уже ничего не произойдет.

Учитель распорядился сменить часовых. Солдаты стали готовиться ко сну. Они переставили мебель, принесли откуда-то доски и ящики и устроили широкие нары в той из комнат, которая была пошире и наиболее защищена. Они не забыли о Вере, которая теперь как бы стала солдатом их отделения. Кто-то предложил соорудить ей постель в той же комнате и отгородить ее шкафом. Вера приняла это предложение с благодарностью и была им признательна за заботу о ней. И в том, что каждый заботился о подруге своего отсутствующего командира, как заботился бы о своей любимой девушке, было что-то трогательно милое и чистое, на что были способны только простые и открытые сердца.

Когда они сделали ей маленькую кровать из досок, она положила на нее чистую солому, покрыла плащ-палаткой. Набитый одеждой ранец должен был служить ей подушкой. В качестве одеяла ей были предложены сразу четыре шинели, но она отказалась, сказав, что ночи сейчас теплые и ее кителя будет вполне достаточно.

Вера видела, что ее присутствие не оставляет равнодушным учителя. В свободную минутку он украдкой рассматривал девушку, долго не отрывая от нее глаз. А ког-

да она раз или два оборачивалась и неожиданно ловила на себе его взгляд, он краснел и грустно улыбался ей.

Приятно было улечься на такую постель, и Вера с удовольствием растянулась на твердых досках.

Стрельба прекратилась, и в комнате было тихо. Лишь отдельные редкие винтовочные выстрелы нарушали тишину наступившего вечера, напоминая часовым о необходимости не терять бдительности на своих постах.

Ночь вошла в комнату. Стало темно. Темно и тихо. Зловещая тишина придавила людей. Было слышно только, как часовые — один на цементированной площадке под навесом, а другой на чердаке — расхаживают взад-вперед и что-то бормочут.

В темноте недалеко от Веры у края шкафа то вспыхивал, то гас огонек. Было видно, что кто-то, терзаемый думами, не мог заснуть.

— Эй, товарищ, ты не спишь? — спросила Вера, не зная, к кому обращается.

— Не сплю, товарищ.

По голосу она узнала учителя.

— Не спится тебе?

— Не могу заснуть. А ведь я так устал! Не идет ко мне сон.

Вера почувствовала, что он чего-то не договаривает.

— Постарайся заснуть. Я победрствую. Если надо будет, я тебя разбужу...

Он ничего не ответил. Вера услыхала только какое-то бормотание и шаги, направлявшиеся в ее сторону.

И когда он приблизился к ней, на ощупь пробравшись в темноте вдоль шкафа, она поняла, что этот молодой человек глубоко страдает из-за чего-то. Он сел рядом с ней на край постели и вздохнул как человек, переживающий тяжелое горе.

— Что с тобой?

— Не стоит об этом говорить, — сказал он, и голос его задрожал.

— Но все-таки, если я могу тебе чем-нибудь помочь, скажи! Тебе полегчает, и тогда ты станешь спокойнее...

Несколько минут они оба молчали, потом он набрался храбрости и тихо сказал:

— Это длинная история, и я не знаю, не надоест ли вам ее слушать. Но если хотите, то, с вашего позволения... я расскажу...

Она выразила свое желание выслушать его.

— Ну вот, — продолжал он после некоторых колебаний, — родом я из деревни. Но мне удалось окончить училище и стать учителем... Для нас, сельских учителей, жизнь в деревне нелегка, но мы привыкли — ведь мы все из деревни. Ну вот, женился я на одной девушке... и об этой-то девушке я и хочу вам кое-что рассказать... Знаете, она из города, девушка городская, такая слабенькая, изнеженная, не привыкшая к тяжелой работе, а в деревне так нельзя... Родители мои — бедняки, они едва зарабатывают себе на хлеб, а в городе с моим жалованьем и не проживешь — дорого очень. Но она, Тинка, моя жена, не могла жить в деревне и вот заладила: «Я хочу перебраться в город! Не могу больше здесь, в деревне, тошно мне». А у меня душа болит! «Ну куда ты пойдешь без денег? И кто будет ходатайствовать, чтобы меня перевели в город? Куда уж мне в город!»

— Но почему? Разве ты не можешь работать в городе учителем? — прервала его Вера.

— Да вы подождите, дайте я вам расскажу... Я не об этом... Можно, конечно, и за океан отправиться, но... дело не в этом... Вы слушайте дальше!

Учитель достал пачку сигарет, долго рылся в ней, вынул одну, несколько раз постучал ею по пальцу, потом сунул в рот и поискал спички. Он зажег сигарету, держа ее в длинных, худых пальцах, которые при свете огонька казались еще длиннее, сделал две-три затяжки и продолжал, понизив голос:

— Я обещал ей, моей Тинке, что мы переедем в город, но не сдержал обещания. Она подождала, подождала и... говорит однажды мне: «Я больше ждать не могу, ухожу к маме. Если хочешь, идем со мной. Если нет — прощай, живи, как считаешь нужным!» Я ее знаю, она упрямая, не как все, если что решит — лопнет, а своего добьется... Так оно и стало. Собрала она свои вещи, наняла повозку и уехала — стыд и срам перед людьми. Я не решился за ней последовать. Думал, ну куда с таким жалованьем? Да и надеялся я, что посидит она день-другой у матери и вернется... Но этого не случилось. Упрямая она, моя Тинка, я ее знаю...

Он снова замолчал, и Вера увидела, что его лицо, освещенное огоньком сигареты, приняло странное выражение. Его широко раскрытые глаза стали какими-то без-

жизненными, они выражали только отчаяние и глубокую тоску по любимой жене.

— Ну а потом? — нетерпеливо спросила Вера.— Что было потом?

— Потом меня мобилизовали. Мы даже не могли увидеться, чтобы попрощаться, ну, как муж и жена...

— И теперь ты из-за нее переживаешь?

— Я не могу себе простить что не поехал с ней...

— Не горюй! Когда ты вернешься, отправишься к ней. И будешь иметь полное право это сделать — ведь ты вернешься с фронта!

— Да, это так, но... есть тут еще кое-что.

— Что же?

— Примет ли она меня?

— А как же? Ведь она твоя жена!

— Это так, но... может быть, и не примет.

Вера снова почувствовала, что чего-то он не договаривает.

— Что же может помешать быть вам снова вместе? — спросила она. — Ты ведь ее любишь?

— Очень.

— А она тебя?

Он ничего не ответил. Потом, после некоторых колебаний, признался:

— Раньше она меня любила, но любит ли сейчас, не знаю. А кроме того, узнал я от своих товарищей, что... был у нее другой... Но даже если это и правда, если она согласится, чтобы мы были вместе, когда я вернусь, я буду ее любить... еще больше, чем раньше...

— А другой?

— Да, другой... Что поделаешь? Ей придется выбрать между мной и им... Ну, я пойду. Вон как разболтался! Ты прости, если я что... Ну ладно, спокойной ночи!

Учитель встал и отправился на свое место в глубине комнаты, где на широких нарах похрапывали его товарищи. Она проводила взглядом его худую, тщедушную фигуру, вспомнила, как нерешительно давал он команды во время боя, и почувствовала жалость к этому доброму слабохарактерному человеку. Какая большая разница между ним и Илией! И она почувствовала, как в ней еще сильнее разгорается любовь к тому, ради которого она

пришла сюда, пренебрегая опасностью. Охваченная мыслями и воспоминаниями, она долго ворочалась на твердых досках и заснула только далеко за полночь.

3

Ее разбудил не грохот начавшейся артиллерийской канонады, а присутствие кого-то, кто только что вошел. Вера открыла глаза. Около ее постели стоял Илия. Он склонился над ней и смотрел на нее своим строгим, внимательным взглядом. В этом взгляде она почувствовала желание проникнуть глубоко в ее душу и узнать самые сокровенные мысли и чувства.

— Илия!

Она приподнялась и села.

— Прости, Вера, я не хотел тебя будить, — улыбаясь, начал оправдываться он. — Но когда я увидел тебя спящей, я не смог противостоять искушению полюбоваться тобою...

— Молчи! — Она приложила пальцы к его губам.

Он сел рядом с ней и взял ее руки в свои. Несколько секунд они молчали, прислушиваясь к грохоту орудий и вою минометов.

Вера с удивлением посмотрела на него:

— Что это?

— Начинается новый бой. Это артиллерийская подготовка. Скоро мы начнем наступление. В нашем распоряжении только пятнадцать минут. Да, ровно пятнадцать!

Гражев посмотрел на часы и виновато улыбнулся.

— Но этого нам хватит, чтобы поговорить. С каких пор мы не виделись?

— Со вчерашнего дня.

— Мне кажется, что прошла уже целая вечность.

— А для меня это время пролетело так быстро!

Разговор прервался. Долго ни один из них не проронил ни слова. Они, казалось, боялись сказать то, о чем думали. Может быть, обстановка, в которой они находились, или волнение, которое вызывал в них начинающийся бой, мешали им вести разговор. Да, времени на длинные разговоры не оставалось и момент был неподходящий! Стрелки его ручных часов спешили к маленькой блестящей цифре, решающий момент приближался. Гра-

жев оглянулся в некоторой нерешительности, окинув взглядом комнату, в которой они были не одни.

Солдаты, чувствуя приближение боя, проявляли признаки волнения. Большинство бесцельно расхаживало по комнате, держа в руках автоматы и выкуривая сигарету за сигаретой в ожидании приказа. Другие лежали на полу, опершись головой о стену, и молча, стиснув зубы, прислушивались к артиллерийской стрельбе, свисту снарядов и грохоту рушащихся зданий. В их глазах Гражев увидел деланное спокойствие, как будто им было все равно: остаться ли лежать здесь и слушать этот ужасный грохот или броситься в атаку на врага и заставить его замолчать раз и навсегда.

Одного из двух наблюдателей, расположившихся у окошка, охватило такое нетерпение, что его руки, сжимавшие рукоятки пулемета, дрожали от волнения. Он в любой момент мог сжать рукоятки чуть-чуть посильнее и выпустить одним махом целую ленту. Мимо них прошел учитель. На его бледном лице Гражев увидел следы усталости и напряжения. Учитель не спал две последние ночи, и лицо его очень изменилось.

— Все ли готово, учитель?

— Все, товарищ Гражев.

— Хорошо. Я сейчас... Ну, Вера, сейчас начнется бой!

Он быстро встал. Положил руки ей на плечи и заглянул в глаза. Девушка подняла голову и ласково посмотрела на него. Ее глаза сияли, отражая яркий солнечный свет, хлынувший в комнату через окошко. Ее щеки пылали, их необычный, яркий румянец выдавал ее волнение и радость, вызванную тем, что они вместе будут участвовать в бою. Гражев сжал руку Веры и быстро отстранился.

— Не покидай комнату до тех пор, пока я сам тебе не скажу, — услыхала она его голос.— Здесь я командир, и ты должна мне подчиняться!

Его бодрый, сильный голос прозвучал решительно. Затем она услыхала, как он быстро и отрывисто дает какие-то команды. Не успела Вера подняться на ноги, как заработал пулемет.

4

Бой продолжался целый день. Гитлеровцы оказывали такое сопротивление, какого сейчас, когда они безоста-

новочно отступали под напором болгарской армии, никто от них не ожидал. Дважды отделение Гражева, поддержанное отделением советских автоматчиков, которые расположились в соседнем доме, атаковало противника, и дважды оно было вынуждено возвращаться на исходные позиции. Они бросились в атаку в третий раз, и им удалось выбить фашистов из двух больших домов на соседней улице и закрепиться там до подхода подкрепления.

На протяжении всего боя Вере ни разу не удалось выйти и повидаться с Гражевым. Помогая двум санитарам, она переносила раненых и целиком была поглощена своей работой. Лишь поздно вечером, когда бой утих и только кое-где все еще раздавались отдельные выстрелы, она принялась расспрашивать об Илие. Ей сказали, что он был легко ранен и теперь находится в одном из отбитых у гитлеровцев домов.

Сердце девушки сжалось. Она почувствовала слабость. Не слушая больше смутившегося санитара, сделавшего Илие перевязку, она бросилась к указанному дому и, войдя в него, оказалась в просторной комнате. Ей сказали, что Илия находится в соседней, маленькой комнате. В следующий момент она была уже рядом с ним.

Гражев сидел за маленьким кухонным столом, покрытым чистой белой скатерью. Его глаза были устремлены на кипу пожелтевших листов бумаги. И первое, что она заметила на этом покрытом капельками пота бледном небритом лице, была узкая полоска засохшей крови, которая начиналась от раны на лбу и проходила за ухом, оставив след на воротнике его кителя.

Вера очень устала, перенося раненых, и едва держалась на ногах, но собрала последние силы и подошла к нему.

— Илия, ты ранен?

Он устало поднял голову и легко улыбнулся.

— Чего там, пустяки! — сказал он и ощупал повязку на голове. — Не беспокойся! Это я так... оцарапался, когда упал!

— Ты должен прилечь хотя бы немного. Вон какой у тебя измученный вид!

— Нет, сейчас не до этого,— мягко ответил он.— Теперь, когда мы заняли такие выгодные позиции, враг наверняка попытается вернуть их себе. Ну да чего ты стоишь? Садись, Вера, вот тебе стул!

Она устало опустилась на стул. Он вгляделся в глаза девушки и обнаружил там тревогу. Вера тревожилась за него! Это наполнило его сердце гордостью. Он коснулся рукой ее плеча, желая показать, что хочет ей кое-что сказать и что она должна его выслушать без возражений. Ее глаза встретились с его глазами, и они смотрели друг на друга не отрываясь. «Ну? — спрашивал ее взгляд. — Скажешь ли ты мне что-нибудь в добавление к тому, что я уже поняла и без лишних слов?» Гражев выдержал ее взгляд и, расправив смятый листок бумаги из лежавшей на столе кипы, спросил:

— Ты умеешь читать по-немецки?

— Попробую. Я учила немецкий в гимназии, но, наверное, все забыла.

— Попробуй все-таки прочитать. — И он протянул ей листок.

Она взяла его и осторожно развернула, боясь порвать эту потрепанную бумажку. Внимательно посмотрев на нее, она подняла глаза на Гражева:

— Что это такое?

— Если бы я знал, не стал бы тебя спрашивать. Я взял эти бумаги у одного убитого гитлеровского офицера. Мы нашли у него и несколько карт с обозначенными на них планами наступления и операций, которые немцам не удалось осуществить. Карты с планами мы отправили в штаб, а бумаги оставили у себя. Мне кажется, что это письма от его родных. А то, которое ты держишь в руках, мы нашли в запечатанном конверте. Не успел он, значит, его отправить. Что он в нем пишет?

— Да, ты прав, Илия. Это его письмо жене. У него жена и двое детей. Я давно не занималась немецким, и переводить мне будет трудно. Но я все же попытаюсь разобраться в том, что здесь написано. Вот что пишет своей жене лейтенант Вальтер из сводной роты двести пятьдесят седьмой пехотной дивизии.

Вера низко нагнулась над письмом и медленно, по слогам, как ребенок, принялась расшифровывать мелко исписанные карандашом строчки:

— «Милая моя маленькая Ампле, это, возможно, мое последнее письмо тебе. Сейчас я сижу в своей дыре по уши в грязи, блохи и вши так и кишат на мне. Наша сводная рота получила приказ перейти Драву и оказать

помощь другим нашим частям. Раньше я никогда не писал тебе о таких вещах, но сегодня что-то заставляет меня изменить этой привычке и рассказать тебе обо всем. В ту ночь, когда мы переправлялись на резиновых лодках, было очень темно, поэтому мы высадились в той части берега, где позиции противника особенно сильно укреплены. Мы двинулись несколькими рядами. Фриц, конечно, шел со мной. Но нас встретили таким огнем, что нам пришлось остаться на берегу до сегодняшнего утра. Сейчас около девяти часов. На правом фланге наши части давно продвинулись вперед и заняли несколько сел, а мы еще стоим и ждем. Артиллерийский огонь неприятеля наносит нам большой урон. У нас много убитых и раненых. Но сейчас мы ничего не можем предпринять. Нужно ждать вечера. Когда стемнеет, мы предпримем атаку, чтобы продвинуться на венгерскую территорию. О том, чтобы вернуться, не может быть и речи. Мы должны здесь или победить, или умереть. Все наши лодки, за исключением одной большой и одной маленькой, уничтожены. И, может быть, так лучше, потому что мысль, что за спиной у нас есть что-то, с помощью чего мы можем отступить, лишала бы нас упорства. А так нам остается только одно: вперед!

Между прочим, в таких условиях, какие сложились сейчас, человек может лучше всего познать себя и других. У Йоже Веселича, например, за четверть часа до того, как нам надо было выступать, начались такие сильные боли в желудке, что он не мог идти. Такие случаи бывают часто. Но важно не это. В данном случае важно то, что это происходит с убежденными национал-социалистами. Тяжело становится при мысли, что есть среди нас такие мужчины! Впрочем, мужчинами они никогда не были, а всегда были шантрапой. Да, именно шантрапой!

Извини меня, пожалуйста, моя маленькая Ампле, за это выражение, но ведь ты меня знаешь. Я не могу понять, почему одни должны приносить в жертву свою жизнь, в то время как другим так хорошо удается спасать свою, а потом дома важничать и выдавать себя за героев. Они, нацисты, способны на это. Они не идут вперед, а самым подлым и трусливым образом бегут с поля боя. Какой позор!

Я и раньше не мог терпеть этого чернявого и жадного Йоже, но со вчерашнего дня он для меня просто презрен-

ный трус и болтун, который чванится своим национал-социализмом. А трусов, особенно таких, я презираю. Каждый, хотя бы немного, должен владеть своими нервами. Если бы каждый мог сделать то, что я и мои товарищи сделали в тот день, война продолжалась бы не более трех месяцев. Проклятые большевики и дикари болгары не упорствовали бы так глупо и бессмысленно, как они это делают сейчас. Ну да что поделаешь — так было предопределено всевышним!

В то время как я пишу тебе эти строчки, вокруг раздается пулеметная, минометная и артиллерийская стрельба. Вши меня мучают ужасно, но я ничего не могу с ними поделать. Можем ли мы надеяться, моя маленькая Ампле, что этому испытанию, ниспосланному нам всевышним, придет конец? Может быть, это испытание укрепляет дух нашей чистой германской расы, которой предназначено владеть миром!

Я заканчиваю письмо пожеланиями всего хорошего. Пиши мне. Как поживают мать и отец? Как дети — наша маленькая Гретель и дорогой Ганс? Регулярно ли Гретель посещает церковь? Учится ли она игре на пианино? Ганс, наверное, отличается в стрельбе? Пиши, пожалуйста, пиши почаще, не мучай меня ожиданием. Пришли мне свитер, потому что старый у меня украли.

Жду письма. Нежно целую тебя тысячу раз в щеку. Поцелуй за меня детей — мою маленькую Гретель и дорогого Ганса.

Вечно твой Вилли Вальтер».

Закончив чтение письма, Вера посмотрела на Гражева.

— Ну, что ты скажешь? — спросил он ее. — Как тебе понравилось это письмо?

— Ничего более мрачного, чем это письмо, я не могу себе представить,— ответила она, возвращая ему листок.— Этот глупый и несчастный лейтенант Вилли Вальтер был, как видно, очень наивным человеком. Следует, однако, знать, что он не один такой, таких, как он, много, и если не все немцы, то, по крайней мере, половина из них думает так же...

— Плохо для них не то, что они так думают, а то, что они все еще надеются на что-то. Но я не знаю, на что еще могут они рассчитывать!

— Наверняка на всевышнего, — с иронией ответила

Вера. — Гитлер в последнее время очень часто упоминает в своих речах его имя...

— Ладно, пусть он его поминает, пусть рассчитывает на него, ничего его не спасет! — рассмеялся Гражев и взял Веру за руку. — А сейчас нам надо, Вера, отдохнуть, потому что, кроме как на самих себя, нам не на кого рассчитывать... Немцы предпримут контратаку, вероятно, еще сегодня. Ты устала? Ну, иди приляг, а я выйду ненадолго, проверю часовых... Я скоро вернусь!

5

Когда Вера проснулась, на столе уже стояла еда.

— О! — всплеснула она руками. — Что я вижу! Откуда такая роскошь?

Губы Гражева расплылись в широкой улыбке, выдававшей радость от того, что он доставил ей такое необычное удовольствие.

— Это по случаю твоего пребывания у нас в гостях.

Она с нескрываемым волнением поцеловала его в щеку.

— Впредь всегда так будет. Вот кончится война, увидишь...

— Откуда ты взял это? — прервала она его, показав на банку мясных консервов.

— Это трофей! Позавчера, захватив один из домов, мы обнаружили там целую гору таких банок. Немцы не успели забрать их с собой... Похоже, что они собирались провести там целый месяц, отступать не думали... Ешь, ешь! Почему ты так смотришь на меня?

— Я не могу нарадоваться, глядя на тебя. Ты стал такой... как бы это сказать?

— Ты ешь, ешь, а разговоры потом...

Вера ножом взяла кусочек консервированного мяса, положила его на ломоть хлеба и с удовольствием принялась жевать. Гражев смотрел на нее и радовался ее аппетиту, который она и не пыталась скрывать. Он хотел отблагодарить девушку за то, что она сделала несколько дней назад, когда они, голодные и измученные жаждой, ждали атаки врага в развалинах усадьбы Седен.

— А это что? — воскликнула она, когда Гражев принес стеклянную банку с яркой этикеткой на незнакомом языке.

— Угадай!

— Не могу.

— Если угадаешь, получишь всю банку.

Она с нетерпением заглянула в банку и, всплеснув руками, воскликнула, словно маленький ребенок, которому обещали дорогой подарок:

— О, варенье!

— Да, вишневое варенье. Мы нашли его здесь, в погребе. Очень вкусное. Вот, попробуй. — Гражев поставил банку перед ней.— Ешь сколько хочешь! Только смотри, чтобы тебе не стало плохо... Я знаю, что дети любят варенье!

— Эй! — погрозила она ему пальцем, продолжая облизывать нож, которым доставала из банки вишни.

Какой очаровательной была она в этот момент! Ее глаза блестели, как у восхищенного ребенка, которому сделали обещанный подарок. Он смотрел на ее руки, на ее лицо, когда она ела варенье, и думал: «А как же Вера выглядела тогда, в первый раз, когда мы познакомились?» Он вспомнил важное, серьезное выражение ее лица, глубокий взгляд, в котором были подозрение и почти враждебность, и ему сделалось невыразимо весело.

— Над чем ты смеешься?

— Разве я смеюсь?

— Да. А разве не смеешься?

— Это тебе показалось.

— Нет, я хорошо видела: ты смеялся. Вот и сейчас твои глаза смеются, и губы тоже...

Вера встала и, быстро подойдя к Гражеву, обняла его. На какой-то миг он смутился, испуганно оглянулся, боясь, что кто-нибудь случайно войдет и застанет их прижавшимися друг к другу, и впился губами в ее губы.

За дверью послышался какой-то шум, и они поспешили отстраниться друг от друга. Вид у них был виноватый и печальный, как будто они совершили какое-то преступление. Дверь без стука открылась, и в комнату испуганно заглянул Велин Кацарский.

— Товарищ Гражев, прибыл заместитель командира полка.

По телу Гражева прошла дрожь. Но ему быстро удалось справиться с волнением. Лицо его побледнело и приняло виноватое выражение, потом покраснело, бледность и румянец смешались, образовав тот самый цвет

перестоявшегося в печи ржаного хлеба, естественный для его худого смуглого лица. Он бросил быстрый взгляд на Веру и, к своему большому удивлению, увидел, что она совершенно спокойна, как будто ничего не произошло. «Она всегда держится с достоинством!» — отметил он про себя и сделал несколько шагов к дверям, в которых уже появился заместитель командира полка Петров, улыбавшийся широкой, добродушной улыбкой.

— О, кого я здесь вижу! Вера? Здравствуй, Вера! Здравствуй, Гражев!

Он протянул им обе руки одновременно, и они обменялись крепкими рукопожатиями.

— Неплохо вы, друзья, устроились! — сказал Петров шутливо, оглядев комнату, незастланную постель, стол с открытыми консервными банками и нарезанным хлебом. — Ого, да у вас тут еда!

— Это свинина, товарищ заместитель командира полка.

— Замечательно! Великолепно! Давно уже я не ел свинины... А здесь что? Варенье?

— Вишневое, товарищ заместитель командира полка. Не желаете ли попробовать?

— Конечно. Не откажусь. Я ужасно люблю вишневое варенье. Дай-ка нож, Гражев, чтобы я мог его попробовать.

Он уселся за стол и принялся орудовать ножом, доставая варенье из глубокой банки. Гражев, подождав некоторое время приглашения сесть, сделал знак Вере и сел сам. Вера расположилась на постели, приготовившись слушать разговор мужчин со стороны.

Попробовав вишневое варенье, заместитель командира полка зажмурил от удовольствия глаза.

— Когда-то, когда я жил у матери,— начал рассказывать он, — а это было очень давно, в детстве... я, знаете ли, очень любил варенье... Моя мать была очень хорошей хозяйкой и большой мастерицей делать разные соленья и варенья. Она делала такое варенье, вкус которого человек, попробовав однажды, запоминал на всю жизнь... и долго еще потом облизывал пальцы, как это сейчас делаю я...

Петров лукаво посмотрел на них и поднес к губам липкие от вишневого варенья пальцы. Гражева и Веру при виде этой картины охватил безудержный смех. Петров присоединил свой вибрирующий сочный баритон к их

голосам, и они втроем долго-долго заливались смехом. Но вот заместитель командира полка счел нужным положить этому веселью конец.

— А теперь, Гражев, скажи мне, как обстоят у тебя дела?

— Очень хорошо, товарищ заместитель командира полка.

— Посты выставлены?

— Так точно, выставлены.

— Будьте начеку. Гитлеровцы не преминут побеспокоить нас до вечера, по крайней мере, еще три-четыре раза.

— Мы готовы, товарищ заместитель командира полка.

— Вы наступаете так быстро, что штабу за вами не угнаться. Как ребята, ели?

— Я всем раздал консервы.

— Хорошо, Гражев. Будьте бдительны и готовы к любым неожиданностям! — Он посмотрел на стол с консервными банками и добавил с улыбкой: — А за варенье — спасибо.

— Если хотите, товарищ Петров, я дам вам две банки вишневого варенья, у нас его много. Мы нашли его здесь, в погребе... Велин, приготовь две банки варенья для товарища Петрова!

— Спасибо, Гражев. От варенья я не откажусь. А ты смотри не осрамись.

— До сих пор я не осрамился, товарищ Петров.

— Да нет, я другое хотел сказать, продолжай так же старательно делать свое дело. Я тобой очень доволен. И скажу поручику Дончеву, чтобы он имел тебя в виду, когда будет представлять к наградам...

— Рад стараться, товарищ заместитель командира полка, — сказал Гражев, встав по стойке «смирно».

Заместитель командира полка сделал несколько шагов к двери, но вдруг остановился.

— А ты, Вера, остаешься здесь?— Он вопросительно посмотрел на нее.

Избегая его взгляда, Вера ответила:

— Остаюсь, товарищ Петров.

Он улыбнулся и помахал им рукой:

— Ну тогда... до свидания, товарищи!

6

Последующие дни определили исход битвы за Драва Саболч. По нескольку раз в день фашисты предпринимали контратаки, пытаясь вернуть потерянное, но каждый раз отступали на новые позиции. Эти короткие, шедшие с большими интервалами бои отличались ожесточенностью, обе стороны несли большие потери. Чем дальше отступали гитлеровцы, чем большую территорию теряли они, что ограничивало их возможность маневрировать и осуществлять операции сколько-нибудь значительного масштаба, тем более ожесточенными и злобными они становились. Каждый день болгары брали в плен десятки вражеских солдат и офицеров. От пленных командование узнавало о подробностях, касавшихся намерений противника, и всегда вовремя успевало принять меры, чтобы сорвать задуманные операции.

Странные люди эти немцы! Гражев никак не мог их понять и отказался от всяких попыток в этом отношении... Они видели, что их положение безнадежно, видели, что повседневно, ежечасно, ежеминутно проигрывают войну, и вопреки этому продолжали сражаться упорно, фанатично, не отказываясь от своих попыток продолжать наступление и вторгнуться на венгерскую территорию. Они дрались свирепо и ожесточенно, с методичностью бездушных машин, сломить которые можно было только сильным огнем и сокрушительным ударом. Только попав в окружение и исчерпав все возможности сопротивления, они вылезали, словно мыши, из своих щелей и, подняв руки, кричали гортанными голосами: «Капут! Капут!»

Гитлеровцы были почти полностью выбиты из села, и лишь маленькая их группа все еще оказывала сопротивление, укрепившись в нескольких домах на окраине. Рота поручика Дончева получила приказ немедленно предпринять последнюю атаку и выбить их из дома, что дало бы возможность легко оттеснить противника к реке.

Отделение Гражева подошло к этим окраинным домам, взятие которых должно было означать конец кровавых боев, вот уже более недели шедших за каждую улицу, за каждый дом, за каждую комнату. Из окна разрушенного здания, занятого его отделением, Гражев видел два маленьких дома, из которых фашисты вели по ним минометный огонь. Отделение рассыпалось во дворе в

цепь и поползло к забору, окружавшему два этих дома. Из окна Динев поддерживал ребят огнем своего пулемета. Откуда-то сзади время от времени били минометы, а артиллерия, занявшая позиции за селом, осыпала снарядами узкую полоску домов. Серый дым и желто-красная пыль, смесь разбитых кирпичей и штукатурки, поднимались в воздух при каждом попадании снаряда в цель. Крыши домов рушились с шумом и треском, оставались торчать грозно оскаленные стены. Гражев видел, как из домов выскакивали перепуганные фашисты и бросались бежать, но Динев огнем своего пулемета загонял их в ближайшие дома. На них сразу же сосредоточивали свой огонь артиллерия и минометы.

Кто-то хлопнул Гражева по плечу, и он обернулся в недоумении. Перед ним стоял знакомый солдат, связной поручика Дончева.

— Товарищ Гражев, поручик приказывает вам немедленно начать атаку!

— Хорошо,— махнул рукой Гражев и высунулся из окна: — Слева и справа по два, перебежками к двум разрушенным домам! — Он выбежал из дома, крикнув на ходу Диневу: — Поддержи огнем, Петр!

Динев видел, как Гражев пересек двор и бросился вслед за своими ребятами туда, где то и дело появлялись белые облачка дыма.

— Он совсем не бережет себя! — процедил сквозь зубы Динев, поднимая дуло пулемета повыше. — Как будто он бессмертный!

Гражев добрался до забора последнего двора, за которым виднелась пустая и изрытая улица. Он хотел было перескочить через него, увлекая за собой своих товарищей, но остановился: откуда-то из-за угла появилось несколько танков, с грохотом прошедших перед ними.

— Ура! — закричал кто-то. — В бой вступили наши танки!

— За мной... ура! — закричал Гражев и перепрыгнул через забор.

Он не оглядывался, чувствуя за собой напряженное дыхание своих товарищей, слыша их шаги и короткие, отрывистые очереди их автоматов. Неожиданно он остановился в нерешительности. Прямо перед ним из подвала выскочили гитлеровцы. На лице Гражева появилась улыбка, в которой были удивление и любопытство.

Не дожидаясь, пока их кто-нибудь обнаружит, фашисты сами оставили свое удобное убежище, решив сдаться в плен. Высоко подняв руки, оборванные и жалкие, с небритыми, покрытыми слоем грязи лицами, они шли в сторону болгарских солдат и кричали что-то непонятное и бессвязное, что рассмешило Гражева еще больше. Во главе этой небольшой группы шел высокий унтер-офицер, выглядевший комично в коротких, не по росту брюках. Обуви на его ногах не было, ступни были закутаны в какие-то лохмотья: получилось нечто вроде тряпичных мячей. В дрожащих руках он держал палку с привязанным к ней белым полотенцем. Солдаты быстро окружили их и отобрали оружие. Из двенадцати человек только четверо положили свои винтовки на землю, остальные побросали их еще в подвале, где приняли решение сдаться.

— Отведите их быстро в тыл, товарищи! Остальные за мной!

Гражев снова бросился вперед. Откуда-то враг вел по ним пулеметный огонь. Перебегая через двор дома, он подумал: «Впервые вижу, чтобы немцы так сдавались в плен. Наверное, поняли, что сопротивляться бессмысленно. Неплохо, неплохо. Похоже, что скоро они начнут сдаваться толпами. Что и говорить, дело ясное... Обнадеживающее начало!»

Когда они приближались к соседнему дому, интуиция подсказала ему, что надо быть осторожным. Сегодняшний случай не должен притупить их бдительность, особенно сейчас, когда дело шло к концу...

— Ложись! — приказал он и бросился на землю.

И вовремя. Словно груши с дерева, которое потрясли, перед ними упало несколько гранат. Один за другим раздалось несколько взрывов, и земля под ними задрожала. Прежде чем рассеялся дым, над их головами засвистели пули. «Вот видишь, чего могла стоить твоя беззаботность!» Он спустился в ближайшую воронку от артиллерийского снаряда и притаился там. «Что с ребятами?» Гражев хотел оглядеться, но понял, что голову отрывать от земли нельзя. Он услыхал, что кто-то шевелится рядом с ним, и, не поднимая головы, спросил:

— Эй, кто это?

— Я... Кацарский Велин...

— Где остальные товарищи?

— Здесь, рядом.

— Есть ли раненые?

— Не знаю.

Пулеметный огонь усилился. Стреляли, казалось, именно по ним. Они оба уткнулись носом во влажную землю и прижались головой друг к другу. Сколько времени провели они так, Гражев не имел представления. Но когда он почувствовал, что огонь вражеских пулеметов ослаб и сместился куда-то в сторону, то приподнял голову и поискал взглядом своих людей. Он увидел, как Динев перебегает через улицу с пулеметом на плече, а два других солдата следуют за ним с патронными ящиками в руках. Вскоре они добрались до ближайшей ограды, и пулемет заговорил. Его ободряющее стрекотание заставило Гражева встать и сделать знак товарищам, чтобы те следовали за ним.

В несколько прыжков они очутились под окном первого дома и ворвались в одну из комнат. Она оказалась пустой. На полу были разбросаны каски, обрывки одежды и пустые гильзы. В дверях Гражев чуть не споткнулся о чей-то труп.

— Осторожно! — крикнул он учителю и отпрянул назад.

Из глубины коридора затрещал автомат, и пули застучали по стене. Так, значит, немцы готовили для них ловушку! Гражев сразу понял: «Нет, автоматным огнем мы с ними не справимся. Здесь нужны гранаты!»

— Дайте гранаты, товарищи!

Ему протянули целую сумку. Он взял две гранаты и приказал, чтобы то же самое сделал каждый боец.

Быстро был разработан план: он и учитель останутся здесь, а остальные выберутся наружу и окружат дом. Потом солдаты начнут штурм, а он и учитель уничтожат врагов гранатами.

Ребята вылезли через окошко обратно на улицу. Там к ним присоединились и подошедшие солдаты из других отделений. В соседнем дворе шел рукопашный бой с отказавшимися сдаться гитлеровцами.

Гражев услыхал тихий звук, как будто скрипнула дверь, и тотчас же бросил в этом направлении гранату. Взрыв потряс домик, но фашистам — сколько их было, Гражев не знал — удалось вовремя убежать из коридора в другую комнату. Началась игра в кошки-мышки. «Сумеем ли мы захватить врага живьем?» — думал Гражев.

Держа автомат в руке, готовый в любой момент открыть огонь, он медленно, шаг за шагом, прижавшись к стене, стал красться по коридору к комнате, где, по его предположениям, должны были находиться фашисты. Учитель следовал за ним затаив дыхание, готовый в любой момент при малейшей попытке сопротивления разрядить весь диск своего автомата.

Страшный грохот заставил их застыть на месте. От волнения у них перехватило дыхание. Они переглянулись.

— Что это? — спросил Гражев.

Учитель пожал плечами.

— Может, они покончили с собой?

— Да нет, не такие уж они герои!

В этот момент через дверь в дом ворвалось несколько солдат. С криком «ура» они устремились к комнате, в которой находились враги.

Гражев понял, что этим смельчакам удалось приблизиться к окну и уничтожить гитлеровцев.

Когда он вышел из дома и попытался собрать свое отделение, то оказалось, что его ребята проявили инициативу и пошли в новую атаку. Враг удерживал теперь всего два дома. Вместе с солдатами других отделений ребята Гражева врывались в дома через окна и двери, обшаривали комнаты и шаг за шагом теснили фашистов.

Гражев оказался посреди широкого двора. Рядом столпились солдаты и пленные немцы. Солдаты, возбужденные схваткой, громко переговаривались и обыскивали пленных. Было ясно — бой за Драва Саболч закончился.

Это был последний двор села. Дальше начиналось ровное, открытое поле. Уцелевшие гитлеровцы в панике бежали по нему, а болгарские пулеметы косили их. За полем поднималась темная стена густого леса, к которому и устремились отступающие, преследуемые болгарскими солдатами.

«Немедленно к лесу!» — принял решение Гражев, увидев, как из всех улиц и домов села выливается поток солдат и движется в том направлении.

Отделение за отделением, цепью или небольшими группами, с примкнутыми к винтовкам штыками или с автоматами наперевес, они шли вперед и вперед. Из села артиллеристы выкатили несколько легких орудий. Вскоре орудия загрохотали, обрушив на лес ураган снарядов.

Деревья гнулись и стонали. Пулеметы продолжали пронизывать лес своими огненными иглами. Два небольших танка пробили себе дорогу через развалины и тоже направились к лесу. За ними группами двигались солдаты. Пулеметчики быстро сменили позиции, выдвинули пулеметы вперед, и скоро стрекотание пулеметов слилось с грохотом орудий. Эхо умолкшего и темного леса отвечало им продолжительным и отчаянным воем.

Гражев собрал свое отделение и влился вместе с ним в этот человеческий поток, который быстро и безостановочно тек вниз к реке.

По дороге вместе с их полком двигались и советские части, принимавшие участие в атаке на село. Это воодушевляло солдат еще больше, и они ускоряли шаг, не обращая внимания на свист пуль и вой мин, разрывавшихся неподалеку.

Со стороны Драва Саболч доносились раскаты болгарской артиллерии, расчищавшей наступающим путь. Расположившаяся рядом советская артиллерия сотрясала воздух тяжелым рокотом, шедшим, казалось, из-под земли. А «катюши», которые вновь вступили в бой, покрывали небо ковром, сотканным из свистящих огненных нитей, и порождали у солдат то чувство бодрости и решительности, которое всегда предшествовало победе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕСЛЕДУЯ ВРАГА

1

Бой вспыхнул внезапно.

Первой на рассвете заговорила артиллерия. Она с вечера расположилась позади пехоты и притаилась у лесочка. Артиллеристы всю ночь не спали. Они расхаживали вокруг орудий с тревогой в сердцах и были начеку. Им, вероятно, очень не хотелось, чтобы их сочли трусоватыми. Рано утром они бросились к орудиям и с поразительной быстротой расписали снарядами пламенеющее утренней зарей небо.

Солдаты в окопах лежали, прижавшись друг к другу, и слушали грохот орудий. Тяжело им было расставаться

с нагретыми за ночь местами. «Хоть бы подольше продолжалась артиллерийская подготовка!» — мечтали они, натягивая полы своих шинелей, чтобы прикрыть замерзшие колени.

К верхушкам деревьев приклеился солнечный свет. Искрились на листьях капли росы. Солдаты вдыхали утренний воздух и не думали о бое. Они не выпускали винтовки из рук, а в их широко открытых глазах затаилось ожидание.

«На рассвете атака! Да, сейчас...» Эта навязчивая мысль остра, она пронзает словно штык. Но сон одолевает сознание, и веки, отяжелевшие от бессонницы и усталости, медленно опускаются на глаза. И вдруг громкий голос рассеивает тишину: «Вставай! Ребята, вперед... в штыки!»

Поднимаются из окопов серые солдатские шинели, сверкают на солнце штыки. Отрывистое, но решительное «ура» сотрясает притихший лес. Длинная цепь разрывается, дробится на небольшие группы, и каждый солдат видит, что он не одинок. Солдаты выходят из густого и темного леса и, делая перебежки, бросаются в атаку.

И только тогда противник обнаружил, что началось наступление.

Словно швейные машинки, застучали по зеленому полотну поля пулеметы, злобно зашипели мины, и маленькие синеватые облачка дыма обозначили места их разрывов. Как только облачка рассеивались, туда сразу же бежали санитары.

Вражеский крупнокалиберный пулемет, расположенный на левом фланге у двух белых березок, распустивших свои листья, держал под сильнейшим огнем выход из леса. Он не позволял пехотинцам ни на миг высунуть голову из окопа. Солдаты слушали его надоедливое стрекотание, их сердца наполнялись ненавистью и гневом.

Все это не ускользнуло от внимательного взгляда заместителя командира полка. Он стоял у окошка маленького уединенного лесного домика и с волнением наблюдал за ходом боя.

«Вот дьявол! — Он сердито выплюнул травку, вкус которой показался ему горьковатым.— Лает уже два часа и не позволяет левому флангу продвинуться вперед... Надо же!»

Заместитель командира полка быстро принял решение.

Выходя из прокуренной комнаты, он внимательно осмотрел остающихся в ней и заметил, в частности, что один из двух штабных офицеров, стоявших в середине комнаты перед покосившимся столом и чертивших пальцами на расстеленной карте пути наступления, думал не столько об этом наступлении, сколько о том, чтобы дать отдохнуть отекшим от ходьбы ногам. У дверей Петров задержался. «Вон как устал командир!.. Да! Ему совершенно необходимо отдохнуть... Вот странный старик! Упрям, как кавалерийский конь на скачках, не хочет, и все тут!»

Он еще долго продолжал бы размышлять о поведении своего командира, но неожиданно дверь растворилась, в комнату ворвались шум и грохот, и на пороге появилась стройная фигура майора Конопицкого.

— Почему ваши стоят на одном месте, а не наступают?

В голосе майора звучало раздражение.

— Не имею понятия, товарищ майор. Наверное, немцы оказывают сильное сопротивление...

Но такое объяснение не удовлетворило майора.

— А почему ваши передовые посты так сильно выдвинулись вперед, что попали под обстрел нашей артиллерии?

— Где? Какие посты?

— Вот здесь!

Майор Конопицкий достал из планшета большую карту и развернул ее.

— Я приказал артиллерии вести огонь по этому месту, а тут откуда ни возьмись ваши: «Не стреляйте! Здесь мы!» А почему они там? Они должны были находиться вот здесь!

Он накрыл указательным пальцем коричневое пятнышко между двумя зелеными клиньями, изображавшее поле, расположенное между небольшими рощицами. Молодой офицер следил за движением его пальца. Он был удивлен. Подняв голову, он устремил взгляд на серьезное лицо майора, слегка покрасневшее от гнева, прорезавшего на его лбу и с двух сторон рта едва заметные складки.

Удивительный человек этот майор Конопицкий! Его не было ни при выдвижении передовых постов, ни с артиллеристами, когда те осуществляли свои расчеты. Только по сведениям, полученным из штаба, он знал, где эти

посты располагались в данный момент и где они должны находиться в соответствии с принятым планом действий. И то, что он не находил их там, где они должны были быть согласно карте, сердило его и делало еще более симпатичным. Майор Конопицкий аккуратно свернул карту, положил ее обратно в планшет и сказал, скривив губы:

— Нет! Так нельзя делать! Это нужно исправить!

— Я передам это командиру, — согласился с ним молодой офицер и собрался войти в комнату.

— Нет! Я сам! — воспротивился майор Конопицкий и быстро направился внутрь домика.

Петров остался стоять у разрушенного деревянного забора. Над его головой цветущая магнолия протягивала свои ветки, и белые цветы падали к его ногам при каждом артиллерийском выстреле. Держа бинокль в руке, он смотрел вдаль, туда, где под синим мартовским небом стояли две нарядные белые березки. В этот момент они вызывали у него ненависть и отвращение. Что-то просвистело недалеко от его головы, и он инстинктивно пригнулся. Потом посмотрел вверх и улыбнулся. Нет, он не ошибся, он знает, как это бывает! Маленькое жужжащее насекомое с блестящими на солнце крыльями не могло ввести его в заблуждение. Он привык к этому свисту и знал, что те пули, которые свистят, опасности не представляют. А тех, которые опасны, человек не слышит, поэтому и перестает быть человеком! Эта мысль ему показалась остроумной, и он улыбнулся. Вторая пуля пролетела над его головой и впилась в соседнее дерево. Дождь из цветов посыпался ему под ноги. Это его рассердило. Он быстро пригнулся и скрылся за забором. Черт побери! Необходимо принять меры! И Петров быстро направился к домику.

Командир сидел за столом, держа телефонную трубку в руках. Он прервал разговор, поднял голову и встретился взглядом с молодым офицером. «Какие веселые глаза у этого парня, — мелькнула у него мысль.— Надо его беречь».

Он встал и медленно, тяжелыми шагами принялся расхаживать по комнате, защищенный, словно броней, полным безразличием к окружающим. Но все знали о его странных привычках и великодушно не видели никакой необходимости в том, чтобы обижаться на Старого.

Крупный, суровый, седовласый, с величественной осанкой, он ждал подходящего момента, чтобы броситься в атаку. Из угла комнаты пара веселых разноцветных глаз, живых, излучающих свет, следила за каждым шагом командира и восхищалась каждым его жестом. «Славный командир наш Старый! — думал молодой офицер, внимательно изучая черты его лица. — Если бы все командиры были такими, как он, наша родина процветала бы. Я непременно представлю доклад о нем!»

Тревожный телефонный звонок прервал ход его мыслей. Молодой человек вскочил, но все же оказался недостаточно проворным — Старый был уже там и держал в руках телефонную трубку, из которой доносился радостный голос. Что это значило? Петров впился глазами в лицо командира. Оно, казалось, было высечено из серого гранита, высечено грубо, крупными штрихами. Морщины на нем углубились. Но суровость на лице командира вскоре сменилась выражением радости. Из глубины его груди вырвался радостный крик, заставивший всех в изумлении оглянуться:

— Уничтожен... Наконец-то уничтожен!

Он был похож на ребенка, который впервые в жизни поймал бабочку и от восторга не может рассказать, как он это сделал. Он снова бросился к телефонному аппарату:

— Алло!.. Алло-о!..

Не дождавшись ответа, он встал и голосом, в котором звучали гордость и восторг, начал свой бессвязный рассказ:

— Уничтожен... да, да... крупнокалиберный пулемет, который с утра... там, у двух берез... Один храбрец... с пулеметом... пробрался вперед, вел бой и... теперь мы можем наступать!

— Кто это, товарищ полковник?

— Фамилии его я не знаю. Говорят, что он был ранен в голову.

Глаза молодого офицера загорелись, и он воскликнул:

— Храбрец!

— Да, да... выдающаяся храбрость! — добавил кто-то.

Командир выпрямился.

— Храбрость, которая спасла положение.

И, не теряя больше ни минуты, он выбежал наружу и заторопился туда, где шел самый тяжелый бой. Моло-

дой офицер последовал за ним. Он видел издалека, как его любимый Старый быстро идет, почти бежит своими удивительно пружинистыми шагами мимо выпряженных лошадей и повозок, которыми были забиты в лесу все полянки, все тропинки. Из-за повозок выглядывали возчики, недоумевавшие по поводу того, что заставляет их командира спешить напрямик, не разбирая дороги.

Внезапно Старый остановился, и молодой офицер, догнав его, понял, в чем заключалась причина этой задержки: сверху, по тропинке, покрытой сгнившими ветками и листьями, шел раненый солдат. Он шел медленно, придерживая руками забинтованную голову. Солдат остановился, отвечая на вопросы ближайших к нему ездовых. Показывая рукой в направлении, откуда доносились выстрелы, он объяснял им что-то тихим, слабым голосом.

Командир поспешил к этой небольшой группе. Ездовые узнали его и расступились. Раненый попытался встать по стойке «смирно», но рана, видимо, помешала ему сделать это, и он схватился обеими руками за голову.

— Больно, орел?

— Больно, товарищ полковник.

— Где тебя ранило?

— В голову, товарищ полковник.

— Да, да, я вижу, в голову. Но где это произошло?

Солдат смутился.

— Там... у берез, товарищ полковник...

Он попытался было объяснить поподробнее, но сбился и виновато посмотрел на командира.

— Не смущайся, парень! — успокоил его заместитель командира.— Расскажи все товарищу полковнику!

Солдату показалось, что ласковый голос этого красивого молодого офицера исцеляет рану, так мучившую его.

— Ну вот... значит, ранили меня... Я, знаете ли, продвинулся немного дальше, чем товарищи, и вел огонь по одному пулемету, который там был укрыт... Он каркал, как ворон, и не давал нашим пошевелиться... Я и разозлился... Ах вы, гады, неужели мы вам позволим колотить себя? Вставил новую ленту и как дал — от них ничего и не осталось... Но под конец и они в меня угодили. Здорово меня угостили. Пуля задела голову и... ох, больно!

Глаза солдата зажглись огнем. Но неожиданно он прервал свой рассказ, как будто испугался. И действительно,

в его глазах появился тот затаенный страх, который человек испытывает, поняв, что сказал больше, чем надо было. Никогда он не рассказывал о себе так много, а тем более незнакомым людям, жадно смотревшим на него.

Командир заметил это и ласково, по-отцовски положил руки ему на плечи.

— Молодец, орел! Ты настоящий храбрец!

2

Произошло то, чего все ожидали. Враг был разбит и бежал к реке. Но никто не бросился преследовать его по кровавым следам. Солдаты лежали в наскоро вырытых стрелковых ячейках, огорченные и взволнованные тем, что им пришлось понести значительные жертвы. Ошеломленные, они не понимали, что все было сделано, что необходимо только одно небольшое усилие, чтобы добиться окончательной победы.

Атака! Да, необходимо было сейчас же, немедленно начать атаку, броситься вперед по следам врага. Нельзя упускать этот момент — потом может быть поздно.

Молодой офицер на бегу перепрыгнул через невысокую ограду, разделявшую два луга, и застыл на месте. Взгляд его, казалось, выискивал что-то очень важное. Перед ним простиралось поле, над которым, словно ветер, пронеслось дыхание смерти. С одного края поля все еще доносилось стрекотание вражеских пулеметов; все пространство между двумя рощицами, где была расположена рота поручика Дончева, простреливалось. Одна из пуль пролетела над его ухом. Он вздрогнул от неожиданности, но взял себя в руки и продолжал высматривать то, ради чего пришел сюда, на этот опасный участок. Сейчас ему было не до осторожности, и он не собирался следовать тем важным инструкциям, которые сам втолковывал солдатам в мирное время в казармах. Он знал одно: необходимо действовать немедленно — времени больше терять нельзя!

Был конец марта — месяца, который здесь, в Венгрии, считается лучшим в году. Весна наступила рано. С окрестных холмов на равнину медленно опускался вечер, а от леса тянуло весенней свежестью. Небо нависло низко над близлежащими холмами, и цветущие деревья и кустарники на их вершинах казались яркими облаками. Этот

уголок земли был неповторимо прекрасен, и молодой офицер со вздохом подумал о тех, кто никогда его не увидит, о тех, кто пал в бою.

Заместитель командира полка огляделся по сторонам и увидел, что кое-где из сверкающей пены цветущих кустов высовываются человеческие головы. Некоторое время он пребывал в нерешительности, не зная, направиться ли ему в ту сторону или подождать, но раздавшаяся неподалеку пулеметная очередь, предназначенная, вероятно, для него, заставила его броситься плашмя на землю. Но вскоре он встал и, не обращая внимания на ожесточенную стрельбу, которая велась по нему, быстрыми и решительными шагами направился к какому-то, напоминавшему землянку сооружению, которое он заметил невдалеке. С покрасневшим от испытываемого им чувства неловкости лицом и с сердитым выражением во взгляде он подошел и спросил первого попавшегося ему на глаза солдата:

— Скажи, где ваш ротный командир?

Солдат, с обмотанной вокруг головы какой-то грязной и окровавленной тряпкой, не понял, казалось, его вопроса.

— Где ваш ротный? — снова спросил заместитель командира полка.— Эй, парень, ты что, оглох, что ли? Я тебя спрашиваю: где ваш ротный командир?

Солдат понял наконец вопрос, зашевелил бледными, искусанными до крови губами и ответил возбужденно:

— Убили его, товарищ заместитель командира полка.

— Убили?

— Так точно! Убили полчаса назад.

— А кто его сейчас замещает?

— Подпоручик Митев.

— Где он?

— Где-то здесь, поблизости...

Солдат оглянулся и поискал взглядом подпоручика Митева. Не обращая внимания на рвущиеся вокруг мины и злобный свист пуль, заместитель командира полка терпеливо ждал, когда к нему явится командир роты. Из уст в уста по всей цепи передавалось: «Подпоручик Митев! Подпоручику Митеву явиться к заместителю командира полка». Невысокий полный подпоручик появился неожиданно, как будто из-под земли. У него было широкое, монгольского типа лицо с выступающими скулами и

большие удивленные глаза, в которых молодой офицер не обнаружил ничего, кроме страха и пустоты. Неуверенными шагами подошел подпоручик к заместителю командира полка.

— Почему вы не наступаете?

— Не было приказа, товарищ заместитель командира полка.

— Что? Приказа не было? Разве для этого нужен приказ?

Подпоручик молчал. Его жалкий и растерянный вид вывел молодого офицера из равновесия.

— Вперед! В атаку! — сжав кулаки, закричал он прямо в лицо подпоручику. — А потом явитесь ко мне! — Он размахивал кулаками над головой растерянного подпоручика, продолжая кричать: — Под суд... я вас отдам под суд... за бездеятельность и нерешительность перед лицом врага! Это позор, это... — Он запнулся, прервав поток гневных слов, чтобы перевести дыхание. — Сейчас же... немедленно... роту в атаку! В атаку! Вперед!

Подпоручик пробормотал что-то непонятное себе под нос, отдал честь и как будто провалился сквозь землю. Не обращая внимания на стрельбу, молодой офицер ждал, что будет дальше. Он услыхал хриплый голос подпоручика, пытавшегося поднять роту. Но никто не сдвинулся с места. Что произошло, черт возьми? Неужели они упустят удобный момент для того, чтобы нанести по врагу последний удар?

Перед ним снова появился подпоручик.

— Я не могу их поднять, товарищ заместитель командира полка...

— Почему?

— Противник стреляет, голову нельзя поднять...

— Стреляет? А ты хотел бы, чтобы в вас бросали яблоками?

— Нет, но... у нас много убитых...

— Сколько?

— Пока тридцать два человека.

В разноцветных глазах заместителя командира полка мелькнула нерешительность. Подождать или наступать немедленно? Колебание это продолжалось очень недолго, он быстро оценил обстановку и приказал подпоручику вернутся на свое место. Вынув из кобуры пистолет и сжав его в руке, он процедил сквозь зубы:

— Командовать ротой буду я! — Он поднял правую руку и закричал: — Внимание!.. Слушай мою команду!

И, не обращая внимания на пули, свистевшие вокруг него, словно рассерженные осы, он медленно пошел к вершине холма, где распускались белые облачка и откуда доносились этот отвратительный грохот и это злобное стрекотание.

— За мной! Вперед... в штыки!

Но никто не последовал за ним. Петров сделал несколько шагов и оглянулся.

— Вперед... в штыки! — повторил он свой приказ, на этот раз таким голосом, что сам испугался.

Поднялось несколько голов, и несколько человек попытались было последовать за ним, но вскоре вернулись в окоп. Это разозлило его, и у него появилось желание растоптать их как червей. «Трусы! Ну подождите, я вас проучу!» Он сделал несколько шагов назад и, склонившись над окопом, спросил, сдерживая гнев:

— Есть здесь коммунисты?

Последовало молчание. Несколько десятков пар глаз смотрели на него с тупым, непонимающим выражением. В уголках его губ появилась пена.

— Я вас спрашиваю: есть ли среди вас коммунисты?

Вместо ответа со дна окопа поднялась обмотанная бинтами голова, мелькнуло чье-то знакомое лицо.

— Я, товарищ заместитель...

Молодой офицер посмотрел на говорящего. Гражев! Да, это был он, случай свел их в такой момент, когда решалась судьба всей роты и судьба их самих тоже.

— Гражев, ты ли это?

— Я, товарищ заместитель командира полка.

Молодой офицер огляделся вокруг.

— А больше разве никого нет?

— Есть еще несколько товарищей.

Заместитель командира полка подождал некоторое время и с нетерпением в голосе воскликнул:

— Коммунисты! Коммунисты, вперед!

С разных сторон поднялись серые фигурки и, делая перебежки, приблизились к нему. Он насчитал шестнадцать человек, включая себя и Гражева. Маловато! Но они все же сделают то, что надо сделать! Да, это были люди, на которых он мог всегда положиться, и вот сейчас

им предстояло первыми броситься в атаку... Он сделал им знак, чтобы они подползли поближе.

— Товарищи, — начал он краткую речь, — мне кажется, что нет необходимости много говорить... Враг разбит, но мы должны гнать и преследовать его до конца! Мы должны отбросить его за реку! Товарищи, партия требует этого от нас... и поэтому мы должны... сейчас же, немедленно, в атаку, товарищи, вперед... в штыки... Ура!..

Потом, когда они бежали наверх, к вершине холма, он услыхал за собой чье-то тяжелое дыхание. Кто-то изо всех сил старался не отстать от него. Он залег за каким-то кустом, оглянулся и увидел Гражева. «Ни на шаг от меня не отходит! — удивился молодой офицер. — Конечно же, что сильнее всего связывает нас в этот момент, так это партия! Да, да... Если придется погибнуть, то мы погибнем вдвоем!» Он обернулся к Гражеву, желая улыбнуться ему, но улыбка исчезла с его лица, едва появившись. Гражев усмехнулся:

— Значит, нас только двое, товарищ Петров...

— Что ж, пусть только двое, Гражев!

Гражев дал короткую очередь из автомата и в паузе между двумя выстрелами сказал:

— Я уверен, ребята подойдут!

— Иначе и быть не может!

Некоторое время оба они молчали, чувствуя, что больше им нечего сказать. Неожиданно Гражев повернулся к нему.

— Вот что, товарищ заместитель... — прошептал он и замолк.

Офицер пододвинулся к нему:

— Ну что, Гражев? Говори!

Гражев некоторое время не решался, но потом начал быстро говорить, как будто опасаясь, что ему не хватит времени рассказать обо всем, что волновало его в этот тяжелый, решающий момент боя:

— Если со мной случится что-нибудь плохое... — Он замолк на момент, но потом почувствовал, что силы вернулись к нему, и продолжил уже увереннее: — Я хочу сказать тебе, товарищ заместитель командира полка, если со мной случится что-нибудь плохое... то передай, пожалуйста, Вере вот это... Пусть будет ей на память... пусть она не забывает меня... — Гражев сунул дрожащую руку в карман кителя и достал оттуда помятую фотографию.

Молодой офицер взял фотографию, предчувствуя, что должно произойти что-то плохое, и бросил на нее беглый взгляд. Гражев, подтянутый и чисто выбритый, в новеньком мундире пехотинца, стоял у землянки и задумчиво смотрел вдаль. Он сфотографировался через несколько дней после знакомства с Верой и находился под впечатлением их первой встречи.

Фотография понравилась Петрову, и он, кивнув головой, пообещал:

— Хорошо, я передам... Но что это ты, Гражев, а? — И он рассмеялся. — Подожди, братец, мы с тобой еще повоюем... Да и неизвестно еще, кто из нас первый... Ты будешь жить! — вскричал он.— Да, жить! Слышишь? И я буду жить, и Вера...

Он не закончил свою фразу. Их товарищи снова поднялись и пошли в атаку на холм. Петров поднял голову и увидел, как они мчатся вперед цепью, не обращая внимания на вражеские пулеметы и автоматы, быстро поднимаясь к вершине. Некоторые из них упали, скошенные вражеским огнем, но остальные рвались вперед, прокладывая дорогу. Это увлекло и других солдат. Они поднялись из окопов бескрайней цепью, которая сначала изогнулась, заколебалась и поредела, а потом разбилась на отдельные звенья, каждое из которых неслось вперед с криком: «В штыки!.. Ура!»

Петров и Гражев бежали рядом, стараясь быть во главе роты, и вдруг у вершины холма Гражев упал в глубокую воронку от артиллерийского снаряда. Он опустился на землю без крика и стонов, не успев сказать ничего. Заместитель командира полка задержался на миг, с болью глядя на распростертое тело Гражева. И сейчас он был так же устремлен вперед, как во время бега, его вытянутая рука еще сжимала автомат. Но заместитель командира полка не мог терять времени и, оставив Гражева лежать, как лежали десятки других убитых, продолжал бежать вперед.

3

Шум боя остался позади. Петров шел через лес по узкой дорожке. «В Гражеве было что-то необыкновенное,— думал он, — какая-то сила. Это привлекает людей и держит их в плену того обаяния, какое присуще сильному человеку... Гражев — герой! Он погиб как настоящий сол-

дат — на своем посту! Я передам Вере снимок и скажу: «До последней минуты своей жизни он думал о тебе. Ты можешь гордиться, Вера, таким храбрецом!»

Неподалеку гремели орудия батареи, приданной полку. А откуда-то из глубины леса раздавался протяжный вой «катюш».

Молодой офицер сошел с дорожки в сторону. Среди деревьев и кустов мелькали фигуры артиллеристов. Их командир расположился далеко впереди и оттуда в бинокль рассматривал местность. Артиллеристы сидели вокруг орудий, курили и вели спокойный разговор, как будто они находились не на войне, а собрались в лесу поболтать. Увидев заместителя командира полка, все поднялись на ноги.

— Ну, ребята, как дела? — спросил он улыбаясь. — Досталось от нас врагу?

— Досталось, товарищ заместитель командира полка. Будет нас помнить!

— Это еще не все, ребята. Там, перед рекой, находятся небольшие группы противника...

— Это так, товарищ заместитель командира полка, но мы говорим о главных его силах...

— Тогда другое дело.

— Если мы его пока еще не вышибли отсюда, то скоро вышибем! — заявил какой-то щуплый сержант и небрежно махнул рукой.

— Конечно вышибем, — поддержали его остальные.

Сержант подал им знак:

— Ребята, подпоручик идет! Приготовить снаряды! Сейчас мы начнем!

Солдаты разошлись, и каждый из них занялся своим делом. Только наводчик спокойно остался сидеть на своем месте. Он задумчиво и сосредоточенно курил, как будто все происходящее не имело к нему никакого отношения, и ничто не могло заставить его отказаться от сигареты, которая приносила ему такое наслаждение.

Подошел подпоручик, энергичный молодой человек, с твердой, уверенной походкой. Быстрым движением он отдал честь заместителю командира полка.

— Слева, у реки, находятся две группы, оказывающие сопротивление, — сказал он с серьезным выражением на своем молодом, почти мальчишеском лице.— Уничтожив их, мы еще сегодня ликвидируем вражеский плацдарм. Но

для этого артиллерия должна осуществить огневой налет, вслед за которым пехота пойдет в атаку. Разрешите, товарищ заместитель командира полка? — спросил он и показал рукой в сторону двух орудий, рядом с которыми стояли солдаты, готовые к выполнению его приказа.

— Да, идите, товарищ подпоручик, идите и делайте свое дело. А я немного понаблюдаю...

Молодой командир батареи энергичными шагами приблизился к своим орудиям и высоко поднял правую руку.

— Ребята, внимание! — закричал он высоким, срывающимся голосом.— Огонь!

Несколько последовавших один за другим артиллерийских выстрелов, потрясших воздух, свидетельствовали о том, что батарея сделает свое дело. Рука поручика то резко поднималась, то так же резко опускалась, вслед за чем следовал новый выстрел.

Но вот телефонист, расположившийся неподалеку за стволом дерева, помахал рукой и доложил: «Товарищ подпоручик, сообщают, чтобы вы прекратили огонь!»

Вздыхая, артиллеристы закончили свою работу. Они, казалось, были недовольны тем, что им пришлось так недолго побыть у орудий, которые они любили сейчас больше всего на свете.

Подпоручик подошел к Петрову:

— Цели поражены, товарищ заместитель командира полка.

— Поздравляю вас с успехом!

— Большое спасибо, товарищ заместитель командира полка.

— Я особенно доволен...

— Рад стараться, товарищ!

Они крепко пожали друг другу руки и разошлись. По той же дорожке, по которой он пришел сюда, Петров продолжил свой путь. Тропинка уводила его все дальше в глубь леса, куда едва-едва доносился шум затихающего боя.

Неожиданно он вышел на широкую полянку, от которой в разные стороны расходилось несколько дорожек. Картина, открывшаяся здесь его взгляду, поражала.

Полянка и дорожки были забиты повозками, лошадьми и людьми. Это был полковой обоз. Он следовал за полком во время наступления, а теперь командиры ре-

шили, что продвигаться дальше нет необходимости, потому что полк вышел к реке, и приказали распрячь лошадей и расположиться здесь, где ничто не могло нарушить их покоя. И вот всего за несколько минут эта маленькая полянка превратилась в большой шумный лагерь.

На траве лежали солдаты. Одни дремали рядом с лошадьми, пощипывавшими траву. Другие сидели маленькими группами, курили и разговаривали. На широком походном столе два повара, закатав рукава своих курток, ловкими движениями, как опытные мастера своего дела, разделывали тушу только что зарезанного теленка. Два других складывали крупно нарезанные куски мяса в котел, под которым буйно пылал огонь. Вода кипела, ароматный пар поднимался над котлом, соблазняя проголодавшихся солдат.

— Эй, Спиридон, вари-ка ты теленка побыстрей да съедим его, а то хозяин хватится и пожалует сюда, — шутливо сказал один из поваров, полный, в сдвинутой на затылок фуражке.

Повару, к которому были обращены эти слова, нравилось, по-видимому, когда с ним говорили в таком шутливом тоне. Размахивая рукой с зажатым в ней ножом, он сказал с притворным раздражением:

— Пусть приходит, если хочет. Вот что я ему дам,— показал он на телячий хвост, — и скажу: «Мы ведь сюда не на свадьбу пришли!»

— Но ты все-таки поторапливайся. Фельдфебель собирался доложить ротному, что, дескать, без разрешения...

— Кто? Я, что ли?

— Конечно ты! Не я же!

— Дудки! Для кого я его взял... не для себя же...

Они еще долго продолжали бы препираться, если бы не заметили, что, пробираясь между телегами, прямо к ним направляется заместитель командира полка. Кто-то закричал: «Встать!», но офицер махнул рукой, чтобы все оставались на своих местах. С улыбкой, способной покорить даже недоброжелательно настроенных, он подошел к поварам:

— Готовите, орлы?

— Так точно, товарищ заместитель командира полка. Горячий супчик для ребят... Устали они и проголодались, вот мы и подумали... Ведь бой скоро закончится!

Старший повар прервал свой рассказ. Он понял, что в словах нет необходимости — все понятно и так. Он почесал затылок и понюхал табак, эту привычку он усвоил еще до армии.

— А скоро ли будет готово?

— Скоро, товарищ заместитель командира полка.

— Хорошо, ребята, очень хорошо. Дай-ка ложку, я посмотрю, что там у вас в котле!

— Да что... мясцо, товарищ заместитель командира полка.

— Да ну? Мясцо? Отлично! Ребятам нужно усиленное питание!

— Вообще-то сегодня не полагалось мясо, но мы уж... так сказать, по своему усмотрению, принимая во внимание обстановку, зарезали теленка... ну и думаем, так сказать, что надо сварить супчик. — Он помешал в котле поварешкой и, захватив ею кусочек мяса, предложил его офицеру: — Пожалуйста, товарищ заместитель командира полка. Хотя еще не совсем готово, но вкус вы разберете.

Офицер прожевал кусочек и похлопал повара по плечу:

— Вкусно!

— Рад стараться, товарищ заместитель командира полка, — ответил старший повар, не обращая внимания на насмешливые взгляды своих товарищей, едва сдерживающих смех.

Заместитель командира полка оставил веселого, добродушного повара и его друзей-шутников и направился в штаб дивизии.

С трудом пробирался он через плотные ряды обозов. Вся лесная тропа была забита повозками, машинами, санитарными автомобилями. Здесь располагался обоз одной роты, там — другой, а в самом конце находился походный полковой лазарет, где раненым оказывали первую помощь.

Выйдя к полю, он неожиданно оказался во дворе небольшой усадьбы. Здесь, как в казарме, расположилась какая-то часть. Хозяева предоставили все комнаты в распоряжение солдат. Поняв, что пришедший — «большое начальство», венгры окружили Петрова и принялись что-то кричать на своем языке и просить его о чем-то. Из всего этого галдежа он понял только, что «солдат забрал лошадь, а лошадь нужна нам, мы бедные крестьяне и без лошади капут!». Рассерженный старый венгр с опален-

ным солнцем лицом и в грязной белой рубахе отчаянно махал руками, показывая в глубь двора. Жестами он пытался объяснить то, что не мог сказать словами. Вокруг него вилась стайка детей, один другого меньше, а какая-то молодая венгерка с младенцем на руках, наверное его сноха, вытирала платком глаза и всхлипывала. Из сарая, в который перебрались хозяева, вышла тоненькая, стройная девушка с красивым смуглым лицом и принялась объяснять Петрову:

— Немцы забрали, господин... Булгари тоже забрали... Теперь папа нинч... Немцы капут...

Молодой человек был в замешательстве.

— Хорошо! — кивнул он головой. — Хватит! Хоть ты лопни, ничего невозможно понять, черт побери!

Но девушка, которой хотелось понравиться ему, продолжала:

— Прошу вас, господин...

— Ну что ты хочешь?

— Солдаты забрали лошадь...

— Это все?

Она кокетливо улыбнулась:

— Да, господин.

— И ты хочешь, чтобы мы отдали лошадь?

— Прошу вас.

— Хорошо, сейчас разберусь.

Он подозвал фельдфебеля, проходившего поблизости, и спросил его о лошади. Покраснев от смущения, фельдфебель пытался было скрыть происшедшее, но потом признался, что распорядился реквизировать лошадь.

— Почему?

— Это необходимо, товарищ заместитель командира полка. Вчера пала белая лошадь, на которой мы возили хлеб.

Молодой офицер задумался, потом спросил:

— А тебе известен приказ штаба армии?

— Никак нет, товарищ заместитель командира полка. Что это за приказ?

— Не забирать у венгерского населения живой инвентарь, который оно использует для сельскохозяйственных работ, чтобы прокормить себя.

— Но нам не на чем возить хлеб.

— Возьмите лошадь у других, мало лошадей, что ли? Ясно?

— Так точно!

— Верни лошадь!

— Слушаюсь, товарищ заместитель командира полка, — неохотно ответил фельдфебель и медленно направился к конюшне.

Венгр и все его семейство поняли, что «большой начальник» распорядился вернуть лошадь. Обрадованные, они не знали, как выразить ему свою благодарность. Старик кланялся до земли, а дети бегали вокруг матери и что-то радостно кричали на своем языке.

Не задерживаясь более, молодой офицер продолжал путь к штабу дивизии. Он пересек двор и остановился у глубокого колодца, где несколько солдат поили из ведра своих лошадей. Отсюда начиналась широкая пыльная дорога, ведшая к расположенному неподалеку селу. Он вышел со двора усадьбы и направился туда быстрыми, решительными шагами.

Драва течет спокойно

1

Враг был разбит и отброшен за реку.

Солдаты вернулись на берег и заняли свои старые позиции. Но от их землянок и окопов, наблюдательных пунктов и пулеметных ячеек ничего не осталось. Тогда солдаты быстро принялись за работу и заново построили ту сложную сеть окопов, землянок, ходов сообщения и гнезд, без которой, как они понимали, нельзя было жить и спать спокойно.

Было начало апреля. Бои отгремели, но при воспоминаниях о них солдат бросало в дрожь, они испытывали то неприятное чувство, какое бывает у человека, охваченного вдруг ужасом пережитого.

Только теперь они заметили, что солнце сильно припекает. Погода установилась теплая, ласковая. От влажной земли поднимался пар, окутывавший верхушки деревьев и пригорки.

Солдаты, оставив свои окопы и землянки, высыпали на поля и луга. Собравшись группками, они лежали на молодой зелени, проводя свободное время в приятном ничегонеделанье. Некоторые из них грели на солнце свои

затянувшиеся раны и пытались забыть о пережитых ужасах. Разложенные для сушки после стирки вещи свидетельствовали о том, что солдаты вернулись к спокойной окопной жизни и привычки снова взяли свое. Издалека на сочной зелени луга виднелись разложенные для сушки разноцветные свитеры и пуловеры, носовые платки, нижнее белье. Шум и гам, доносившиеся отовсюду, свидетельствовали о том, что жизнь снова кипит там, где всего несколько дней назад свирепствовала смерть. Там, на противоположном берегу реки, было необычно тихо и спокойно, казалось, что о вторичном форсировании реки больше никто не помышляет. Враг явно был обескровлен и сейчас зализывал свои раны.

По узкой, изрытой снарядами дорожке, ведшей вдоль верб, шла Вера, охваченная беспокойными мыслями, приходившими, как ей казалось, откуда-то издалека. Ее жадному, всеохватывающему взору открывались вокруг все новые и новые проявления великолепия ранней венгерской весны, наполнявшей ее душу мучительно сладкими воспоминаниями о тех мгновениях, которые она пережила в своей любви к Гражеву. В невольной улыбке, появившейся на ее бледных губах, крылась вся тайна того, что произошло с ней после его гибели. После всего пережитого ею происшедшее представлялось Вере большой жестокостью, и она никак не могла заставить себя поверить в то, что у нее были минуты настоящего счастья.

На полянке у верб, где когда-то находилась землянка Гражева, сейчас была устроена другая. Несколько его товарищей расположились перед входом в нее. Вера не хотела подходить к ним, но ноги сами привели ее туда. Она остановилась и попыталась справиться с волнением, вызванным мыслью, что его среди них уже нет.

Никто не замечал ее присутствия. Каждый был поглощен своими делами и мало интересовался теми, кто проходил мимо. Вера стояла в стороне и ждала. Заметят ли они ее? Узнают ли?

Глядя на них, она поняла, что, утомленные тяжелыми боями, они хотели сейчас немного развлечься, отдохнуть. Оглядевшись, она заметила недалеко от группы двух полураздетых солдат, стиравших в деревянном корыте свои вещи.

Может быть, солдаты вообще не заметили бы, что кто-то стоит рядом с ними, если бы один из тех, кто стирал

и теперь выжимал брюки, не поднял голову и вовремя не обнаружил девушку.

— А, Вера! Здравствуй! — Он помахал ей своей длинной и худой рукой.

— Здравствуйте, учитель!

— Откуда ты идешь?

— Из штаба. — Она попыталась улыбнуться ему.— Соскучилась я по вас, вот и решила зайти...

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — закивал он головой. — Давненько мы не виделись. Пропала ты куда-то в последнее время и не хочешь видеть своих друзей...

Он был очень словоохотлив и долго бы еще говорил, но заметил, что девушка почувствовала себя задетой, и потому замолчал и лишь посматривал на нее украдкой, взглядом выражая свое безграничное сочувствие.

Не отвечая ему, Вера подошла к солдатам. Никто ничего не сказал, никто не шелохнулся. Молчанием они выразили свою глубокую скорбь и привязанность к тому, к кому она пришла, но кого, к сожалению, не было среди них. Они опустили голову, избегая ее взгляда. Вера поняла все и, не желая напоминать им о безвозвратном прошлом, попыталась изменить общее настроение.

— Как рано пришла весна! — сказала она и улыбнулась своей легкой, светлой улыбкой.

Солдаты поняли, что это стоило ей больших усилий.

— Да, — согласился с ней кто-то, и снова наступило молчание.

Но именно молчание, наверное, больше всего тяготило ее, потому что она вдруг заговорила:

— Я пришла сюда по старой памяти, хорошо мне с вами, как и прежде. Все мне напоминает об Илие... Смотрите, товарищи!

Все повернули голову в том направлении, куда указывала она. Только сейчас они заметили, как прекрасен этот край. Над молодой и сочной весенней травой, словно раздуваемые ветром яркие огоньки, колыхались красные маки. Но больше всего их удивил голос, каким она сказала: «Хорошо мне с вами, как и прежде». Она повторила эти слова несколько раз, и они прозвучали как глухой, сдавленный стон. Беспредельная печаль, порожденная воспоминаниями о прошлом, заставила их опустить голову и промолчать ей в ответ.

Она постояла еще немного и, выразив сожаление, что не может остаться с ними подольше, пошла через луга к командному пункту роты. Она хотела собрать дополнительные сведения о гибели Илии, о том, как он держал себя в бою. Заместитель командира полка рассказал ей обо всем, но ей казалось, что есть еще что-то такое, что она должна знать.

Она шла по тропинке, протоптанной солдатами, пытаясь думать только о том великолепном виде, что открывался перед ней.

Внизу, под высоким и крутым берегом, текла Драва. Прохладный шум ее волн бодрил и успокаивал Веру. Недалеко от берега были устроены землянки, и у входа в каждую из них стоял солдат. Часовые, расположившиеся на наблюдательных пунктах, не отрывали взгляда от густой, буйной зелени на противоположном берегу, внимательно рассматривая позиции врага. Рядом с ними стояли крупнокалиберные пулеметы, напоминая о том, что часовые бдительны и готовы отразить нападение врага, если тот снова попытается его предпринять.

По дороге к командному пункту роты Вера видела рядом с каждой землянкой небольшие группы отдыхающих солдат, коротающих предвечерние часы за нехитрыми забавами. Это, конечно, не удивило ее. После тяжелых боев солдаты не могли нарадоваться солнцу, свежему и прохладному воздуху, чудесной венгерской весне и тому, что они остались живы и невредимы.

В глубине полянки находился бугорок, поросший невысоким кустарником и цветущими магнолиевыми деревьями. Там, под белыми облаками цветов, располагалась землянка, в которой жил командир роты. Вера была с ним незнакома и не знала, как он ее встретит. Перед землянкой в высокой некошеной траве, греясь на солнце, лежали солдаты. Вере пришла мысль подойти к ним, прежде чем посетить командира, и кое о чем расспросить, чтобы знать, как держать себя. Но едва она сделала каких-нибудь десять шагов, как ее внимание привлек шум приближающегося автомобиля. Прежде чем она опомнилась и пришла в себя, по лугу мимо нее стрелой промчалась машина. Она даже не успела отскочить в сторону, и машина, объезжая ее, сделала такой крутой поворот, какой не удался бы никакому другому автомобилю. Откуда-то, как будто из цветочного облака, появился маленький растрепанный офи-

цер, что-то скомандовавший своим писклявым голоском. Она увидела, как из автомобиля вышел командующий армией и с проворством, неожиданным для его плотной, крепкой фигуры, устремился к землянке, сопровождаемый адъютантом и несколькими штабными офицерами. Он приблизился к небольшой группе солдат, внимательно осмотрел их взглядом опытного военачальника и поздравил с победой. Выслушав нестройный ответ смущенных солдат, он продолжал свой путь к землянке. Оттуда навстречу ему уже спешил новый командир роты.

2

Командующий уехал, а Вера продолжала стоять на том же месте, пораженная мыслью, что Илия погиб в последний день боев, не имея возможности сделать другого выбора, кроме того, который подсказывала ему совесть коммуниста и патриота. Как еще можно было поступить в этом случае? И она должна была признать, что он поступил именно так, как следовало, как поступил бы каждый, кто думал и чувствовал так, как он. Она закрыла глаза. Сильная грусть овладела ею. Она долго стояла без движения, закрыв глаза, и видела перед собой устремленное вперед бледное лицо Илии, небритое, несущее на себе следы усталости и напряжения боя, покрытое мелкими каплями пота, тонкую полоску засохшей крови на шее и улыбку, с какой он сказал: «Чего там, пустяки! Не беспокойся! Это я так... оцарапался, когда упал».

Сколько она так простояла, Вера и сама не знала, но наконец очнулась и пошла быстрыми шагами.

Она дошла до тропинки, которая привела ее к реке. В ста метрах перед ней виднелись вербы, сверкала серебряным блеском вода. Здесь, на берегу, в одной из разбросанных вокруг землянок она впервые встретилась с Илией... Если бы он был жив, она нашла бы его здесь, где они лежали на влажной земле и где он впервые поцеловал ее. Разве она не отдала ему свое сердце еще в первый день их знакомства?

Здесь, неподалеку от тропинки, находилось военное кладбище, где была и могила Илии. Вера ходила туда вчера, отнесла свежие цветы, но сегодня она снова испытывала непреодолимое желание пойти туда, к маленькому холмику земли, под которым лежал дорогой ей человек.

Без колебаний она резко повернулась и быстро направилась к тому месту, где оставила свое сердце.

На опушке леса, недалеко от берега Дравы, находилось военное кладбище — русское и болгарское. Узкая тенистая дорожка вела к нему.

В этом тихом уголке, огражденном со всех сторон буйной зеленью, герои нашли свой последний приют. Словно ласковые материнские руки, протягивались к их могилам снежно-белые, с розовой пеной ветви цветущих кустов и деревьев.

Среди густо переплетенных ветвей виднелись красные пирамиды, а на них — пятиконечные звездочки. Их строгие ряды напоминали о силе духа павших в бою, их собранности.

Вера прошла по дорожке быстрыми шагами и остановилась у первой могилы. Молодой сержант, родившийся на Украине, погиб за несколько дней до окончания битвы. С волнением она прочитала еще несколько фамилий и направилась к могилам болгарских воинов.

Уже издалека вид простых деревянных крестов, грубо сколоченных и некрашеных, заставил ее застыть на месте. Где могила Илии? Вон она, в конце второго ряда, полевые цветы, которые она оставила на ней вчера, еще сохраняли свою свежесть. Вера почувствовала, как сердце в ее груди замерло. У нее перехватило дыхание. Несколько секунд она стояла неподвижно, с тоской глядя на могилу, потом собрала все свои силы и быстро пошла дальше. Чувствуя слабость в ногах, Вера остановилась перед могилой Илии.

Гробовая тишина... У Веры перехватило дух... Полянка, окруженная пестрым венком зелени и цветов. Посреди полянки — могилы с желтыми крестами. И тишина, гробовая тишина... И она, стоящая рядом с этой могилой. Слезы застилают ей глаза, а над ней синеет небо, на котором ветер разогнал тучи. Легкий ветерок доносит шум реки. Пчелка жужжит над головой, блеск ее фосфорно-зеленых крыльев отражается, словно солнечный луч, во влажных глазах девушки. Белые бабочки перелетают от цветка к цветку и садятся, усталые, отяжелевшие от приставшей к ним пыльцы, на налитую соком молодую траву и ветки кустов. Стая птиц с веселым щебетом появляет-

ся со стороны реки и исчезает в прохладной глуши густого и темного леса. Два озорных воробья, отчаянно чирикая, дерутся неподалеку в ветках вишневого куста, и белые цветы падают на свежую землю, покрывающую могилу, и ей под ноги. И лес с его неясным шумом, и полянка, залитая щедрым весенним солнцем и окутанная тишиной, и это далекое синее небо с летящими по нему облаками, и эта свежая могила со склонившейся к ней молодой женщиной — все это, сливаясь во что-то большое, говорит о силе того великого, всеохватывающего, называемого людьми то природой, то миром, что представляет собой, в сущности, и то, и другое — нераздельное целое, жизнь без которого немыслима.

Вера очнулась. Затуманенным взглядом посмотрела она на могилы вокруг, и глубокий вздох вырвался из глубины ее души. Да, Илия не одинок! Рядом с ним лежат еще несколько десятков молодых людей, погибших в бою. Она перенеслась мыслями в дни недалекого прошлого и вспомнила его таким, каким видела при первой их встрече: бодрым, жизнерадостным, уверенным в себе, охваченным любовью к людям. Да, Илия был настоящим пламенным борцом и героем! Слезы показались ей ненужными и недостойными, и она решила быть стойкой и гордой.

Что нужно делать? Предстоят новые тяжелые и решительные бои. Враг отброшен за реку, но не уничтожен. На место Илии должен встать новый солдат. Может ли она безучастно стоять в стороне?

Она вспомнила о заместителе командира полка. Он говорил, что всегда готов помочь ей. Может, обратиться к нему с просьбой включить ее в ряды солдат? Согласится ли он? А вдруг он ответит, что как военный корреспондент она делает более ответственное дело, чем как рядовой солдат. Да, это верно, но она будет делать оба эти дела так же добросовестно, как и до сих пор.

Вера устремила свой взгляд на маленькую черную надпись на кресте: «Серж. Илия Хр. Гражев, род. 1916 г., с. Цветино, убит 19 марта 1945 г.». В последний раз посмотрела она на покрытую цветами могилу и медленно стала спускаться к реке.

Недалеко от берега, скрытый кустами, с винтовкой на плече стоял часовой. Штык сверкал на солнце. Часовой стоял спиной к ней, лицо его было обращено к противо-

положному берегу, где во мраке густых, непроходимых лесов Словении притаился враг.

На страже родины! Она шла к штабу полка, где надеялась найти заместителя командира. Решение, принятое ею, было твердым, и она ни за что не изменит его.

В последнее время радио и газеты сообщали, что войска маршала Толбухина перешли в наступление на широком фронте северо-западнее Балатона и освободили города Секешфехервар и Веспрем. Разгромленный, враг отступал на запад, к Вене и Берлину. Только здесь после жестоких боев пока сохранялось затишье.

Вероятно, и они скоро получат приказ начать наступление, большое и долгожданное наступление. Они форсируют реку и погонят врага на запад! Да, недалеко это время! Им предстоит большое дело... Может, завтра... Может, послезавтра... Они должны быть готовы.

Вера остановилась на миг и, скрытая кустом, посмотрела на запад.

Там вдалеке, окутанная буйной весенней зеленью, широкая и спокойная, текла Драва.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 446

Иван Мартинов
ОПАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Редактор *А. Ф. Якубовская*
Литературный редактор *Г. В. Сакович*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Е. Г. Семеляк*

Сдано в набор 27.12.76 г. Подписано в печать 29.3.77 г.
Формат 84×108/32. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,120. Уч.-изд. л. 15,379.
Бумага тип. № 2. Цена 1 р. 69 к. Тираж 65000 экз.
Изд. № 10/2757 Зак. 337

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

1р 69 к

И. МАРТИНОВ
ОПАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ